Л. А. Чиндина

МОГИЛЬНИК РЁЛКА НА СРЕДНЕЙ ОБИ

2 С
-63

Л. А. Чиндина

МОГИЛЬНИК РЁЛКА НА СРЕДНЕЙ ОБИ

Научная библиотека № 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Томск — 1977

В монографии характеризуется один из периодов рёлкинской культуры Среднего Приобья. В основу положены материалы могильника Рёлки VI—VIII вв. В работе дана типология среднеобской керамики и другого инвентаря, особенности погребального обряда. На широком историческом фоне рассмотрены вопросы хронологии, происхождения, историко-культурных связей, этнической принадлежности и религиозных верований рёлкинцев.

Книга рассчитана на археологов, этнографов, лингвистов, краеведов, преподавателей и студентов вузов.

Редактор — профессор З. Я. Бояршинова

1-6-

© Издательство Томского университета, 1977

ВВЕДЕНИЕ

Во второй половине I тыс. н. э. Среднее Приобье было вовлечено в сложные исторические процессы, охватившие всю Западную Сибирь. Интенсивное освоение железа еще в предшествующий период привело к значительному совершенствованию материально-технической базы, что неизбежно отражалось на развитии социально-экономических отношений внутри общества. Эти процессы усиливались под воздействием разнообразных контактов с южными культурами, где разложение первобытнообщинных отношений зашло далеко и появились первые государства — Древнехакасское и Тюркский Каганат. В Приобье складываются новые этнокультурные общности, на основе которых позднее формируются некоторые западносибирские народности.

Первая попытка проследить историю раннего средневековья племен низовьев Томи была предпринята М. Н. Комаровой (1952). Она провела очень сложную и важную работу по выявлению хронологических комплексов Томского могильника. В результате ее усилий весь материал был разделен на несколько хронологических групп, среди которых был комплекс, относящийся к VII—VIII вв. н. э. Из-за отсутствия достаточного количества материалов она не определяет культурной принадлежности Томского могильника на Большом мысу, ограничиваясь лишь синхронизацией с некоторыми другими памятниками (могильник у Архиерейской заимки, Ишимский клад, Айдашинская пещера). Но уже она отмечает отличительные особенности в материалах Томского могильника по сравнению с могильником на Ближних Елбанах VII, который М. П. Грязновым позднее был включен

в верхнеобскую культуру. Эти особенности заключались в своеобразии керамики и отсутствии «чудских образков» в фоминских памятниках.

Следующим серьезным опытом обобщения среднеобского материала эпохи железа были исследования В. А. Могильникова (1964) по истории племен среднего течения рек Иртыша и Оби от I тыс. до н. э. до середины II тыс. н. э. Привлекая новые материалы из Басандайского и Тимирязевского могильников, он дал культурную характеристику Томского Приобья. Нарымское Приобье, по его мнению, в культурном отношении тесно связанное с Притомьем, в его работе почти не рассматривалось.

Основное препятствие в изучении истории Среднего Приобья заключалось в отсутствии устойчивой хронологии памятников. Наиболее массовый, а подчас единственный материал археологических комплексов — керамика, которая не поддавалась датировке, а из-за своеобразия не могла быть отнесена к известным археологическим культурам. Особенно остро встал вопрос о времени существования керамики с фигурно-штамповой орнаментацией, распространенной на территории всего Приобья. До сих пор нет единого мнения о датировке ряда важнейших памятников с фигурно-штамповой керамикой, которые в свое время явились определяющими для выделения таких культур, как усть-полуйская, потчевашская, верхнеобская. Одни исследователи относили усть-полуйские и верхнеобские (фоминские), а по аналогии с ними и потчевашские памятники ко второй половине I тыс. н. э. (Чернецов, 1953; Мошинская, 1953, 1965), другие — к середине I тыс. н. э. (Грязнов, 1956). Основанием для дискуссии послужило совершенно очевидное сходство керамики фоминского этапа и усть-полуйской культуры.

Для разработки типологии и периодизации среднеобской керамики были необходимы хорошо датированные комплексы со значительным количеством керамического материала. В ранее известных могильниках у Архиерейской заимки (VIII в.) и Тимирязевском (VII—VIII вв.) собрана незначительная часть посуды. Однако эта керамика не давала возможности создать типологическую схему даже для Томского Приобья. В 60-х годах был раскопан могильник Рёлка. С появлением его материалов начался новый этап в исследовании истории Среднего Приобья в I тыс.

Могильник Рёлка находился в центре Среднего Приобья, на границе двух исторически сложившихся районов — Томского и Нарымского. Томское Приобье занимало часть тер-

ритории от Новосибирска до устья Чулыма. Этот район с эпохи бронзы был местом постоянных интенсивных взаимодействий южных и северных культур. Нарымское Приобье — часть бассейна Оби от устья Чулыма до Ваха — отличалось значительной географической изолированностью (залесенность, заболоченность), что обусловило сохранение более четких самобытных черт и длительное переживание древних традиций. Материалы Рёлки включают много элементов, характерных для Нарымского и Томского Приобья. Кроме того, они отчетливо отражают культурные связи с непосредственными соседями рёлкинцев и населением более отдаленных районов.

В могильнике сосредоточено массовое количество керамики, инвентаря различных категорий, художественное литье, зафиксирован разнообразный погребальный обряд. Благодаря многообразию полученной информации, расширилось представление о культуре раннего средневековья, за которой утвердилось название рёлкинской. В результате сопоставления керамического материала, известного из Среднего Приобья и из могильника, выяснилось, что фигурно-штамповая орнаментация керамики существовала в пределах 1 000 лет и на протяжении всего этого периода претерпела значительные изменения. С поступлением новых данных удалось выделить сначала две хронологические группы керамики, затем на их базе три культурно-хронологических типа — васюганский, саровский, малгетеко-рёлкинский (Чиндина, 1970, 1973).

Однако использование материалов могильника затрудняется отсутствием полной публикации данных и их источниковедческого анализа. Поэтому основную задачу данной работы составляет разработка типологии, датировки, периодизации рёлкинских комплексов, синхронизации археологических памятников и культур Приобья. При исследовании вопросов хронологии вещей, комплексов читатель может обратить внимание на очень широкий территориальный и хронологический диапазон привлекаемых автором аналогий. Такая форма доказательств вынужденная. Во-первых, потому что датированных комплексов в Западной Сибири не так уж много и для обширной информации могильника их просто недостаточно. Во-вторых, для инвентаря раннесредневековых памятников пока не выработано единодушно признанной хронологической системы и в датировке отдельных предметов и серий много неясного, спорного. Чтобы избежать необъективности, приходилось прибегать к широкому кругу аналогий.

Следующая задача автора состоит в том, чтобы выявить те признаки в могильнике, которые в какой-то мере характеризуют социально-экономические и этнокультурные особенности рёлкинского населения раннего средневековья.

Задачи работы определили и ее структуру. Основное внимание уделено описанию, классификации материалов могильника. На этой основе строится дальнейшая типология комплексов (керамика, погребальный обряд), датировка и синхронизация. В ходе изложения названных разделов или в отдельных параграфах рассматриваются вопросы происхождения социальной структуры, историко-культурных связей, этнической принадлежности и религиозных верований рёлкинцев. К работе приложена полная графическая публикация материалов могильника.

Пользуюсь случаем выразить искреннюю признательность моим коллегам и друзьям, критика и советы которых оказали неоценимую помощь в написании этой книги. Особенно глубокую благодарность приношу В. И. Матющенко, начавшему раскопки могильника, по инициативе и содействии которого мной были продолжены исследования этого чрезвычайно важного памятника средневековой истории Западной Сибири.

Идея необходимости полной публикации материалов Рёлки была предложена автору Валерием Николаевичем Чернецовым, который еще в самом начале изучения памятника оценил его особую важность. Представленная читателям работа посвящается памяти этого замечательного человека и исследователя.

ГЛАВА I

ОПИСАНИЕ МОГИЛЬНИКА

Могильник расположен на левом берегу р. Оби, в пос. Молчаново Томской области, на мысу высокой прислоненной надпойменной террасы, называемой местными жителями Рёлка. Зафиксировано 38 курганных насыпей (рис. 1). Говорить о количестве можно лишь приблизительно, так как памятник был занят усадьбами жителей поселка и значительная часть курганов погибла. С другой стороны, за курганы могли быть приняты естественные холмы, которыми пересечена местность, где возник могильник.

Могильник был открыт в 1947 г. разведочной группой Томского университета в составе Е. М. Пеняева, В. С. Синяева и А. И. Уварова (Синяев, 1950). На археологической карте Томской области он известен под названием селища Рёлки и датирован карасукским временем (Дульзон, 1956). Как теперь стало известно, последнее объясняется тем, что курганный могильник возник на месте захоронений поздней бронзы.

В 1955 г. А. П. Дульзоном на могильнике был вскрыт один курган. Материалы его раскопок хранятся в Томском областном краеведческом музее (фонды ТОКМ, колл. № 281). В 1963—1964 гг. экспедицией Томского университета под руководством В. И. Матющенко, а в 1966 г. под руководством автора раскопаны 14 курганов[1], вскрыто 58 могил. Две могилы (курган 27, могила 2, могила кургана 36) относились к могильнику эпохи бронзы и в данном случае не учитываются. Материалы этих раскопок, полевая документация, копии отчетов хранятся в Музее археологии и этнографии Сибири Томского университета (архив МАЭС, № 265, 268, 291, 322, колл. № 6942).

---

[1] В. И. Матющенко были раскопаны курганы 1—8, остальные—автором.

Частично материалы раскопок опубликованы в трех работах автора, посвященных некоторым вопросам погребального обряда, керамики и хронологии памятника (Павленок, 1968; Чиндина, 1970 а, 1974).

В описании приводятся все полученные при исследовании данные (табл. 1). Непоследовательность в системе нумерации курганов объясняется следующим. Общий план могильника был снят в 1966 г., до этого номера курганам были даны по мере их раскопок. Поскольку раскопки велись в разных местах могильника, то начальные номера оказались разбросанными. В дальнейшем по плану предполагалось раскопать вначале северо-западную группу курганов, так как расширение приусадебных участков и надворных построек угрожало именно этой группе. Продолжить раскопки могильника в 1967—1968 гг. не удалось. Развернувшееся в это время благоустройство улиц районного центра привело к гибели оставшихся курганов.

При характеристике типа могил использовались распространенные в археологии термины — грунтовые и наземные могилы. В могильнике нет ни одного погребения на современной поверхности, все они находились под насыпью. К грунтовым могилам отнесены те, которые разрезали слой погребенной почвы или имели четко выраженные могильные пятна. Наземные погребения, по-видимому, сооружались на древней дневной поверхности и присыпались землей. Точнее было бы назвать грунтовые погребения могилами, а наземные — погребениями. Однако не всегда некоторые захоронения можно было бесспорно отнести к тому или другому типу, к тому же разнобой в терминологии затруднял корреляцию признаков погребального обряда.

КУРГАН 1

Расположен в северной части могильника, имеет овальные формы. Размеры 24 × 16 × 1,6 м (рис. 2). При снятии насыпи обнаружены значительное количество единичных костей животных [2], человека, фрагменты керамики, иногда целые сосуды, костяные наконечники стрел и другие предметы. Находки встречались сразу под дерном и были особенно обильны на

[2] Определение остеологического материала 1963—1964 гг. проведено В. И. Цалкиным.

Таблица 1

Могильник Рёлка. Общие данные

Курган	Могила	Тип могил: Грунтовые	Тип могил: Наземные	Конструкция: Четкие контуры	Конструкция: Берестяная подстилка	Конструкция: Размеры, м	Сохранность скелета: Целый полностью, частично	Сохранность скелета: Разбросанный	Сохранность скелета: Кости в кучке	Погребение: Одиночное	Погребение: Парное	Погребение: Групповое	Пол, возраст: Мужской	Пол, возраст: Женский	Пол, возраст: Детский	Пол, возраст: Взрослый	Положение костяка: Вытянут на спине	Положение костяка: Ноги согнуты	Положение черепа: Есть	Положение черепа: Нет	Положение черепа: На месте	Положение черепа: Не на месте	Ориентация: СВ	Ориентация: В	Ориентация: Ю	Ориентация: ЮВ	Ориентация: ЮЗ	Ориентация: могилы	С конем	Без коня	Применение огня: Обжиг могилы	Применение огня: Частичное сожжение	Применение огня: Полное сожжение	Инвентарь: Керамика	Инвентарь: Украшения	Инвентарь: Бытовые предметы	Инвентарь: Оружие	Инвентарь: Изображения	Инвентарь: Миниатюрные предметы
1	1	+						+		+						+				+									+					+	+	+		+	
	2	+		+		1,8×1,0	+			+						+	+			+						+			+					+	+			+	
	3		+				+			+						+	+			+						+													
	4		+	+		2,0×1,0		+									+		+										+					+	+		+	+	
	5	+					+			+			+				+		+			+							+					-	+				
	6	+		+	+		+			+			+				+	+	+		+	+			+	+				+					+	+		+	
	7												+																				+	+	+	+	+	+	
	8		+		+		+			+						+	+									+							+	+	+				
	9		+		+			+		+				+					+		+							C-Ю						+	+	+			
	10		+			1,0×0,9				+				+					+		+								+					+	+	+			
	11	+		+	+	2,4×1,6	+			+			+				+		+		+					+			+					+	+	+	+		
	12		+					+								+										+			+					+	+				
	13		+					+			+					+	+			+										+				+	+	+	+		
	14		+							+																+				+				+					
	15	+		+				+		+					+	+						+													+				
	16	+		+				+		+						+						+							+					+					
2	1		+		+		+		+	+				+				+				+				+								+					
	2		+					+		+					+				+									C-Ю	+									+	
	3		+					+		+						+				+									+					+					
	4		+				+			+					+				+		+		+							+					+		+		
	5		+					+		+						+			+										+					+		+			
	6		+													+																							
	7		+													+																		+					
	8																																		+	+	+	+	
3	1	+				0,8×0,75	+		+	+				+				+	+			+		+										+	+		+		
4	1		+					+		+						+						+		+						+				+					
	2		+				+							+	+									+						+				+	+	+		+	
	3	+		+		2,0×1,4									+	+													+						+		+		
	4			+		0,8×0,5																						СЗ—ЮВ	+					+	+	+	+		
5	1	+		+		1,6×1,0	+			+				+			+		+		+					+				+				+	+	+		+	
	2	+		+		2,0×1,2		+				+			+	+						+						СВ—ЮЗ	+					+	+			+	
	3	+		+		1,7×1,0				+						+				+						+				+		+		+	+				
	4	+		+		2,0×0,9		+		+				+		+			+									СЗ—ЮВ		+							+		
	5		+						+		+								+											+				+				+	
	6	+		+		2,2×1,0		+								+			+									СЗ—ЮВ		+				+	+		+		
	7	+		+		2,2×0,7		+								+												СВ—ЮЗ		+					+				
6	1		+			1,8×1,0								+					+											+				+					
	4	+				2,3×1,4		+																				3—В	+										
	5	+				2,1×1,0				+																								+		+			
	7	+		+			+						+				+		+			+				+				+									
	8	+						+																				3—В		+				+				+	
	9	+		+		2,6×2,0		+																				3—В	+						+		+	+	
	10																																+		+		+	+	
	11																																+		+		+	+	
7	1																																+		+	+	+	+	+
	2	+		+		2,4×3,6		+											+								+			+	+			+			+		
	3		+					±												+									+					+				+	
8	1	+				1,0×0,8			+					+					+			+								+									
9	1	+				1,4×0,8	+			+				+				+	+			+			+					+				+	+			+	
	2	+				0,8×0,4	+			+						+	+									+				+				+					
10	1	+		+		1,2×0,8	+				+				+				+		+				+					+				+	+				
	2	+		+		1,7×0,8		+		+						+												СЗЗ—ЮВВ		+									
27	1	+		+		2,0×0,6	+			+					+											+				+				+	+	+			
	3	+		+		3,2×1,0		+								+												СЗЗ—ЮВВ						+	+		+		
	4		+				+			+				+			+		+		+		+							+				+		+			
	5					1,5×1,0	+				+					+								+					+		+			+					
37	1	+		+		2,0×1,0		+								+												СЗ—ЮВ	+					+					
38	1		+		+		+			+							+																	+					

2—3-м штыках. Ряд находок группировался в скопления или сосредоточивался в кострищах. В кургане было 8 кострищ различных размеров и 1 скопление. Они появились на разной глубине (40—100 см от дневной поврехности) и рассредоточивались ближе к полам кургана. Кострища *А*, *Б*, *Д*. *И* без находок, но рядом с кострищем *Д* лежали фрагмент керамики и железная сабля, перегнутая пополам (рис. 3, *17*). Имели ли эти предметы связь с кострищем, утверждать трудно. В кострищах *Е*, *Ж* найдены кости рыб, в кострищах *Г* и *К* — керамика. Керамика кострища *Г* представлена двумя сосудами — ладьей и горшком (рис. 3, *18*, *19*). Скопление *В* находилось северо-западнее могилы 11 на глубине 60—80 см от дневной поверхности. Состав скопления: фрагменты маленького сосуда, два маленьких железных ножа, миниатюрное железное тесло, железная витая цепочка ножен, бронзовая пряжка, две бронзовые пуговицы, бронзовая бочонковидная бусина, две бронзовые накладки с отверстиями, два антропоморфных изображения и бронзовая чаша (рис. 3, *20—31*).

Кроме того, в насыпи кургана обнаружены три отдельных человеческих черепа, которые трудно связать с каким-либо погребением, и три черепа лошадей. В одном случае (рис. 2) череп лошади был вместе с остатками лошадиных конечностей, лежащих общей грудой. Среди костей найдены бронзовый наконечник ремня и схематическое антропоморфное изображение (рис. 7, *Б*, *6—7*). Это захоронение лошади, значащееся в отчете как могила 17, В. И. Матющенко предположительно связал с могилой 8.

В кургане раскопано 16 могил.

Могила 1, грунтовая, сильно разрушена. Границы могилы четко не прослеживаются. Определить первоначальную ориентировку костяка из-за плохой сохранности нельзя. Справа от костей человека находились конечности лошади. Среди них обломки сосуда. В южной части могилы найдены полая бронзовая пронизка с изображением медведя и орла. К востоку от нее лежали сланцевый оселок, бронзовые височные кольца, каплевидная подвеска и железный нож (рис. 4, *А*, *1—7*).

Могила 2, грунтовая, находилась к востоку от могилы 1. Могила четырехугольной формы. Размеры 1,8 × 1 м. Скелет сохранился плохо: череп, кости рук отсутствовали. Умерший был похоронен в вытянутом положении на спине, головой на юго-восток. Справа от костяка человека, несколько выше его (8—10 см), находились кости конечностей лошади. Среди них с северо-западной части могилы лежал

круглодонный сосуд, рядом бронзовая псевдопряжка и подвеска в виде полой уточки (рис. 4, *Б*, *8—10*).

Могила 3, наземная, выше материка на 40—50 см. Расположена над могилой 9. Сохранность плохая. Костяк вытянут с северо-запада головой на юго-восток. Находок нет.

Могила 4, наземная, сильно разрушена. Размеры 2 × 1 м. Костяк мужчины ориентирован головой на юго-восток. В северной части могилы стоял горшок, около правой ступни костяной наконечник стрелы, у поясничных позвонков бронзовая бляшка, накладка и керамика, в центре костяной наконечник стрелы (рис. 7, *А*, *1—5*). В могиле также обнаружены птичьи кости.

Могила 5, расположена в юго-юго-западном конце кургана над могилой 6. Кости человека (мужчины) [3] и лошади перемешаны. Здесь же найдены фрагменты керамики. После окончательной расчистки могил 5 и 6 выяснилось, что они связаны между собой.

Могила 6, грунтовая, прямоугольной формы. Размеры 2,5 × 1,7 м. Костяк мужчин ориентирован головой на юго-восток — восток, лежал в юго-восточной части могилы. Погребение было совершено на спине с вытянутыми вдоль тела руками, ноги слегка согнуты в коленях. Слева от таза оселок, рядом железный нож с остатками деревянных ножен с медными оковками. Между костями таза находилась железная пряжка. На левой ключице бронзовая подвеска с изображением медведя, у височных костей бронзовые височные кольца, справа в области груди лежала бронзовая щитковая пряжка, рядом с левой плечевой костью находились бронзовые нашивки с двумя выпуклинами и бронзовые заклепки (рис. 5, *8—13*).

В этой могиле кроме описанного костяка и вещей справа сохранились остатки еще от одного скелета человека: тазовые кости, левое бедро, 6 поясничных позвонков. Рядом с бедром лежала бочонковидная пронизка, справа от поясничных позвонков — две колокольчатые подвески (рис. 5, *4*, *5*). Этот костяк был ориентирован головой на юг, т. е. почти перпендикулярно первому костяку и на 10 см глубже последнего.

Такое расположение костяков наводит на мысль, что вряд ли они составляли единое целое. Скорее всего правый погре-

---

[3] Определение краниологического материала проведено Н. С. Розовым и В. А. Дремовым. В 1964 г. различие детских и взрослых погребений было определено ими на месте раскопок.

бенный появился в могиле позднее, а при его захоронении часть левого костяка была выброшена, что и составило могилу 5. Эту мысль подтверждает и тот факт, что среди костей человека могилы 5 находились только кости верхней части человеческого скелета. Кости лошади, по-видимому, имели отношение к остаткам лошадиного костяка, находившегося справа от нижнего человеческого скелета из могилы 6. Кроме того, среди костей могилы 5 и нижнего костяка могилы 6 были фрагменты одного и того же сосуда (рис. 5, *2*).

Предположить, что разрушение нижнего костяка явилось делом рук поздних грабителей, трудно. Во-первых, потому, что он подстилал верхний костяк. Во-вторых, выброс костей должен был бы в этом случае быть близко к современной поверхности, так как грабительская яма прослеживается сразу под дерном (рис. 2). Однако могила 5 выше могилы 6 всего на 20 см, в то время как от дневной поверхности она залегает на 60 см. Кроме того, судя по разрезу, грабительская яма не достигала уровня могилы 6.

Исходя из приведенных данных, могила 6 разделена на две: могила 5 — правый костяк с костями лошади и условно к ней отнесено скопление костей и керамики из выброса и могила 6 — левый верхний костяк. Вещевой материал будет в дальнейшем рассматриваться по этим выделенным погребениям.

Часть уже описанных вещей четко можно связывать с определенным костяком. К могиле 5 относились три костяных предмета, лежавших около костей лошади: подпружная пряжка, обломок чумбура, фигурная пластина с орнаментом на одной стороне и бронзовая нашивка (рис. 5, *1*, *2*, *3*, *6*, *7*).

Невозможно точно связать с какой-либо из могил скопления предметов в северо-восточной части могилы 6. Состав скопления очень разнообразен: небольшой сосуд с жемчужным и луночным орнаментом, большой железный нож с горбатой спинкой, остатки от железной оправы ножен с бронзовой оковкой, железная цепочка ножен, две бронзовые нашивки — псевдопряжки (рис. 5, *14*, *15*, *17*, *19*, *23*), обломки бронзовой пластинчатой гривны (рис. 5, *24*), миниатюрный железный нож и миниатюрные железные удила (рис. 5, *18*, *20*), миниатюрный наконечник бронебойной стрелы (рис. 5, *16*), бронзовое антропоморфное изображение (рис. 5, *22*).

Могила 7, с трупосожжением. На глубине 50 см от дневной поверхности появилось угольно-зольное пятно неправильной формы. Размеры 1,8×0,6 м. Оно ориентировано

с северо-востока на юго-запад. Толщина зольной и угольной прослойки 30 см. В могиле грудой лежали предметы: железные панцирные пластинки, железный перегнутый пополам палаш с остатками оправы от ножен, железный втульчатый отбойник, топор-тесло, железный нож, удила, большое число бронзовых подвесок, пронизок, некоторые из них частично оплавились, детали пояса, антропоморфные и зооморфные изображения, обгоревшие бусы, два сосуда с ямочно-гребенчатым и фигурно-штамповым орнаментом (рис. 6).

Могила 8, наземная, находилась в центральной части кургана в сером мешаном слое. Границы могилы не прослеживались. Костяк ориентирован головой на юг. Под правым бедром сохранились остатки бересты и меха. В ногах найдено несколько предметов: бронзовая пуговица, накоенчники ремней, колокольчатая подвеска (рис. 7, *В*, *8—12*).

Юго-восточнее на 40 см от этой могилы, в материковом слое (на 30 см глубже погребения 8), лежали грудой кости конечностей и черепа лошади (могила 17). Среди них наконечник ремня и схематичная бронзовая антропоморфная фигурка.

Могила 9, наземная. Очертания ее не прослеживаются. В юго-восточном конце могилы лежал череп мужчины, повернутый лицевой частью на запад. Других костей человека не найдено, но сохранились кости конечностей лошади. В могиле обнаружены фрагмент керамики без орнамента, три бронзовые петли-застежки и пластинка, под которой сохранились остатки бересты, каменный оселок (рис. 7, *13—15*).

Могила 10, наземная, находилась в центре кургана, на глубине 30 см от поверхности. Размеры $1 \times 0{,}9 \times 0{,}5$ м. Сохранность плохая. Кости человека и лошади перемешаны. Череп человека находился в юго-восточной части могилы. Инвентарь состоял из фрагментов керамики от одного сосуда, бронзовых поделок, обломка подвески и небольшой бронзовой обоймы (рис. 7, *16—20*).

Могила 11, грунтовая, прямоугольных очертаний. Размеры $2{,}4 \times 1{,}6 \times 0{,}25$ м. Могила содержала захоронение мужчины, ориентированное головой на юг. Умерший был положен на берестяную подстилку на спину в вытянутом положении. Между коленями лежали обломки железного предмета, слева от правого бедра — костяной наконечник стрелы. Справа от левого предплечья — брозновые пластинки, у пояса — обломки железного ножа. Справа от костяка мужчина на 8—10 см выше, вне берестяной подстилки, находились кости конечностей лошади. Среди них лежали каменный

оселок, костяной язычок от подпружной пряжки и костяной блок (рис. 8, *А*, *1—10*).

Могила 12, наземная, на 75 см выше могилы 9, юго-западнее ее. Кости человека разбросаны в беспорядке. В северной части могилы у левой бедренной кости находилась бронзовая бусина. В центре могилы лежали три фрагмента керамики без орнамента.

Могила 13, представляет остатки от парного захоронения. Скелеты отличались размерами и ориентированы головами на юго-восток. Между ними лежали два глиняных сосуда — большой и маленький. Рядом костяные наконечники стрел, костяные пластинки со следами нарезов, три бронзовые пронизки (рис. 8, *Б*, *11—15*).

Могила 14, наземная, границы могилы не определены. Сохранился только детский череп и около него маленький сосуд (рис. 8, *17*).

Могила 15, грунтовая, разрушена. Границы могилы не определены. В южной части могилы лежала фаланга пальца с перстнем, рядом — бронзовая пластинка.

Могила 16, грунтовая, сильно разрушена. Кости человека (юноши ?) и лошади перемешаны. В северной части могилы обломки глиняного сосуда (рис. 8, *16*). Около черепа человека обломки железного предмета.

КУРГАН 2

Расположен западнее кургана 1. Насыпь высотой 1,3 м, слегка вытянута на восток. Размеры 17 × 11 м. На кургане заметна широкая западина. При снятии насыпи прослеживалось углистое пятно без вещей. В разных местах кургана встретилось несколько скоплений костей лошади, три случая отдельных конских черепов, кроме того, отдельные предметы из кости, бронзы, железа (рис. 10, *1—9*). На кургане было три больших, видимо, поздних, ямы различных размеров и глубины. В кургане вскрыто 8 могил (рис. 9).

Могила 1, наземная. Верхняя часть костяка оказалась не потревоженной. Скелет на спине, головой на юг. Череп, однако, находился над скрещенными бедрами, которые располагались выше верхней части скелета. Кроме того, ноги оказались согнутыми в колене. Под костями таза сохранились остатки бересты. У ног находился сосуд с фигурно-штамповым орнаментом (рис. 10, *А. 10*).

Могила 2, наземная, сильно потревожена. Кости человека и лошади располагались цепочкой с севера на юг. В се-

верной половине находился череп ребенка. Среди костей найден обломок от зооморфного изображения.

Могила 3, наземная. Кости человека и лошади перемешаны. Среди них несколько обломков керамики, фигурная (сердцевидная) бронзовая подвеска и витая пронизка (рис. 10, *17*, *18*).

Могила 4, наземная, границы не прослеживаются. Захоронение ребенка головой на северо-запад. У черепа и под ним лежали бронзовые пластинки, в центральной части погребения найдена раструбовидная подвеска, три бочонкообразные подвески. В нижней части погребения находилась костяная накладка, западнее ее — обломок железной пластины от панциря (рис. 10, *11—16*).

Могила 5, наземная, границы не прослеживаются. Сильно разрушена. Кости человека и лошади перемешаны. Среди них железный стержень и несколько фрагментов сосуда (рис. 10, *19*).

Могила 6, наземная, границы не определены. Немногочисленные кости человека лежали в беспорядке. Вещей в могиле нет.

Могила 7, наземная, границы могилы не прослежены. Кости человека и лошади перемешаны. Среди них находились два фрагмента от сосуда (рис. 10, *20*).

В северо-западной части кургана обнаружена могила 8 с трупосожжением. Костей скелета не сохранилось. В земле, перемешанной с пеплом и углем, грудой лежали металлические предметы. Часть бронзовых изделий расплавилась. Сохранились четыре колокольчатые подвески, одна каплевидная, двадцать вогнутых пуговиц, обгорелые остатки от зооморфных изображений, стеклянных бус, железное кресало (?) и железные панцирные пластинки (рис. 10, *21*—29).

Между погребениями 3 и 4, на 35—40 см глубже их, уже в материковом слое находился железный шлем (рис. 10, *8*). Связать его с какой-либо могилой трудно.

КУРГАН 3

Расположен к востоку от кургана 1. Насыпь вытянута в северном направлении. Размеры 13 × 8 × 1,5 м (рис. 11, *А*). В центре кургана грабительский раскоп. Насыпь оказалась неоднородной по составу — в северной половине она была более темной. Как раз в этой части обнаружены отдельные предметы, кости лошади, челюсть ребенка. В северо-

восточной части кургана находились 2 кострища и 1 скопление вещей. В кострище *А* лежал маленький сосуд (рис. 11, *4*) и жженые косточки. Кострище *В* было пустым. Скопление *В* состояло из двух колокольчатых подвесок и маленького сосуда (рис. 11, *1—3*). В центре кургана на глубине 70 см от дневной поверхности находилась могила. Размеры 0,8 × × 0,75 м. Погребение сильно потревожено (здесь проходил грабительский раскоп). Среди остатков костей левой руки человека — косточки птицы, костяной наконечник стрелы и каплевидная подвеска, обломки глиняного сосуда находились около черепа и в стороне от погребения, белая бисеринка и бочонкообразная пронизка лежали под правым бедром (рис. 11, *5—9*). Дно могилы и частично заполнение состояло из углистой прослойки.

КУРГАН 4

Расположен юго-западнее второго, округлой формы. Размеры 11 × 11 × 1,5 м. На насыпи видны два небольших углубления от грабительских раскопов. Как и в кургане 3, здесь насыпь была неоднородной — верхний слой более светлый (рис. 12). При снятии насыпи были обнаружены отдельные кости человека и лошади, фрагменты керамики, железные поделки (рис. 13, *1—4,7*).

В северной части кургана сохранились остатки от кострища, в котором найден сосуд с лежавшим в нем миниатюрным железным теслом (рис. 13, *5—6*). В юго-западном поле кургана рядом с могилой 1 находилось небольшое скопление костей человека и рядом с ними половинка ладьевидного сосуда.

В северо-западной части кургана, ближе к полé насыпи, на глубине 50—60 см в темном пятне обнаружены кости собаки и раздавленный сосуд со стековым орнаментом.

В кургане вскрыты 4 могилы.

Могила 1, находится на глубине 60 см от дневной поверхности, границы ее не прослеживаются. Сильно потревожена. Скелет лежал на спине с вытянутыми вдоль тела руками, головой на восток. Нижняя челюсть лежала между бедренными костями. Найден один фрагмент сосуда без орнамента.

Могила 2, расположена на 10 см ниже предыдущей, содержала захоронение женщины и ребенка, от которого сохранилась только тазовая кость. Кости разбросаны в беспо-

рядке. Череп женщины лежал в северной части могилы. Около бедра раздавленный круглодонный сосуд, недалеко бронзовые антропоморфная и зооморфная подвески и пряжка. Около берцовой кости обломок железного ножа (рис. 13, *А*, *8—13*).

Могила 3, грунтовая, четырехугольной формы, углы слегка закруглены. Размеры 2 × 1,4 м. Кости человека и лошади перемешаны. Среди них костяной наконечник стрелы (рис. 13, *14*), небольшая бронзовая пряжка и обломок железного предмета.

Могила 4, грунтовая, овальной формы, вытянутая по линии северо-запад — юго-восток. Размеры 0,8 × 0,5 м. Сохранились отдельные кости человека, лежавшие в беспорядке, а также кости конечностей лошади. В юго-восточной части могилы найден круглодонный сосуд с высокой изогнутой шейкой, рядом костяной наконечник стрелы и железный предмет. В противоположной стороне — бронзовая пронизка, на ремне пластинка с бронзовыми заклепками (рис. 13, *Б*, *15—19*).

КУРГАН 5

Расположен западнее четвертого. Размеры 15 × 10 × 2 м (рис. 14). При снятии насыпи обнаружены отдельные кости человека, лошади, фрагменты керамики и целые сосуды, бронзовые и железные предметы. Некоторые предметы концентрировались в скопления. Скопление *А* состояло из сломанного горшка с жемчужно-гребенчатым орнаментом, ладьевидного сосуда и бронзовой каплевидной подвески (рис. 15, *12—14*). В скоплении *Б* найден маленький сосуд с ямочно-гребенчатым орнаментом и зооморфная подвеска (рис. 15, *10*, *18*). Скопление *В* состояло из половины сосуда с ямочно-гребенчатым орнаментом, в нем обрывки кольчуги, здесь же несколько круглых выпуклых нашивок и миниатюрный нож (рис. 15, *10*, *17*).

В кургане вскрыто 7 могил.

Могила 1, грунтовая, четырехугольной формы. Размеры 1,6 × 1 × 0,25 м. Скелет женщины (30—40 лет) лежал на спине с вытянутыми вдоль тела руками, головой на юго-восток — восток. На черепе сохранились три кожаные ленты с бронзовыми выпуклыми нашивками (рис. 43), под ними кусочек шелка. К западу от черепа — бронзовый полудиск (зеркало ?). У левого края могилы — железный топор-тесло.

На фаланге среднего пальца правой руки бронзовый перстень. Под тазом бронзовые спиральные пронизки. Здесь же полая зооморфная пронизка, лежавшая на бересте. В юго-западной части могилы сосуд, повернутый вверх дном (рис. 16, *1—7*). Под правым бедром найден маленький железный нож со следами дерева на рукояти.

Могила 2, грунтовая, овальной формы, вытянута по линии северо-восток — юго-запад. Размеры 2×1,2×0,3 м. Могила сильно разрушена. Захоронение групповое. Кости человека и лошади перемешаны. Сохранились три черепа человека — два взрослых и детский и несколько мелких разрушенных костей. В могиле найдены две колокольчатые бронзовые подвески, два сосуда, антропоморфное изображение и бочонкообразная пронизка-бусина (рис. 16, *8—12*).

Могила 3, грунтовая, прямоугольной формы, с частичным трупосожжением в могиле. Размеры 1,7×1 м. Скелет ориентирован головой на юго-восток — восток. Умерший был положен на спину на берестяную подкладку и покрыт берестой. Размеры костяка позволяют говорить, что захоронен был взрослый. Нижняя часть костяка (считая от поясничных костей) занимала $^2/_3$ могильной ямы. Оставшаяся часть могла вместить лишь костяк до плеч (верхняя часть сохранилась плохо, сильно сгорела). Создается впечатление, что умерший был похоронен без головы. В южной части могилы — фрагменты сосуда и каплевидная подвеска (рис. 17, *А*, *1*). Обжигание производилось поверх погребенного.

Могила 4, грунтовая, прямоугольная. Размеры 2×0,9 м. Ориентирована по линии северо-запад — юго-восток. Сохранился череп мужчины, бедренная кость и позвонок. В восточной части могилы скопление костяных наконечников стрел (рис. 17, *6—14*).

Могила 5, наземная, разрушена. Сохранились два женских черепа и несколько костей скелета. Среди них найдена бронзовая бляшка с изображением свернувшейся ящерицы и сосуд (рис. 17, *Б*, *4*, *16*).

Могила 6, грунтовая, неправильной прямоугольной формы. Размеры 2,2×1,0×0,45 м. Ориентирована по линии северо-запад — юго-восток. Сохранились две голенные кости в разных концах могилы. В юго-восточной половине были разбросаны фрагменты сосуда. У северо-западной стенки лежал железный наконечник копья, кольчатая пуговица из бронзы и фрагменты сосуда (рис. 17, *2*, *5*, *15*).

Могила 7, грунтовая, неправильной прямоугольной

формы. Размеры 2,2 × 0,7 × 0,4 м. Могила вытянута с северо-запада на юго-восток. В юго-восточной половине дно могилы углублено на 7—10 см четким уступом. Погребение разрушено, сохранились только бедренная кость и два обломка ребер. В центре углубления лежали бронзовая пряжка (рис. 17, *3*) и железная сильно коррозированная трубка.

КУРГАН 6

Расположен восточнее первого. Размеры 15 × 14 × 1 м (рис. 18). Насыпь оплыла, края неотчетливые. Около центра углубление от грабительского раскопа. Шестой курган больше, чем другие, пострадал от разрушения, поэтому насыпь была насыщена предметами, костями человека и лошади. В некоторых местах сохранились следы кострищ. Количество их и содержание в документах не зафиксировано. На плане отмечены лишь бесспорные случаи.

В разных местах насыпи найдены остатки челюстей лошади. Иногда вместе с костями лежали керамика, угли. Найдены три отдельных черепа человека (в одном случае вместе с горшком, в другом — с черепами лошади, в третьем — без сопровождения).

В кургане фактически раскопано 6 могил и 2 «клада», найденных в углистом грунте, со следами сильного огня на предметах. Они отнесены мною условно к погребениям с трупосожжением и для удобства дана последующая нумерация. В ходе полевых работ к погребениям (2, 3, 6) были отнесены еще 3 незначительных скопления костей, случайно образовавшихся в результате разрушения других могил (рис. 19). Позднее в отчете В. И. Матющенко они уже не включены как могилы, но нумерация сохранена полевая, чтобы не было путаницы.

Могила 1, грунтовая, прямоугольной формы. Размеры 1,8 × 1,0 м, углублена в материк на 30 см. В заполнении могилы было скопление костей человека и обломки сосуда (рис. 20, *1*).

Могила 4, грунтовая, четырехугольной формы. Разрушена. Размеры 2,3 × 1,4 × 0,2 м. Ориентирована по линии запад — восток. Кости человека и лошади перемешаны. В могиле лежал костяной крюк (рис. 20, *4*).

Под могилой 5 в отчете В. И. Матющенко и полевой документации значится также могила с захоронением человека и животных. В дневнике говорится: «... из костей преоб-

ладают челюсти крупного животного (лошади или лося) и мелкого (может быть, собаки). Человеческих костей очень мало. В отдельных местах рядом с ними (т. е. костями. — *Л. Ч.*) — скопление углей, встречаются обожженные кости и зубы животного»[4]. В отчете уточняется название некоторых костей лошади, но уже кости мелкого животного (собаки?) не фигурируют, и добавляется, что из человеческих костей в могиле лежали кобчик, малая берцовая кость и ребра человека[5]. Из вещей здесь найдены фрагмент керамики и железная накладка с отверстиями.

Могила 7, грунтовая, прямоугольной формы. Размеры 2,1 × 1 × 0,3 м. Содержала скелет юноши на спине, головой на юг. Череп, однако, лежал не на месте, а в области воображаемой левой руки, у стенки могилы. Сохранились только кости ног, таза и череп (рис. 19, *А*).

Могила 8, грунтовая, четырехугольной формы, вытянутая по линии запад — восток. Кости человека лежали в беспорядке, в центре могилы круглодонный сосуд и бронзовая зооморфная бляшка. На дне могилы под костями лежали обломки еще от двух сосудов (рис. 20, *5—8*).

Могила 9, грунтовая, прямоугольной формы. Размеры 2,6 × 2,0 × 0,4 м. Вытянута по линии запад — восток. Среди немногочисленных костей человека и лошади бронзовая фигурка глухаря, две пронизки и костяной наконечник стрелы (рис. 20, *9—11*).

Могила 10, по-видимому, с трупосожжением, рядом со скоплением обожженных костей на глубине 40 см от поверхности. Вещи лежали грудой и многие пострадали от сильного огня. Под обломками раздавленного сосуда находилось несколько бронзовых предметов: четыре полых изображения головок человека, плоское изображение птицы с личиной на груди, проволочный витой браслет, обломки от двух серповидных гривен; здесь же железная пряжка и остатки от ножен (рис. 21, *1—14*).

Могила 11, с трупосожжением, на глубине 30 см от поверхности в углистом грунте. Вещи лежали грудой и состояли из следующих предметов: двух железных трехперых наконечников стрел, круглой бронзовой бляхи с четырьмя орлами и остатков от ожерелья из бронзовых пронизок (рис. 21, *15—18*).

---

[4] Архив МАЭС, № 268.
[5] Архив МАЭС, № 291.

КУРГАН 7

Расположен в западной части могильника на перекрестке двух улиц. Размеры кургана 14,0 × 15,0 × 1,2 м (рис. 22). Он так же, как и курган 6, пострадал от разрушения. Насыпь насыщена предметами, костями человека и лошади. Черепа лошади обнаружены в двух случаях в полáх кургана на глубине 40—60 см. В одном случае с черепом лежала керамика. Одно кострище обнаружено в поле кургана, в нем найдена керамика. Второе кострище располагалось рядом с могилой 1, с трупосожжением. Однако утверждать их прямую связь трудно. В насыпи обнаружены отдельные предметы и керамика (рис. 23, *1—5*).

Могила 1, с трупосожжением. Кости скелета не сохранились. Грудой лежали железные панцирные пластинки, железные наконечники стрел, железная, согнутая в середине сабля с остатками ножен, железный топор-тесло, бронзовые пряжки, нашивки, подвески, среди которых сильно пострадавшая от огня подвеска с антропоморфным изображением (рис. 24, *1—27*).

Могила 2, грунтовая, четырехугольной формы, размеры 2,4 × 3,6 м. В заполнении могилы (из темного грунта) встречались угли. В могиле найдены только остатки черепа и два предмета — горшок с жемчужным орнаментом и костяной наконечник стрелы (рис. 23, *8*, *11*).

Могила 3, вероятно, наземная, разрушена. Кости человека и лошади перемешаны. В погребении сохранились обломки горшка, две зооморфные подвески и «медная вещь неизвестного назначения»[6], по-видимому, обломок от пряжки (рис. 23, *6*, *7*, *9*, *10*).

КУРГАН 8

Расположен в юго-восточной части могильника на краю коренного берега. Размеры 7,5 × 6 × 0,7 м. При снятии насыпи найдены кости мамонта[7] и лошади, в разных местах кургана — керамика. В западной его части вскрыта могила женщины. Четких границ ее не прослежено, размеры 1,0 × × 0,8 м. Ноги умершей были, возможно, согнуты, так как сохранившиеся кости бедра и голени лежали в могиле параллельно друг другу. Верхняя часть скелета (позвонки, ребра, кости левой руки) залегала на 8 см глубже нижней.

[6] Архив МАЭС, № 268.

[7] Трубчатые кости мамонта расколоты и сложены в виде настила в стороне от могилы. Назначение пока не ясно.

Несколько в стороне от погребения лежал железный топор-тесло и бронебойный наконечник стрелы (рис. 25, *1*, *2*).

КУРГАН 9

Курган расположен в центре могильника на северном склоне горы Рёлки, севернее кургана 6. Имеет овальную форму. Размеры 9,5 × 11,3 × 0,8 м (рис. 26). В снятой насыпи находок обнаружено немного. Это две бронзовые серьги, четыре бронзовые бусины, несколько фрагментов керамики (рис. 27, *1—3*). Под насыпью были 2 могилы и 3 кострища погребальных костров: одно — в северо-восточной части кургана, два — около могилы 2.

В кострище *А* найдены обломки керамики, в кострище *В* — сосуд и обломок костяного наконечника стрелы (рис. 27, *4—5*).

Могила 1, грунтовая, углубляется в материк на 15 см. Могильное пятно не прослежено. Размеры 1,4 × 0,8 × 0,1 м. Костяк женщины сильно разрушен. Нетронутой осталась только правая рука. Ориентирован головой на юг. Погребенная лежала на берестяной подстилке. С западной и восточной сторон остались следы от колышков, крепивших, видимо, плахи «гроба». На правой руке умершей был бронзовый браслет, слева от черепа — бронзовая зооморфная подвеска, над черепом — миниатюрный сосуд, под черепом — круглая серьга. Под костями таза лежал обломок пряжки (рис. 27, *А*, *6—10*). На расстоянии 1,5 м от костей таза к югу находился раздавленный сосуд.

Могила 2, грунтовая. Размеры 0,9 × 0,4 м. Костяк сохранился неполностью. Нетронутыми оказались кости ног. Ориентация головы на юго-восток — восток. Могильное пятно не прослежено. Могила углубляется в материк на 20 см. У левой ноги находился круглодонный сосуд с ямочным орнаментом (рис. 27, *Б*, *11*). Возможно, к этой могиле принадлежали два круглых височных кольца, которые были найдены раньше северо-западнее могилы 2 (рис. 27, *1*).

КУРГАН 10

Расположен юго-западнее девятого, расстояние между ними у подножия 40—50 см. Курган слегка вытянутой формы. Эта вытянутость образовалась за счет оползания насыпи по

склону (рис. 26). В кургане обнаружены 2 могилы и 2 небольших угольных пятна. Одно ближе к центру, в северо-восточной — восточной стороне. В нем были найдены бронзовая антропоморфная подвеска и обломок от круглодонного сосуда (рис. 28, *4—5*).

Могила 1, грунтовая. Могильное пятно подчетырехугольной формы. Размеры 1,2 × 0,8 м. Углублена в материк на 20 см. В могиле обнаружено детское парное захоронение с плохой сохранностью костяков (черепа, остатки ребер и две бедренных кости), ориентированных головами на юг. Под ребрами находилась железная пластинка, в северном конце могилы лежал круглодонный сосуд с гребенчатым орнаментом. До расчистки над могилой были обнаружены в юго-западной части обломки керамики и бронзовая пуговица (рис. 28, *А, 1—3*).

Могила 2, грунтовая, расположена немного южнее центра. Могильное пятно подпрямоугольной формы, вытянутое в северо-западном — западном — юго-восточном — восточном направлении. Размеры 1,7 × 0,8 м. Углублена в материк на 20 см. Вещей в могиле нет. При зачистке было обнаружено в центре могилы пятно окиси бронзы и в восточной части ее — окись железа.

КУРГАН 27

Расположен в центральной части могильника, северо-западнее кургана 6. Южная половина его уходит под огороды. Насыпь округлой формы, высотой около 1 м. Диаметр северо-западный — западный — юго-восточный — восточный — 14,5 м, радиус (центр) северо-восточный — восточный — 8,4 м (рис. 29).

При снятии насыпи были найдены обломки керамики, целые сосуды, бронзовая подвеска с антропоморфным изображением, бронзовый перстень, железный крючок от колчана (рис. 30, *1—4,7*).

В северо-восточной части кургана обнаружено скопление лошадиных челюстей. Среди них сломанный костяной наконечник стрелы и обломки керамики (рис. 30, *10—13*).

Под насыпью кургана было 5 могил и 4 углистых пятна. В пятне-кострище *А* обнаружены челюсти лошади, сосуд, две бронзовые нашивки, круглое височное кольцо и кусочек бересты (рис. 30, *5—9*).

Могила 1, грунтовая, расположена в восточной части кургана, углублена в материк на 10—15 см. Могильное пят-

но подпрямоугольной формы. Размеры 2,0 × 0,6 м. Костяк сохранился неполностью — нет костей туловища и рук. Покойник ориентирован головой на юго-восток — восток. Справа от черепа лежала бронзовая круглая серьга, под черепом — бронзовая нашивка. Справа от черепа, выше уровня погребения на 10 см, за пределами могильного пятна находились два круглодонных сосуда (рис. 31, *А*, *1—5*).

Могила 2, относится ко времени поздней бронзы и здесь не рассматривается.

Могила 3, расположена восточнее центра, грунтовая, углублена в материк неравномерно: глубже в западной части и мельче в восточной. Могильное пятно большое, неправильной формы. Размеры 3,2 × 1,0 м. Вытянута по линии северо-запад — запад — юго-восток — восток. Кости сохранились частично и лежали в беспорядке. В восточной части могилы найдена бронзовая пластинка, западнее ее сосуд и еще западнее обломок от железного наконечника стрелы (рис. 31, *6*, *7*, *9*).

Могила 4, наземная, находилась в насыпи на 20 см выше материка, в северо-западной части кургана. Могильное пятно не прослежено. Костяк сохранился почти полностью. Ориентирован головой на северо-восток — восток. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. У правой ноги на уровне колена находился железный топор-тесло, между ног — обломок сосуда (рис. 31, *Б*, *8*, *11*).

Могила 5, грунтовая, углубляется в материк на 15 см. Контуры могилы прямоугольной формы. Размеры 1,5 × 1,0 м. Захоронение парное. Сохранились кости ног полностью от левого погребенного и от одной ноги правого погребенного. Других костей нет. Ориентация головой на восток (рис. 31, *В*). Между костями голени левого погребенного находился сосуд, у правого — фрагмент сосуда (рис. 31, *10*). На дне могилы — углистый грунт и мелкие угли.

Юго-восточнее на 60 см от правого костяка находились кости лошади. Юго-восточнее могилы 5 на 14 см выше ее обнаружены три черепа человека и кость голени. Отнести их к могиле 5 нельзя, так как там парное захоронение. Видимо, это остатки еще одной могилы.

КУРГАН 36

Курган расположен в северо-западном конце могильника, имеет вытянутую форму. Размеры 15,4 × 8,5 × 0,8 м. В юго-

западной части его обнаружена могила человека. Могильного пятна не было. Костяк лежал на левом боку головой на юго — юго-запад, череп лицевой частью на запад. Ноги были слегка подогнуты под живот. Кости сохранились плохо. Глубина залегания от дневной поверхности — 50 см. Вещей при костяке не было. Не найдены они и при снятии насыпи. Судя по положению умершего, погребение относилось к могильнику эпохи бронзы.

КУРГАН 37

Расположен в западной части могильника, между курганами 4, 5 и 2. Курган небольшой по размерам — 8,0 × 5,6 × × 0,8—0,9 м. Сильно зарос березняком. В насыпи кургана обнаружены кости ног человека и отдельные кости лошади. Здесь же найдено несколько фрагментов керамики. Около центра на глубине 60 см от дневной поверхности находился круглодонный сосуд.

Под насыпью были два пятна: могильное и от поминального костра. Могильное пятно прямоугольной формы. Вытянуто с северо-запада на юго-восток. Размеры 2 × 1 м. Углубляется в материк на 20 см. Костяк в могиле не сохранился, остались только фаланги ног, разбросанные по могиле. Скорее всего он был выброшен грабителями. Кости человека встречены рядом с могилой в насыпи. Возможно сюда же относится и сосуд. В кострище ничего не обнаружено.

КУРГАН 38

Расположен севернее кургана 1. Небольшого размера, округлой формы, слегка вытянут на север. Курган находится на склоне, поэтому его северная часть значительно ниже южной. Размеры 7,2 × 6,8 × 0,9 м (рис. 32, *А*). В насыпи найдена керамика и миниатюрное железное тесло (рис. 32, *2*).

В кургане обнаружена одна могила. Могильное пятно не прослежено. Погребение совершено на материке, не углубляясь в него. От костяка сохранились кости ног и череп. Судя по расположению ног (эта часть скелета не тронута), покойник был положен головой на запад. Череп лежал в стороне, на север от левой бедренной кости. У правой берцовой кости находился горшок. Под костями сохранились остатки бересты (рис. 31, *Б*, *1*).

ГЛАВА II

ИНВЕНТАРЬ МОГИЛЬНИКА

Весь инвентарь могильника по его назначению делится на 6 больших групп: 1) орудия труда и бытовые предметы; 2) оружие; 3) конское убранство; 4) принадлежности одежды и украшения; 5) антропоморфные и зооморфные изображения; 6) керамика.

Внутри этих групп деление проводилось на основе форм изделий при учете материала, из которого изготавливался предмет. Иногда в основу классификации положены технические или сюжетные особенности вещей. Последнее относится в основном к художественным изделиям.

ОРУДИЯ ТРУДА И БЫТОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ

Самые распространенные бытовые предметы в могильнике — железные ножи. Они различные по форме и величине.

1. Черешковые с выгнутой (горбатой) спинкой и прямым острием (4 экз.). С односторонней заточкой. На лезвии с одной стороны неглубокая впадина типа дола. Длина с черешком — 10—15 см, толщина лезвия — 2—2,5 см (рис. 5, *15*; 6, *5*). Ножи с горбатой спинкой были характерны для одинцовского населения верхней Оби (Грязнов, 1956). Известны они из материалов Алтая и Минусинской котловины, где датируются II—IV вв. н. э. (Кызласов, 1960, табл. 4; Гаврилова, 1965, рис. 3). Точно такие же ножи найдены и в Архиерейской заимке VIII—IX вв. (ОАК, 1896). Как и в Рёлке, они были здесь основной формой для крупных ножей. Иногда ножи такой формы относят к кинжалам (Евтюхова, (1952, с. 112). Правда, в Рёлке ни у одного из ножей нет перекрестья, как в Архиерейской заимке (ЗРАО, 1899, т. IV, рис. 7) или

в Уйбатском чаатасе. Возможно, они не сохранились или их не было совсем.

2. Небольшие (7—10 см длиной) железные черешковые ножи (7 экз.) с прямой спинкой (рис. 3, *28*, *29*). Встречаются и в мужских и женских могилах. Ножи подобного типа имели широкое распространение в Западной Сибири в I и II тыс. н. э.

Ножи сохранились в одном случае. Они были из дерева с бронзовой или железной обоймой на заклепках (курган 1, могила 6). Подвешивались ножны к поясу на железной восьмеркообразной цепочке, иногда длинной, витой, подобной алтайским (рис. 3, *30*; 19, *10*).

Для заточки ножей использовались продолговатые сланцевые точила (3 экз.). Носили их, видимо, в специальных чехлах, так как никаких приспособлений на самих точилах для подвешивания нет (рис. 4, *7*).

В могильнике найдено 9 железных топоров-тесел двух форм: прямоугольных контуров и трапециевидных (8 экз.). У последних сужено лезвие, иногда слегка пригнуто к втулке (рис. 6, *7*; 16, *5*; 19, *19*). Тесла были обычной величины и миниатюрные. Последние сделаны из тонкого железного листа и имели вотивное, а не практическое значение (рис. 3, *27*; 5, *21*). В Сибири тесла были универсальным предметом: использовались как орудие труда и как оружие. В могильнике тесла также встречаются в обычных погребениях мужчин и женщин и в погребениях воинов.

Интересное описание сибирских топоров эпохи средневековья дает С. К. Патканов (1891, с. 30): «Топоры, видимо, редко употреблялись в битвах, больше для охоты... Прежде были посохи-топоры, т. е. небольшие топоры, посаженные на длинную палку. Употреблялись они в дороге, чтобы приготовить дрова для костра, а также для защиты, но не на войне».

Железные тесла появились в Сибири в конце I тыс. до н. э. и широко распространились в I и II тыс. н. э.

Типология железных тесел не разработана. Принято считать, что они мало видоизменялись, несмотря на длительное существование. Тем не менее это не так. Топоры-тесла раннего железа как у племен Западной Сибири, так и у их соседей резко отличались от раннесредневековых. Ранние тесла имели широкую почти сплошную втулку для рукояти. Рабочая часть непропорционально мала по сравнению со втулкой, но она массивна. Рёлкинские тесла (как и из других

памятников этого времени) делались из хорошо прокованного толстого железного листа. Втулка разомкнутая и пропорции ее с рабочей частью равны или приближаются к равным. Кроме того, рабочая часть тонкая, прокованная.

В насыпи кургана 6 было найдено каменное пряслице, округлое, плоское, орнаментированное с обеих сторон (рис. 19, 8). С одной стороны пряслице разделено на четыре сектора крестом. По кресту проведены зигзагообразные линии. По окружности нанесены треугольники. В двух смежных секторах изображены рисунки. Один — в виде неправильного овала, другой — в виде изображения дерева. С другой стороны пряслице разделено пополам линией с зигзагами. Здесь также нанесены рисунки — маленький крест и четыре короткие линии.

Другое пряслице сделано из рога. Оно меньше в диаметре, чем первое, но толще его. В сечении имеет вид трапеции с двумя скругленными углами (рис. 3, *10*).

Круглодонная элипсовидная чаша из позолоченной бронзы, хорошей сохранности. Стенки чаши сравнительно тонкие (1,5 мм), гладкие без декоративных дополнений (рис. 3, *31*; 44). Она найдена в кургане 1, рядом со скоплением *В*. Аналогичные чаши известны из могильника у Архиерейской заимки и Васюганского клада (Могильников, 1964, с. 227) и датируются VII—VIII вв. Все эти чаши представляют серию изделий средневековой восточной торевтики. Отсутствие декоративной отделки на рёлкинской чаше затрудняет определение конкретного места ее происхождения. Чашу из Архиерейской заимки, выполненную в традициях среднеазиатских торевтов (школа С по Б. И. Маршаку), относят к первой половине VIII в. (Маршак, 1971, 1976). Чаши отнесены в бытовую группу условно, так как они вряд ли служили для бытовых или хозяйственных целей. Обычно их находят с культовыми предметами.

ОРУЖИЕ

Среди материалов могильника имеется два вида оружия: наступательное (палаши, сабли, наконечники стрел, копья) и оборонительное (шлемы, панцыри, кольчуги).

Палаш обнаружен в кургане 1, могиле 7, с трупосожжением. Это однолезвийный, согнутый пополам клинок, конец тупо срезан, перекрестье не сохранилось, стержень рукоятки изогнут в сторону лезвия. Навершие кольцевое, подпрямо-

угольное, покрытое листовой медью. Длина палаша — 63 см, ширина клинка — 3 см (рис. 6, *1*).

Палаши появляются во II—IV вв. н. э. у сарматов, но в то время они имели еще короткие лезвия (Смирнов К. Ф., 1959). Позднее они широко распространяются на территории евразийских степей. В VI—VII вв. палаши и сабли становятся неотъемлемой принадлежностью воинов салтовской культуры (Мерперт, 1951; Смирнов А. П., 1958; Плетнева С. А., 1967). Бытуют они и среди кочевых племен Южной Сибири, в частности, у кудыргинских и североказахстанских племен VII—IX вв. (Киселев, 1949; Гаврилова, 1965; Арсланова, 1968).

От ножен сохранились бронзовые узкие полоски поперечной обоймы и железное основание, обложенное подобными бронзовыми полосками. На двух экземплярах каркас верхней части ножен по ребру образует бортик и скреплен железной скобкой, которая загнута в петлю для подвесного ремня. На лицевой стороне бортика приклепана штифтами бронзовая накладка с рельефным изображением (рис. 6, *12*). Весь сюжет разобрать не удается, так как изделия попорчены. На переднем плане изображен приготовившийся к прыжку или крадущийся зверь. Судя по крупу, это лев. Длинный хвост пропущен между задних ног и обвивает животное. Другие детали неразборчивы. Бортик окаймлен шнуровым ободком. Стиль явно не западносибирский и уводит к аналогиям художественного литья Среднего Востока. На таком незначительном материале трудно сказать, являлись ли рёлкинские ножны привозными из Средней Азии. Скорее всего предположить, что это было варварским подражанием восточной торевтике, а попали изделия к среднеобским племенам от соседних тюрков. В памятниках Алтая, Северного Казахстана подобный стиль характерен для изображения на ножнах, пряжках, наконечниках ремней.

О способе ношения палашей можно сказать пока предположительно. В кургане 1, могиле 7, был найден один палаш, но две обоймы от ножен. Такая же картина наблюдалась в кургане 7, могиле 1, только там были не обоймы, а простые железные скобки с петлями для ремней (рис. 24, *19*). Система крепления ножен к поясу на двух подвесных ремнях известна в тюркское время на Алтае, в Северном Казахстане, Средней Азии, Поволжье. В пенджикентских росписях у воинов мечи подвешивались параллельно поясу. Однако утверждать, что рёлкинцы так носили мечи, нельзя: в могильнике

есть два бронзовых изображения воинов, положение клинков у которых отличается от пенджикентских. На изображении всадника из могилы 1 кургана 7 меч висит под большим углом к поясу, а на подвеске со стоящим воином из могилы 1, кургана 10, — вертикально. Еще одним свидетельством особенностей портупеи среднеобского воина является рисунок на камне с поселения Малгет — здесь меч также подвешен вертикально.

Сабля была найдена в насыпи кургана 1. Она так же, как и палаш, перегнута пополам, клинок слабо изогнут, однолезвийный с обоюдоострым концом. Перекрестья и навершия нет. Стержень рукояти прямой. Длина клинка — 68 см, ширина — 5 см. Рукоять была, видимо, костяная — на стержне сохранились следы окальцинированной кости (рис. 3, *17*).

Другая сабля найдена в кургане 7, в могиле с трупосожжением (рис. 24, *20*). Она близка по форме предыдущей. Это однолезвийная полоса с двулезвийным концом (в 10 см длиной). Перекрестья нет. Навершие кольцевое, подпрямоугольное со скругленными углами. Длина клинка — 64 см, ширина — 3 см. Сабля была перегнута. О ножнах для этой сабли можно сказать немного: сохранилась только верхняя железная гофрированная оправа ножен (рис. 24, *14*). Кроме того, как выше указывалось, в этом комплексе были две скобы с петлями для подвешивания ножен.

Охарактеризованные сабли относятся к типу «хазарских» и восходят к периоду, когда этот вид оружия только начал формироваться: скос полосы еще незначительный, отсутствует елмань. Стержни рукояти не имеют резкого наклона в сторону лезвия или он очень небольшой. Основным назначением этих сабель была рубка, но при небольшой кривизне и обоюдоостром конце они годились и для укола. Сабля появилась в евразийских степях, по мнению исследователей, в VII—VIII вв. (Кирпичников, 1966).

В могильнике собрана значительная коллекция костяных и железных наконечников стрел. Железные наконечники относятся к боевым и составляют несколько групп.

Наиболее многочисленна группа граненых (бронебойных) черешковых наконечников (16 экз.). Они различны по форме и длине — от 7 до 15 см. У всех острие срезано, уплощено, напоминает долото. Есть с боевой головкой круглого или граненого сечения, все с упором и коротким черешком. Найдены в могилах и насыпях курганов (рис. 19, *14*; 24, *15—16*; 25, *2*).

Бронебойные граненые стрелы у народов Восточной Евро-

пы были широко распространены в I тыс. н. э. (Медведев А. Ф., 1966). Их появление связано с распространением железных оборонительных доспехов (шлемов, панцирей).

Подобные наконечники найдены в могильнике у Архиерейской заимки — VIII в., в Туве — IX—X вв., в верхнем Прииртышье — VII—VIII в. (ЗРАО, 1899; Кызласов, 1969; Арсланова, 1968).

Другая группа наконечников стрел — трехперые, черешковые (7 экз.). Их найдено немного и только в насыпях курганов. Из этой серии можно выделить два вида:

1. Мелкие наконечники с ромбическим контуром головки, с упором (рис. 21, *16*). В середине I тыс. н. э. были распространены повсеместно. До сих пор нет единого мнения о более точных хронологических рамках их существования: IV—VIII вв. (Литвинский, 1965), V—VIII вв. (Сорокин, 1956), середина I тыс. — IX вв. (Кызласов, 1969).

2. Килевидный, узкий, трехлопастный наконечник с упором (рис. 3, *14*). Такие наконечники имели широкое распространение, но были ограничены во времени. А. Ф. Медведев (1966) устанавливает их дату — VIII—IX вв. В Сибири подобные наконечники бытуют в это же время, но в могильнике Кудыргэ найдены и среди ранних комплексов (VI—VII вв.).

К третьей группе следует отнести плоские наконечники стрел. В могильнике их найдено только два экземпляра.

Первый — типа срезня в виде расширяющейся к острию лопаточки без упора (рис. 6, *5*) найден в могиле вместе с бронебойными наконечниками (курган 1, могила 7). Такие наконечники стрел известны в Сибири повсеместно, применялись как в бою, так и на охоте. Точной даты их бытования нет. А. Ф. Медведев (1966, с. 72) считает этот тип характерным для финно-угорских народов Европейской России X—XI вв. Ближайшей аналогией нашему наконечнику является срезень из могильника у Архиерейской заимки (ЗРАО, 1899, табл. 2).

Второй плоский наконечник из могильника — двурогий вильчатый срезень без упора (курган 1, могила 11). Другие детали установить трудно, так как наконечник сильно пострадал от коррозии. Наконечники этого типа появились в начале нашей эры и существовали до позднего средневековья. В Сибири наиболее ранним памятником, где были найдены вильчатые срезни, является Кинтусовский могильник, относящийся к X—XIII вв. н. э. (Чернецов, 1957).

Особенностью Рёлки является отсутствие свистящих стрел,

характерных для Алтая и Восточной Сибири. Ф. Х. Арсланова (1968, с. 101) такую деталь подметила и для Павлодарских могильников и объяснила это этническими особенностями. Точнее следовало бы сказать локальные, так как свистящие стрелы редкость[8] для всей Западной Сибири и степных районов Казахстана и Европейской России.

В могильнике найдено большое количество костяных наконечников стрел (45 экз.). Они разнообразны по величине, форме и, вероятно, по назначению. Основная масса наконечников с плоским черешком, трехгранного, четырехгранного и шестигранного сечения, с острием килевидной и клиновидной формы (рис. 3, *11—13*). Распространены двушипные наконечники. Все без упора для древка. Два наконечника выпадают из общей массы стрел по форме и являются явным подражанием железным граненым стрелам (рис. 13, *15;* 17, *15*).

1. Наконечник с плоским черешком, круглый в сечении, основание и острие четырехгранные (курган 4, насыпь). Близкие по форме экземпляры встречаются среди сибирских материалов II тыс. н. э. (Грязнов, 1956).

2. Наконечник с плоским черешком, основание в сечении в виде эллипса, боевая часть четырехгранная, по углам выделаны маленькие шипы в виде зазубрин (курган 5, могила 3).

Все костяные наконечники из могильника прекрасной выделки, большинство хорошей сохранности. Датировка их затруднительна, так как в находках Сибири это распространенный материал во все времена, начиная с эпохи бронзы. При этом основные формы остаются малоизмененными. Можно только сказать, что начало подражания боевым граненым наконечниками археологи относят к раннему средневековью (Медведев А. Ф., 1966).

Почти ничего нельзя сказать о луках и колчанах. В одной из могил (курган 2, могила 7) сохранилась костяная накладка от колчана. Она небольшая (11 см длиной), слегка выгнута, края скруглены, на одном конце одно отверстие, на другом — два (рис. 10, *11*).

Сохранились железные крючки от колчанов (3 экз.) общераспространенной формы (рис. 10, *7*; 24, *6*; 30, *7*), известные по материалам Верхнего Приобья (Грязнов, 1956).

---

[8] Свистящие стрелы в Приобье известны в средневековом комплексе Томского могильника (Комарова, 1952, с. 48).

В могильнике найден один экземпляр железного копья втульчатого, с ромбическим пером (курган 5, могила 6). По форме он близок копьям этого времени с верхней Оби, Приуралья, Прикамья и южных степей (Грязнов, 1956; Генинг, 1964; Мерперт, 1951). В могилах воинов копий не найдено. Этот факт наводит на мысль, что копья на войне не использовались. Вероятно, они применялись в качестве рогатины на охоте, как и в поздние времена (Патканов, 1891).

Среди оружия могильника были все известные тогда защитные средства: кольчуги, панцири, шлемы.

Шлем найден в одном экземпляре в насыпи второго кургана. Он состоит из плавно изогнутой, вытянутой кверху тульи, заканчивающейся стержнем для султана. Рядом со стержнем прикреплена небольшая петля. Тулья склепана из восьми отдельных пластин. По краю тульи шлем украшен узкой бронзовой накладкой с выпуклинами. Возможно, выше этого бронзового канта были еще какие-то украшения, так как сохранились отверстия от их крепления и едва заметные очертания фигурного бронзового украшения. Сзади по краю тульи последовательно проходят отверстия в 2 мм. Они служили для прикрепления бармицы. Был, вероятно, и наносник: в лобной части край выходит за общую границу и неровно обломан. Шлем пробит граненой стрелой в области виска (рис. 10, *8*).

Вопрос его датировки не представляет особого труда. Подобные шлемы господствовали в Передней Азии и среди кочевого мира степных районов нашей страны (Рыбаков, 1948; Арциховский, 1956; Кирпичников, 1971). Наиболее близкие по форме изготовления шлемы происходят из могил у с. Демьяновки у Мелитополя, из Курганов «Гульбище» и «Черная могила» у Чернигова; восточный шлем VIII в. н. э. — с р. Оскол Воронежской губернии и из Борисовского могильника на северном Кавказе. Все эти шлемы датируются VIII—X вв. (Ленц, 1902; Самоквасов, 1908; Саханев, 1914; Рыбаков, 1948).

К сожалению, среди материалов Сибири находки шлемов — чрезвычайная редкость, хотя этот доспех был хорошо известен населению края, о чем говорят многочисленные рисунки всадников и пеших воинов в конических шлемах VIII—IX вв. (Евтюхова, 1948; Кызласов, 1969). Среди археологического материала следует указать на шлем, близкий рёлкинскому, найденный в долине р. Ий в Туве, относящийся к средневековью (Вайнштейн, 1961).

Населению, оставившему могильник Рёлку, была известна кольчуга. Небольшой обрывок от нее был обнаружен в кургане 5. Кольчуга состояла из колец диаметром 0,9 см; каждое кольцо охватывало 4 соседних. Все они склепаны штифтами (рис. 15, *18*). По технике изготовления отличаются от древнерусских и относятся к кочевническим кольчугам, которые стали известны еще в сарматское время, но затем были забыты и появляются вновь в VII—VIII вв. вместе с иранской формой шлема и иранскими стременами (Колчин, 1953; Кирпичников, 1971).

Западносибирским племенам, судя по преданиям, кольчуга была известна очень давно. Во всех сказаниях остяков и самоедов кольчуга являлась неотъемлемой важной частью вооружения богатырей (Патканов, 1891).

Среди археологических материалов I тыс. н. э. находки кольчуг — редкое явление. На Алтае был найден обрывок кольчуги в Кудыргинском могильнике (Гаврилова, 1965, с. 31). Другие примеры пока не известны. Это объясняется, видимо, тем, что в те времена была распространена другая форма доспеха — панцирная.

В могильнике Рёлке обнаружены 3 могилы с погребением воинов, в которых сохранились панцирные пластинки. Они различны по форме и величине. Размеры пластинок зависели от того, в какой части доспеха они находились. Наиболее крупными были нагрудные пластинки. Кроме того, они были слегка выгнуты, чтобы плотнее облегать части тела. По форме рёлкинские пластинки делятся на два вида:

1. Длинные или короткие пластинки со скругленными углами, с небольшой выемкой на продольных сторонах пластины, что придавало ей форму восьмерки (рис. 6, *6*).

2. Прямоугольные длинные пластины, одна продольная фигурная сторона с зубчиками (рис. 24, *17*).

Несмотря на некоторые различия, пластинки относятся к одному виду доспеха. Об этом свидетельствует одинаковая система крепления пластин. Восстановить же форму панциря не представляется возможным, так как панцирные пластинки найдены в могилах с трупосожжением и лежали сплошной спекшейся грудой. По материалам других памятников также трудно представить ясную картину. В большинстве памятников Сибири находки панцирных пластинок немногочисленны, единичны (Грязнов, 1956; Гаврилова, 1965; Чагаева, 1968; Деревянко, 1975).

Наиболее многочисленны находки пластинок в могильни-

ках у Архиерейской заимки и Басандайском. Но здесь, как и на Рёлке, они найдены в могилах с трупосожжением, и кроме разнообразия форм пластинок, дополнительных данных о конструкции всего доспеха не дают. Значительно лучше сохранился панцирь в одной из могил Басандайского могильника (Дульзон, 1947). Система крепления та же, что и рёлкинских панцирей, ряды пластинок проходили друг под другом. Однако басандайский панцирь не был надет на умершего, а брошен сверху у ног, поэтому облик доспеха выяснить также не удается.

Судя по форме пластинок и системе крепления, рёлкинский панцирь относится к характерному для этого времени доспеху, близкому к древнетюркским панцирям (Гумилев, 1949). По мнению специалистов, подобный оборонительный доспех появился у кочевников Азии во второй половине I тыс. н. э. Позднее он распространился по всей Евразии (Медведев А. Ф., 1959; Кирпичников, 1971).

КОНСКОЕ УБРАНСТВО

Из убранства лошадей в могильнике сохранилось немногое. Сюда следует отнести четыре экземпляра у д и л: три — обычных размеров (длина грызла — 20—22 см) и один — миниатюрный (13 см). Один способ крепления ремней удается установить — удила со стержневыми роговыми псалиями, на которых были железные скобы (рис. 19, *11—13*). Такие удила появились у кочевников в VII в. и просуществовали наряду с другими видами до IX в. Наружные кольца грызла были сомкнутые (цельно кованые) и несомкнутые. Последние делались путем загиба конца. Для зажимов (ременные или металлические, не известно) делались специально желобки (рис. 6, *14*).

Удила найдены в могилах с трупосожжением (2 экз.). Два экземпляра обнаружены в насыпи. Миниатюрные удила были в скоплении-тайнике (курган 1, могилы 5, 6). Здесь они лежали в сосуде вместе с антропоморфной фигуркой, миниатюрным теслом и стрелкой. Вероятнее всего, это были ритуальные вещи.

Известный интерес представляют удила с несомкнутыми кольцами грызла, со звеньями различной длины (рис. 6, *14*). В этом случае поводья пропускались на одну сторону, длинное звено оказывалось у коня во рту, а короткое загибалось вокруг губы. Асимметричные удила применялись только прекрасными наездниками. При неумелом управлении лошадью

они могли порвать губы лошади.

Асимметричные удила распространяются у кочевых народов в начале II тыс. н. э.: в часовенногорских могилах на Алтае и Енисее (Гаврилова, 1965; Вайнштейн, 1966; Кирпичников, 1973). В I тыс. н. э. встречаются чрезвычайно редко, как исключение. Рёлкинские асимметричные удила отличаются от вышеназванных. Они меньше по размерам, и мундштук прямой, а не изогнутый. Однако назначение их было то же самое: для большего послушания лошади и возможности освободить одну руку в случае надобности.

От уздечки сохранился костяной блок, для чумбура, подобный широко распространенным у кочевников на различных этапах от сарматского времени до поздних кочевников (рис. 5, *7*). Остатков от седел не сохранилось, но о их наличии у рёлкинцев свидетельствует костяная подпружная пряжка. В ней имеются две поперечные прорези для ремня, соединенные продольной, в которой на оси крепился язычок (рис. 5, *6*). Костяные пряжки характерны для раннего средневековья юга Западной и Средней Сибири. В датировке их у исследователей есть расхождения. А. А. Гаврилова пряжки со сплошными прорезями относила к V—VII вв., а более поздние типы пряжек имели прорези только для ремней (Гаврилова, 1964, с. 169). Основанием к ранней датировке послужили материалы берельских комплексов (IV—V вв.), которые датированы по аналогии с верхнеобскими «переходными». А. К. Амброз считает, что костяные подпружные пряжки раньше VII в. не известны (Амброз, 1971 а, с. 121). Берельские памятники, как и переходные, он датирует VII в. На хронологии памятников верхнеобской культуры мы позднее остановимся специально. Здесь же отметим, что выделение хронологических типов костяных подпружных пряжек на Алтае и в соседних районах неоправдано. Оба типа встречаются и в ранних берельских и поздних сросткинских комплексах (Грязнов, 1956; Гаврилова, 1965, с. 54).

Стремян в могильнике не обнаружено. Предположить, что в это время их вообще здесь не было, нельзя. Применение сабли требовало устойчивости воина в седле. И для большей маневренности в бою стремена являлись необходимой опорой. Однако прямых доказательств их существования нет.

В связи с характеристикой конской сбруи особый интерес представляет бронзовое плоское одностороннее изображение всадника (рис. 35, *11*). К сожалению, фигурка сильно по-

страдала от огня и времени. Лошадь небольшая с маленькой изящной головой, длинной гривой, переданной прямыми углубленными линиями. Хвост и ноги у лошади обломаны. Сохранились некоторые детали сбруи. У изголовья процарапаны нахрапник и налобник. Ремни нагрудника незаметны, но видна круглая нагрудная бляха. Под седлом был, видимо, чепрак. Просматриваются едва различимые четырехугольные контуры каймы с кистями, две из них хорошо заметны у ноги всадника. От фигуры всадника сохранилась только левая нога, обутая в мягкий сапог, в который заправлены шаровары. Выше голенища изображена сабля (палаш?), кисть левой руки держит повод. Сохранилась едва заметная полоска, пересекающая носок сапога. С большим допущением можно предположить, что нога была продета в стремя. Интересна рельефная полоска, идущая от щиколотки вниз, за пятку. Назначение этой детали определить трудно. Известно, что кочевники шпор не употребляли и погоняли своих лошадей ногами или плетью (Кирпичников, 1973, с. 57).

В одной из могил (курган 1, могила 11) среди костей лошади находился роговой трапециевидный блок с двумя круглыми отверстиями (рис. 8, *4*). Такие блоки в Западной Сибири известны в поздние времена у самодийских племен. Они применялись в оленьей упряжке. Во время существования могильника подобные блоки использовались кочевыми тюркскими племенами для аркана.

ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ОДЕЖДЫ И УКРАШЕНИЯ

Пряжки могильника были бронзовые, железные и бронзовые с железным язычком.

1. К наиболее ранним относятся две крупные бронзовые полые В-образные пряжки с длинным хоботовидным язычком (рис. 33, *14*). Щитки утрачены.

В-образные пряжки широко распространились в V—VI вв. на огромной территории, от Венгрии до южной Сибири. Наиболее ранние имели прямоугольное или круглое сечение колец, в VI в. появились полые пряжки. В VII в. они почти вышли из употребления и превратились в псевдопряжки (Амброз, 1971 а, с. 114; Ковалевская, 1972). Они служили как украшение или держатели подвесных ремней (рис. 33, *25*). В Западной Сибири пряжки и псевдопряжки найдены кроме Рёлки в могильниках Тимирязевском, Юрт-Акбалык-8, Кудыргэ (Гаврилова, 1965; Троицкая, 1973).

Две псевдопряжки были другой формы — с плоским

сердцевидным щитком, на внутренней стороне которого находился зажим для крепления. Щиток вращается на дужке. Короткий, неподвижный язычок находится на внешней стороне дужки и вылит вместе с ней (рис. 33, *20*). Использовались, видимо, в качестве декоративных накладок. В Казахстане подобной формы пряжки найдены в комплексах VII—VIII вв. (Нурмуханбетов, 1969, табл. 1, 2).

2. Бронзовая пряжка с характерным изгибом дужки и железным язычком, щитка нет. Ремень, видимо, прикреплялся непосредственно к дужке (рис. 33, *19*). Такие пряжки были известны на Северном Кавказе в V—VII вв. (Саханев, 1914).

3. Три бронзовые пряжки с овальной дужкой и коротким неподвижным, сердцевидным щитком. У одной пряжки язычок железный, у другой декоративный щиток (рис. 33, *7*, *15*).

Подобные геральдические («вычурные») пряжки как в Западной Сибири, так и за ее пределами, известны в VI—VII вв. (Амброз, 1971). В Минусинской котловине и Туве они обычно встречаются и в VIII в. (Кызласов, 1964). В Западной Сибири пряжки подобного типа найдены в могильниках Перейминском, Тимирязевском, в Архиерейской заимке. В последнем они уже видоизменились — дужка не круглого сечения, а плоско-выпуклого, что характерно для более поздних типов.

4. С VIII в. н. э. в Восточной Европе и Западной Сибири появляются пряжки другого типа. Дужка остается такой же формы, как и раньше, но щиток превращается в рамку. Широкое распространение эти пряжки получают в IX в. н. э. В ранних комплексах VII—VIII вв. они еще редки (Ковалевская, 1969; 1972). В Рёлке найдены две пряжки этого типа (рис. 33, *9*, *12*).

В могильнике обнаружены три железные пряжки. Две с овальным концом и длинным язычком. Одна из них крепилась непосредственно к ремню (рис. 33, *28*), другая имела вращающуюся пластинку в виде зажима для крепления к ремню (рис. 33, *27*). Третья пряжка подчетырехугольной формы, ремень крепился непосредственно к кольцу (рис. 33, *29*).

В Западной Сибири они обнаружены на верхней Оби в одинцовских могилах II—IV вв. (Грязнов, 1956, с. 116) и могильнике у Красного Яра VII в. (Троицкая, 1963, 1973), на нижней Оби — в Перейминском могильнике VI—VIII вв. (Могильников, 1964 а). Такие же широкие хронологические рамки для подобных пряжек существуют и в других районах.

К деталям пояса относились бронзовый крючок и три бронзовые петли-застежки.

Крючок крупных размеров, предназначавшийся, видимо, для широкого пояса. Оформлен рельефным декором: в центре три круглые выпуклины, оконтуренные жгутом, по краю проложена кайма из мелких жемчужин (рис. 33, *16*). Предмет индивидуален, аналогий ему пока нет. Однако по художественным особенностям крючок не выпадает из общего круга бронз второй половины I тыс. н. э.

Ажурные петли-застежки прямоугольных контуров состоят из двух рядов кружков (рис. 33, *17*). Близкие им по замыслу изготовления застежки из Архиерейской заимки (ЗРАО, 1899, т. 1.).

Наконечников ремней было два вида: узкий длинный, конец срезан под углом, и сердцевидный короткий. Поверхность их плоская, без узоров, прикреплялись к ремню штифтами (рис. 33, *3*, *4*). Подобные наконечники были широко распространены в VI—VIII вв. от берегов Черного моря до Минусинских степей. В отличие от рёлкинских в большинстве памятников на наконечниках имеются прорези или геометрические узоры, но и там встречаются наконечники с гладкой поверхностью.

Есть небольшая серия накладок, по форме подобных наконечникам ремней, также без орнамента и с одинаковой системой крепления (рис. 33, *1*, *2*). Ближайшие аналогии им найдены в могильниках Тимирязевском и у Архиерейской заимки.

Три накладки имели орнамент: на одной геометрический узор в виде насечек по одному краю, ниже — две параллельные полосы, а в центре, видимо, была фигурная прорезь, характерная для накладок подобного типа (рис. 33, *6*). Их появление относят к VI в., однако повсеместно они распространяются в VII в. (Мерперт, 1951, с. 2; Амброз, 1971, с. 114).

Другая накладка сделана из бронзовой фольги, фигурная, с мелкозернистым кантом (рис. 33, *5*). Мелкозернистый декор как в Сибири, так и в западных районах характерен для VII—VIII вв. Правда, в Сибири он почти не привился и представлял скорее варианты мелкожемчужного орнамента.

Хронологическое значение имеет фигурная накладка с четырьмя круглыми отверстиями. Конец ее утрачен, но, судя по оставшемуся обломку, он мог представлять полукруглый или сердцевидный щиток, характерный для подобных накладок в VII—VIII вв. (рис. 33, *11*). Ближайшие аналогии, как и в предыдущих случаях, находятся среди материалов мо-

гильников Тимирязевского и Архиерейской заимки. Варианты подобных накладок встречены среди ременных украшений в могильнике Кудыргэ на Алтае (Гаврилова, 1965). Во всех могильниках они встречены с вещами VII—VIII вв. (бронебойные наконечники стрел, палаши, панцирные пластинки, псевдопряжки, накладки).

Значительную группу составляют круглые выпуклые нашивки. Они нескольких видов: однорядные, многорядные двухчастные на одной пластине и одиночные (рис. 7, *12*, *14*; 8, *6—8*). Применялись для украшений различных деталей одежды — головных уборов, поясов. Такие украшения были характерны для средней и верхней Оби. Датируются комплексы с подобными нашивками различно — II—IV вв., VI — VIII вв. (ОАК, 1898; Троицкая, 1973, с. 102—103).

Подвески делятся на 4 группы.

1. Колокольчатые подвески. Бронзовое украшение, напоминающее колокольчик с тремя лепестками. Выступы-«лепестки» и края колокольчика орнаментированы жемчужинами, желобками, сеткой (рис. 7, *10*; 10, *26*, *27*; 11, *1*, *2*). Ремешок продевался через узкое отверстие и закреплялся узлом внутри подвески. Подобные подвески, только меньших размеров, найдены в Тимирязевском могильнике[9].

Место применения колокольчатых подвесок точно не известно, но, вероятнее всего, их использовали на поясе. Однажды они были обнаружены под поясничными позвонками костяка (курган 1, могила 5). В ряде случаев они лежали в комплексе с другими деталями поясов (пряжки, накладки, наконечники ремней). Косвенным свидетельством их принадлежности к поясу могут служить аналоги с подвесками раструбом от поясов из камских и уральских памятников.

2. Маленькие двухсоставные бронзовые бубенчики округлой формы, со щелевидной прорезью (рис. 6, *11*). Где использовались бубенцы, установить не удалось. Их появление относят к VIII в., широкое распространение они получают значительно позднее (Амброз, 1971, с. 121).

3. Височные подвески или серьги в виде несомкнутого кольца из бронзы, литые. У некоторых средняя часть утолщена, а концы заострены (рис. 3, *6*; 4, *1*, *2*; 5, *8*, *9*).

Иногда на эти кольца надевались каплевидные подвески (рис. 10, *2*). Эта деталь важна для хронологии подобных изделий. Кольца описанного типа не являются характерными

[9] Фонды ТОКМ, колл. 2283.

для какого-то определенного времени, так же как и каплевидные подвески, взятые в отдельности. Но нанизывание каплевидных подвесок на кольцо характерно в Южной Сибири для VI—VII вв. н. э. (Гаврилова, 1965, с. 43). Позднее, уже в VIII в. н. э., этот тип подвесок видоизменяется. Они становятся сплошь литыми и распространяются на огромных территориях.

4. На территории средней Оби встречены своеобразные плоские подвески в форме банана с коротким или длинным стерженьком для привешивания. Орнаментированы жемчужником, сеткой (рис. 10, *17*; 13, *4*). Как их применяли рёлкинцы, не известно. Точно такие же найдены в могильниках VII—VIII вв. н. э. — Тимирязевском и у с. Красный Яр. В последнем они использовались для ожерелья (Троицкая, 1963).

5. Серьги из бронзовой проволоки, свитой в спираль (3 экз.) (рис. 3, *5*). Находка редкая для Сибири. Пока известен один случай — из Кокэльского могильника в Туве (История Тувы, 1961). Они отличаются от спиральных S-видных серег из Ближних Елбан и Катанды I (Грязнов, 1956; Гаврилова, 1965).

Стеклянных б у с в могильнике найдено немного. Они находились в основном в могилах с трупосожжением. Одна бисеринка молочного цвета найдена в могиле с трупоположением. У большинства бус определить форму и даже цвет стекла невозможно, так как они сильно попорчены огнем.

1. Четырнадцатигранная глазчатая бусина полупрозрачного синего кобальтового стекла (рис. 6, *14*). Эта форма в римское время была характерна для каменных бус. В стекле она появляется только в сарматское время. Бусы из синего и зеленого стекла были широко распространены в III—IV вв. н. э. от Средней Азии до Черного моря (Деопик, 1959, с. 55). Однако все эти бусы были одноцветными. Граненые глазчатые появляются позднее, в VI—VIII вв. н. э. (Деопик, 1961, с. 223.)

2. Бочкообразная ребристая бусина из непрозрачного желтого стекла (рис. 6, *10*). Подобный тип характерен для VIII—IX вв. н. э., бытует до XI в. н. э. (Щапова, 1956, с. 175—176; Деопик, 1961, с. 218).

Говоря о западносибирских стеклянных бусах раннего средневековья, следует отметить их чрезвычайную малочисленность. Такое положение объясняется отчасти плохой сохранностью памятников и слабой изученностью территории.

С другой стороны причина, видимо, в том, что не было местного производства бус. Действительно, во всех памятниках VI—VIII вв. н. э. бус очень мало. Почти не встречаются они среди материалов верхней и нижней Оби; нет их в могильниках у Архиерейской заимки, а в Тимирязевском набирается только шесть экземпляров.

Браслеты двух типов: бронзовый витой и цельнолитой. Первый свит из двойной толстой бронзовой проволоки (рис. 21, *8*). Стиль исполнения довольно распространенный для гривен и браслетов в эпоху железа как в Сибири, так и за ее пределами. Второй — литой, в виде замкнутого кольца пластины, плоско-выпуклого сечения. На внутренней стороне проходит неглубокий желобок. Концы расширены и оформлены в головку какого-то животного с гофрированной шейкой (рис. 27, *9*). Последний тип характерен для раннего средневековья повсеместно. Начиная с VIII в. их вытесняют пластинчатые браслеты.

Перстни (3 экз.). Все однотипные — цельнолитые, с большим овальным щитком, орнамент в виде вилюшек, уточек и жемчужных кантов (рис. 16, *5*; 30, *2*).

Подобные перстни были известны в могильнике VI—VIII вв. Красный Яр (Троицкая, 1963, с. 62).

Гривны сильно разрушены. Найдены две разновидности: серповидная плоская бронзовая пластина, сужающаяся к концам, внешняя поверхность слегка граненая на три грани (рис. 5, *24*); остатки от других гривен также серповидны, но без гранения. В Западной Сибири известны гривны другого стиля исполнения (витые, круглые, квадратные в сечении). Серповидные гривны широко распространились в V—VI вв. в Прикамье и Поволжье (Смирнов А. П., 1952, с. 115; Мажитков, 1968, с. 39). На более поздних этапах они несколько видоизменяются и дополняются украшениями.

АНТРОПОМОРФНЫЕ И ЗООМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ

Металлическая пластика в могильнике Рёлке представлена значительным количеством (50 экз.) зоо- и антропоморфных изображений. Все они различаются сюжетами, техникой литья и степенью сохранности. Многие изображения в связи с требованиями ритуала побывали в огне, в результате чего некоторые из них сильно расплавились, покоробились. Поэтому хотя они и включены в общий счет, но индивидуально не рассматриваются.

Литье изделий разнообразно — плоское, полое, объемное.

Гравировка применялась редко, в основном для подправки или подчеркивания деталей.

Созданные фантазией рёлкинцев образы отличаются чрезвычайным синкретизмом, что затрудняет типологический анализ.

Все изображения по сюжетам разделены на три большие группы, внутри которых проведено членение по более конкретным признакам.

1. Антропоморфные изображения. По форме передачи человеческого образа выделяются изображения фигуры, головы и личины человека.

2. Сложные изображения. Включают в себя зоо- и антропоморфные образы, созданные в различных сочетаниях и ракурсах.

3. Простые зооморфные изображения. Описание в этой группе дано по видам фауны [10].

Для удобства внутри групп будет дана сквозная нумерация.

Фигура человека

1. Плоское гравированное изображение человека с непропорционально большой головой, трехпалые руки сложены на животе, ноги поставлены пятками вместе, носки раздвинуты. Лицо овальное с выдающимися скулами. Контуры бровей, носа и лица обозначены одной линией. Губы сжаты, волосы распущены до плеч. На одежде прослеживаются манжеты рукавов, или браслеты, подчеркнутые двумя поперечными линиями. На правой руке, на сгибе локтя, двойной поперечный ряд линий. От подошв отходит вертикальный разрез до пояса. С боков и на шее проходит жемчужный кант (рис. 34, *1*).

2. Литая плоская подвеска с изображением человеческой фигуры в позе подобно 1. Здесь жемчужный кант (пояс) проходит поперек живота под сложенными руками (рис. 34, *2*).

3. Плоская литая подвеска, поза аналогична 1—2. Пояс двойной: один выполнен жемчужным кантом, другой гладкий с пряжкой и обоймой для подвешивания меча или сабли, которая находится слева (рис. 34, *3*).

4. Плоская литая подвеска с человеческой фигурой. В позе есть отличия от 1—3 — здесь руки упираются в бедра. Кроме узкого пояса, других деталей одежды нет (рис. 34, *6*).

---

[10] Определения видов проведены зоологом Томского университета С. С. Москвитиным.

5. Литая плоская подвеска с изображением человека. Некоторые детали выгравированы. Часть подвески (ниже сложенных рук) обломана. Изображение похоже на первое, но не имеет жемчужного канта вокруг шеи. На щеках проведены две поперечные линии. Уголки губ опущены (рис. 34, *4*).

6. Круглая литая бляшка с изображением человека в той же позе, как в 1—3. Но в отличие от них, на лбу у человека изображен кружок. На щеках по две поперечные линии. Орнаментальных добавлений нет (рис. 34, *5*).

7. Литая подвеска с фигурой человека. К данной группе отнесена условно, так как сильно испорчена огнем и рассмотреть можно только нижнюю часть фигуры: поставленные пятками вместе ноги, подол одежды, по которому проходит жемчужная кайма, нижние контуры рук и пояс (рис. 34, *8*).

8. Типологически к этой же группе относится подвеска с изображением фигуры человека по пояс. Лицо овальное, плоское, глаза круглые, нос прямой, длинный рот, поперечные полосы на щеках, волосы распущены до плеч. Другие детали различить невозможно из-за сильной коррозии металла (рис. 34, *19*).

По единству стиля, манере исполнения, композиции, несмотря на отличия в деталях, эти 8 изображений составляют одну группу. Для всех характерна статичность поз, сходное положение рук, кроме 4, и постановка ног, распущенные до плеч волосы, подчеркивание (даже утрирование — 2) пояса там, где он был.

По-видимому, к этой же группе можно отнести групповое изображение из Васюганского клада (Могильников, 1964) и изображение на камне воина из Малгета. Некоторое сходство рёлкинские фигурки имеют с изображениями из Прииртышья: на бляхе из Мурлинского городища (Чагаева, 1970, рис. 99) человек стоит в той же позе, что и рёлкинские, но отсутствуют какие-либо декоративные детали и нет характерной прически. На подвесках из сборов крестьянина Усова в Омской области фигуркам также свойственна статичность, верхняя часть изображений совпадает с рёлкинскими, но совершенно иная постановка ног — здесь они даны носками друг к другу[11].

Четыре следующие фигурки из Рёлки очень индивидуальны и включить их в описанную группу или объединить между собой нельзя.

9. Фигура человека с непропорционально большой головой.

---

[11] Фонды первобытного сектора Эрмитажа, колл. 1087 (36, 40, 41).

Лицо сильно пострадало от огня. Сохранились овальные глаза, нос, переданный рельефно. На щеках по две полосы. На руках и ногах есть поперечные полосы: на руках — у запястья по две полосы, на правой руке, кроме того, две полосы на сгибе локтя (подобно 1); на ногах — по одной полосе под коленями и у правой щиколотки. Голова выполнена объемной техникой, остальная часть фигуры — плоским массивным литьем с характерной для раннего железа небрежностью отливки и отделки (рис. 34, *11*). Фигурка отличается от описанной группы отсутствием прически, позой (руки опущены вдоль тела, естественная постановка ног), общей конфигурацией и техникой литья.

10. Фигурка человека, выполненная техникой объемного литья. Голова большая, непропорциональная туловищу. Глаза большие, нос приплюснут, губы сжаты. Волосы, видимо, заплетены в косы. Нижняя часть туловища обломана. Сохранились частично руки и грудь, на которой нанесен овал с долевой полосой — «линия жизни» или «вместилище души»[12] (рис. 34, *7*).

11. Подвеска в виде примитивного изображения человека. Сохранилась большая голова, часть туловища и правая рука. Деталей лица нет, по внешнему контуру рук дан треугольный орнамент, на груди небольшой бугорок (рис. 34, *18*).

12. Плоская фигура человека в «танцующей» фертообразной позе. Ноги расставлены и согнуты в коленях, трехпалые руки упираются в бедра. Лицо ненатуральное, по-видимому, маска — глаза, данные большими долевыми овалами, и огромный зубастый рот. Пояс с декоративными деталями и подвесками (рис. 34, *9*).

Рёлкинский «танцующий» человек почти полностью повторяет позу четырех объемных серебряных фигурок из Мартыновского клада (VI в.) на Киевщине (Рыбаков, 1948, с. 82), но детали костюма и личина отличаются. В сходной позе отлита фигурка из Кушнаренковского могильника (V—VII вв.) из Башкирии (Генинг, 1972), но у нее, как и на мартыновских, дано лицо человека, а не маска.

Личины человека

13. Три бронзовые скульптурные головки. Внутри полые, без затылочной части. Узкое лицо, тонкий прямой нос, откры-

[12] Трактовка этой детали была обнаружена у хантов В. Н. Чернецовым (1959) и В. М. Кулемзиным (устное сообщение).

тые глаза, тонкие, плотно сжатые губы, волевой подбородок создают впечатление портретности изображения. Выражение лица строгое, почти суровое. На голове рубчатый убор, на длинной шее выгравирована «линия жизни» (рис. 34, *14*, *15*). Два изображения, вылитые в той же форме, сохранились плохо — покоробились и оплавились в результате действия сильного огня. Находка таких реалистических скульптур головы человека — пока единственная для Сибири, если не считать каменную головку с р. Туй, относящуюся к эпохе бронзы (Мошинская, 1952).

14. Плоская голова-личина. Брови дугообразные, глаза, рот овальные, переданы углубленными линиями, а длинный прямой нос — рельефным выступом. На щеках прочерчено по две линии. На длинной шее изображена «линия жизни» (рис. 34, *17*).

Такая же головка-личина найдена в Тимирязевском могильнике (раскопки Л. М. Плетневой). Судя по сюжетно-смысловым особенностям, в одну группу с рёлкинскими головками следует объединить головы-личины из Ишимского, Елыкаевского кладов и из Лисьего мыса (Окладников, 1948; Могильников, 1968; Чиндина, 1971).

15. Подвеска с овальной личиной. Нос прямой, глаза круглые, над небольшим овальным ртом — усы. На лбу изображен вытянутый треугольник. В нижней части подвески проходит жемчужный кант (рис. 34, *16*).

16. Подвеска с овальной личиной, заключенной в жемчужный кант. Глаза большие, круглые, нос прямой, длинный. Рот не обозначен (рис. 34, *10*).

17. Подвеска с процарапанным лицом. Глаза круглые, рот овальный, нос передан вертикальной линией (рис. 34, *13*).

18. Подвеска с примитивным изображением лица человека. Глаза и рот представляют небольшие бугорки (рис. 34, *20*).

19. Овальная личина с рельефным длинным носом и овальными глазами. Рот передан углублением. Личина специально вырублена из зоо-, антропоморфного изображения. От птицы сохранился только хвост с жемчужным кантом и частично когти около лица (рис. 34, *21*).

Несмотря на большие различия в технике и степени тщательности изготовления, деталировке и декора, все изображения этой группы объединяет монолитность замысла (в данном случае важно было дать лицо), что могло определяться общностью смысловой функции.

Сложные изображения

20. Два плоских изображения ночных хищников семейства ушастых сов с раскрытыми крыльями с личинами на груди. Оперение одного дано чередованием полулунных выпуклостей и ямок, которые живо передают окраску птицы (рис. 35, *10*). Оперение другого исполнено жемчужными кантами, углублениями и рельефными линиями (рис. 35, *5*). Лица людей заключены между лапами. Служили подвесками.

Изображения птиц с личинами на груди появились в Западной Сибири давно, со времени усть-полуйской и кулайской культур. Этот мотив сохраняется на протяжении всего I тыс. н. э.

К этой группе можно отнести изображения крылатых медведей с личинами с р. Тара и из Васюганского клада (Могильников, 1964).

21. Подвеска с фигурой, по-видимому, медведя, стоящего на задних лапах (изображение сильно стерлось). Передние лапы раскинуты, на груди личина (рис. 35, *9*).

22. Плоская бронзовая подвеска в виде композиции медведя и лося. По спине и телу медведя нанесены стилизованные головы лося [13], на шее жемчужный кант. Тело лося, на котором стоит медведь, представляет полосу из жемчужного канта, голова передана реалистически (рис. 35, *4*).

Аналогичная подвеска с изображением медведя и лося есть в Тимирязевском могильнике (VII—VIII вв.) из раскопок М. Ф. Косарева и Р. А. Ураева. Тимирязевский медведь крупнее, и тело его передано ложчатыми гранями. Другие детали совершенно аналогичны (жемчужный кант вокруг шеи, «глазки» на лапах и ушах, манера изображения лося). В эту же группу можно отнести подвеску, найденную на Обь-Енисейском канале. Правда, здесь изображен волк, а головы лосей «окружают» его.

23. Полая пронизка круглой формы. На одной стороне изображена сова лапландская, с характерным оперением вокруг лицевой части, переданным жемчужным кантом. С другой стороны — медведь с опущенной головой. По спине его также проходит жемчужный кант (рис. 35, *17*).

24. Полая пронизка с изображением композиции орла с медведем. Орел и медведь вцепились когтями друг в друга.

---

[13] На этой подвеске А. А. Каприелов увидел свастику (Каприелов, 1974). Однако это заблуждение — даже намека на подобный знак на фигуре медведя нет.

Орел крупнее медведя. Оперение передано жемчужным кантом и точечным орнаментом. На фигуре медведя вообще отсутствует какой-либо орнамент (рис. 35, *21*).

25. Две полых пронизки разных размеров с изображением орла, клюющего (?) голову лося. Детали переданы углубленными линиями, жемчужным и ямочным кантом (рис. 35, *16, 19*).

Аналогичные пронизки найдены в с. Плес и Важ-Пальник, датированные А. А. Спицыным (1906) VIII—IX вв. Позднее дата полых фигурок оспаривалась рядом исследователей. А. В. Шмидт (1927) отнес их к VI—VIII вв., В. А. Городцов (1937) считал, что полое литье следует отнести к еще более раннему времени. По его мнению, с VI в. начинается все большее и большее падение «чудского» искусства. А. П. Смирнов (1952) некоторые памятники, считающиеся ломоватовскими (с. Плес, Важ-Пальник и др.), отнес к последнему этапу пьяноборской культуры, т. е. IV—V вв. В. Ф. Геннинг (1959) полые фигурки датирует раннеломоватовским — харинским временем — III—V вв.

26. Обломок от бронзовой поделки, изображающий соболя, стоящего на голове лося. Голова соболя повернута в фас. Особенности натуры переданы очень точно: крупные с закругленной вершиной уши, длинный хвост, широкие (за счет длинного пушистого ворса) ступни. Ухо лося и хвост соболя орнаментированы жемчужником (рис. 35, *18*). Выполнена в технике объемного литья, но по сюжетным признакам входит в одну группу с полыми, типа орла с лосем (25).

27. Плоская подвеска с изобржением сложной композиции. В центре подвески — головы существ, подобных «ящерам» из Подчеремского клада (Городцов, 1937, табл. 1) или д. Левиной из Прикамья (Чарнолусский, 1962). Зубастая пасть, похожая на щучью, большой рыбий глаз. По бокам подвески извиваются змеи, вверху, у петли, личина еще одного существа, выдры или медведя, определить трудно (рис. 35, *3*; 23, 7).

28. Уникальной находкой для Западной Сибири является плоская подвеска трех человеко-птице-лосей. К сожалению, верхняя часть сильно стерлась и детали голов разобрать можно лишь частично. По сюжету и манере исполнения она относится к Прикамским сулде. На подвеске хорошо заметны три человеческие фигуры, стоящие в профиль. Две крайние тонкие, длинноногие, подобные Прикамским малым сулде. Средняя толще первых, и ноги у нее значительно короче, большой живот нависает на ноги (беременная женщина?),

лицо с клювообразным носом, руки-крылья. Головы всех трех фигур, судя по сохранившимся остаткам, похожи на лосиные (рис. 34, *12*). Эта подвеска очень сходна с бляшками, найденными в Прикамье у д. Пешковой и с р. Ухты. Прикамские сулде датируются С. С. Спицыным (1906, рис. 115, 122) VI—XI вв. н. э., И. А. Талицкой (1952, с. 152) — VI—IX вв. н. э.

Простые зооморфные изображения

29. Кольцеобразная подвеска, на внешней стороне которой присоединено изображение голенастой птицы (журавль, цапля). Оперение крыльев передано углубленными линиями (рис. 35, *22*).

30. Плоская бляшка с петлей на оборотной стороне. На лицевой стороне имитирован гребень. В верхней части бляшки изображены два грифона в геральдических позах. Головы повернуты назад (рис. 35, *23*). Такая манера изображения птиц появилась в скифское время. В Западной Сибири известны в ажурном, объемном и полом литье (Самусь I, Басандайка) и считаются южным элементом. В I тыс. н. э. геральдические изображения охватывают весь Ближний и Средний Восток.

31. Полые фигурки гусей (4 штуки). Клюв открыт, контуры сложенных крыльев и хвоста переданы достаточно точно углубленными линиями, а перья — круглыми или полукруглыми ямками. На спинах проделаны отверстия для шнура (рис. 35, *12—14*).

32. Полое изображение глухаря, детали (крылья, хвост, оперение) переданы жемчужными кантами (рис. 35, *15*). Подобные полые фигурки были широко распространены на территории Западной Сибири, Урала и Приуралья в I тыс. н. э. (Чернецов, 1957, с. 181—182).

33. Плоская подвеска с изображением коня. Фигурка реалистична, четко даны все детали натуры. В верхней части гривы проходит жемчужный кант, подобный которому находится и под копытами, только жемчужины крупнее. Часть пластинки обломана (между головой и передним копытом), поэтому трудно сказать, чем она заканчивалась (рис. 35, *8*). Эту фигурку можно сравнить с серебряным изображением всадницы из д. Загарье Танкеевского и Дубовского могильников Прикамья и Поволжья (Спицын, 1906; Халикова, Халиков и др., 1967). Время их существования IX—XI вв. н. э. В отличие от

названных рёлкинский конь динамичнее, животное в движении, как будто чем-то встревожено.

34. Плоская подвеска с изображением свернувшейся ящерицы. Чешуя и уши выгравированы. Ушко для подвешивания обломано (рис. 35, *6*).

35. Круглая бронзовая накладка. По краю проведены канты из жемчужных и рельефных линий. В центре голова животного, возможно рыси. Изображение реалистично передает некоторые детали натуры — пригнутые внутрь уши, большие глаза и широкие ноздри (рис. 35, *20*). Выполнена объемной техникой.

36. Бронзовая подвеска с изображением медведя, стоящего на полосе. Тело без каких-либо орнаментальных добавлений, изготовлено техникой плоского литья, голова, повернутая в фас, — техникой объемного литья. Она выливалась отдельно и была приплавлена к телу позднее. Хорошо заметны литейные швы и стыки (рис. 35, *2*).

37. Бронзовая накладка с изображением голов трех медведей, положенных на лапы (10,5 × 5 см). По краям накладки даны рельефные линии и жемчужные канты. Морды медведей переданы в реалистической манере и только в ушах по три мелкие жемчужины, а на лицах по три поперечных линии. На обратной стороне сделаны четыре петли (рис. 35, *1*).

38. Бронзовая накладка, подобная предыдущей, но меньших размеров (7,5 × 4 см). При общем сходстве с первой накладкой есть некоторые различия в деталях. На этой накладке над теменем каждого медведя между ушами нанесены поперечные рельефные линии, в ушах проделаны по две лунки. На лапах, видимо, не было никаких добавлений. Накладка сильно пострадала от огня, и не все детали различимы (рис. 35, *24*).

Аналогии вышеописанным накладкам находятся в могильнике у Архиерейской заимки (ОАК, 1898) и Красного Яра (Троицкая, 1963).

39. Особое место занимает круглая ажурная бляха с орлами. В центре изображен крест, концы которого завершаются круглыми выпуклинами, оконтуренными жгутом. В центре такая же выпуклина. Крест заключен в круг с меандровым и зернистым орнаментом. По кругу с четырех сторон изображены в реалистической манере фигуры орлов со склоненными головами (рис. 35, *7*). Эта бляха относится к числу сложных образов, но второй образ неживое существо — крест симво-

лизировал солнце.

Из 14 курганов изображения есть в девяти — 1, 2, 4, 5, 6, 7, 9, 10, 27 (табл. 2).

Металлическая пластика Среднего Приобья входит в общий круг господствовавшего в I тыс. на Европейском Севере, Урале и Западной Сибири искусства «звериного стиля». Рёлкинские мастера, отлично владевшие общими художественными и идеологическими закономерностями своего времени, умели выразить на высоком художественном уровне специфику своего региона.

Таблица 2

Расположение изображений в комплексах

Объект		Антропоморфные			Сложные	Зооморф. простые	Неизвестно	Итого
		фигура	голова	личина				
Могилы	Положение	3			6	7	1	17
	Сожжение	5	3	1	3	2	1	15
Скопление		2		1	1			4
Скопление-кострище		1		1				2
Насыпь		1	1	2	3	5		12
Итого		12	4	5	13	14	2	50

Основным направлением в литье был реализм. Особенно он характерен для зооморфных изображений, среди которых преобладали животные местной фауны: медведь, лось, соболь, заяц, орел, гусь, сова, журавль, глухарь, змея, ящерица. Ваятель очень точно передавал индивидуальные черты каждого образа.

Наряду с реализмом существовал и условный стиль. Стилизация допускалась в создании собирательных образов («ящер», крылатый медведь) и в передаче отдельных деталей (схематизм частей тела, нереальный декор).

В отличие от пермского звериного стиля рёлкинские изображения более реалистичны и динамичны. Даже в собира-

тельных фантастичных образах наблюдается стремление к реальному выражению элементов. Например, в изображении птиц с личинами на груди соотношение размаха крыльев, длины хвоста и головы дают возможность отнести эти образы не к филину, а к ушастым совам. При всей условности декоративных деталей (линии тела, крыльев, оперения и т. д.) они все-таки подчеркивают особенности натуры.

От северо-востока Западной Сибири среднеобская пластика отличается высоким процентом разнообразных антропоморфных изображений, большим количеством видов животных и значительным распространением образа лося. Последний признак сближает местное художественное литье с пермским.

ГЛАВА III

ТИПОЛОГИЯ РЁЛКИНСКОЙ КЕРАМИКИ

Керамическая коллекция, собранная в могильнике, обширна. Всего насчитывается 286 экземпляров лепных сосудов разнообразных размеров (от 6 до 400 см³). Целых сосудов 86, для 104 форму можно восстановить почти полностью, 80 фрагментов отнесены к той или иной форме условно, так как сохранился либо только венчик, либо незначительная часть от тулова. В 16 случаях фрагменты так невелики и невыразительны, что отнести даже условно их в какую-то группу было трудно. Основная масса керамики собрана в насыпи, в 58 могилах найдено 40 экземпляров, из них 8 во фрагментах.

Рёлкинская керамика отличалась технологическими и морфологическими свойствами.

Изучение технологии изготовления посуды имеет большое значение при анализе керамики любого археологического памятника. Она свидетельствует не только об уровне керамического производства, но и отражает специфику отдельных локальных районов и культур.

Определение способов изготовления рёлкинской глиняной посуды проводилось визуально без специальных технологических исследований, поэтому техническая характеристика керамики является неполной и в какой-то степени условной. Определение велось по четырем признакам: составу смесей, формовке сосуда, технике обработки поверхности сосуда, обжигу сосуда. Таким образом исследовано 227 сосудов (табл. 3).

Рёлкинская посуда изготовлялась из отощенных грубоструктурных масс. Отличия заключались в применяемых примесях — это крупно-, мелкозернистый и слюдистый песок, дресва. Применение инородных отощителей имело большое значение в технологии керамики: они придавали массе высокие формовочные качества, что очень важно при ручной

Таблица 3

Соотношение типов и технологических особенностей в рёлкинской керамике

Тип		Ангоб	Примеси					Цвет			Толщина стенок			Итого
			Песок		шамот	песок, шамот, дресва	дресва, слюда	серый	черный	желтый, красный	тонкие	толстые	средние	
			мелкозернист.	крупнозернист.										
I		25	80	11	4	35	6	82	33	12	14	8	101	123
		20,33	65,04	8,95	3,25	28,46	4,88	66,67	26,83	9,76	11,38	6,50	82,11	
II		20	27	7		4	1	14	28		4	37	41	
		48,72	65,85	17,07		9,76	2,44	34,15	68,29		9,76		90,24	
III		5	21	2		5	1	20	6	3	3	6	20	29
		17,24	72,41	6,90		17,24	3,45	68,27	20,69	10,34	10,34	20,69	69,97	
IV	а		9	3		4	1	14	2		3	1	13	17
			52,94	17,65		23,53	5,88	82,35	11,76		17,65	5,88	76,47	
	б	7	10	1		6		4	11	1	1	1	15	17
		41,18	58,82	5,88		35,30		23,53	64,71	5,88	5,88	5,88	88,24	
Итого...														227

лепке, прочность и огнеупорность. Чаще всего примесью служил мелкозернистый песок (64,7%). Применялись отощители более сложного состава: наряду с песком в массу добавляли шамот и дресву. Песчано-шамотовые примеси составляли 8,8%, песчано-дресвовые — 14,4%. Глиняная масса только с дресвой или шамотом использовалась редко (3,4; 1,7%).

В качестве связующей массы служила различной дисперности глина. В подавляющем большинстве это были тонкие пластичные глины, придававшие массе плотность.

Способ формовки сосудов точно не известен. Вероятно, маленькие сосуды формовали из однородного куска массы. Более крупные лепили из отдельных пластин или ленточным способом. Можно предположить, что некоторые сосуды изготовлялись от начала до конца не сразу. Шейка, венчик формовались отдельно и затем прилеплялись к тулову, о чем свидетельствуют косые изломы по венчику.

По толщине стенок сосуды можно разделить на тонкостенные (11%), толстостенные (8%) и средние (примерно 5 мм). Последние занимают большинство (81%). Следует отметить, что у некоторых групп сосудов стенки абсолютно равномерной толщины в горизонтальной плоскости, изгибы сосудов симметричны. Таких особенностей можно было достичь только с применением приспособления, дающего возможность выполнения строго ритмичных операций при обработке. Ими могли быть подвижные или неподвижные подставки-столики, которые вращались во время работы или вокруг которых двигался гончар (Флореску, 1962).

При обработке поверхности применялся ангоб. Насколько можно было определить визуально, с обмазкой было 25% посуды. Толщина ангоба 1 — 1,5 мм. Плотная масса для обмазки изготовлялась из пластичных светложгущихся глин и мелкозернистых отощителей. Основа сосуда под ангобом всегда черного цвета.

Назначение ангоба диктовалось необходимостью сделать сосуд менее влагопоглощающим и придать ему более гладкую поверхность, тем самым создать более удобную основу для декоративной обработки.

Цвет керамических изделий определялся химическим составом глин, примесей и режимом обжига. В связи с этим без технологических анализов относительно обжига сказать можно немногое. По цвету рёлкинские сосуды делились на сероглиняные (59%), черноглиняные (34%), желтоглиняные

(6,6%). В одном случае найдены красноглиняные фрагменты сосуда. Однако нередки случаи, когда один и тот же сосуд был разноцветным.

Технологические особенности рёлкинской керамики были тесно связаны с особенностями форм и орнаментации. О конкретной специфике будет сказано при анализе типов рёлкинской керамики.

К морфологическим признакам керамики следует отнести форму и орнаментацию сосудов. Керамика могильника лепная, что сразу предполагает большую индивидуальность. Тем не менее удается выделить определенные группы форм и орнаментов (табл. 4).

Форма. Все сосуды делятся на горшки, чаши и ковши (ладьи). Однако каждая из названных групп имеет ряд вариантов.

Формы керамики определяются соотношением широтных и высотных показателей сосудов (Генинг, 1973). При классификации были взяты следующие: высотный указатель, определяющий общую пропорцию, высотно-горловинный или высота шейки, широтно-горловинный (ширина шейки), указатель профилировки шейки (степень изгиба шейки), высотный указатель тулова (высота тулова), высотный указатель плечика (конфигурация сосуда: мягкая резкая профилировка, симметричная, асимметричная), указатель ширины донной части (остродонные, круглодонные).

К данным В. Ф. Генингом параметрам необходимо добавить соотношения среднего или малого диаметров и высоты придонной части. Этот указатель определяет строение нижней части тулова — округлое вытянутое (яйцевидное), приплюснутое. Кроме того, при классификации учитывалось строение венчика. Руководствуясь данными названных указателей в рёлкинской керамике, удается выделить несколько форм сосудов.

Горшки — самая многочисленная группа (228 случаев, 84,4%). Среди них выделяется 7 вариантов.

1. Высокие горшки с низкой и средней прямой или слабо профилированной шейкой, широкогорлые с округлым или вытянутым туловом, с выпуклым средним или высоким плечиком и круглым дном. Край венчика закруглен, уплощен, срезан внутрь, изредка наружу. Орнамент нанесен на шейке, плечиках, иногда до половины тулова. Техника выделки небрежная, допускалась асимметрия в форме, поверхность иногда бугристая.

Таблица 4

Соотношение форм и орнаментов керамики могильника Рёлки

Форма			Орнамент								Итого	%
			ямочный, жемчужный и др.	жемчужно-гребенчатый	гребенчатый	гребенчато-ямочный	фигурная гребенка	фигурные штампы, гребенка	фигурные штампы	валиковый		
Горшки	1		16	31	6	21					74	27,4
	2		4	14	4	14					36	13,3
	3		3	11	4	6					24	89
	4		3	2	1	2	4	2	1		15	5,5
	5		4		1	2	5	3			15	5,5
	6						15	14	5		34	12,5
	7									30	30	11,5
Чаши	8						5	3			8	2,9
	9		2		2	3	4	2			13	4,8
	10		4		5	3					9	4,4
Ладьи	11		2			3	4				9	3,3
	Итого...		38	58	23	54	37	24	6	30	270	
	%		14,1	21,5	8,5	20,0	13,7	8,9	2,2	11,1		100

Высокие профилированные горшки (условное название варианта) занимали 27,4% (табл. 4, рис. 36, *3*, *4*).

2. Высокие и средние горшки с низкой, очень слабо профилированной шейкой, широкогорлые с округлым и вытянутым туловом, слабо профилированным средним или высоким плечиком, с круглым или приостренным дном. Край венчика закруглен, срезан внутрь или наружу. Орнамент нанесен на шейке, плечиках и верхней части тулова. Техника выделки небрежная. Высокие слабо профилированные горшки составляли 13,3% (табл. 4, рис. 36, *7*, *8*).

3. Высокие и средние горшки с низкой, средней и широкой шейкой, наклонной внутрь, с вытянутым туловом, со средним и высоким сильно выпуклым плечиком, с заостренным дном. Орнамент нанесен на шейке и плечиках. Выделка небрежная. Остроребериые горшки составляли 8,9% (табл. 4, рис. 36, *1*, *9*, *10*).

4. Низкие горшки со средней, широкогорлой, наклонной внутрь или прямой шейкой, с приплюснутым туловом, со средним или низким выпуклым плечиком, с округлым или слегка уплощенным дном. Орнамент нанесен на шейке, плечиках и верхней части тулова. Техника выделки тщательная (рис. 36, *12*, *13*, *15*).

Приземистые сосуды составляли 5,9% (табл. 4).

5. Средние горшки с низкой, резко профилированной наружу широкогорлой шейкой, со средним или высоким выпуклым плечиком, с округлым, иногда вытянутым туловом, круглым, заостренным, иногда уплощенным дном. Край венчика закруглен, часто сильно утолщен за счет сдвига глиняной массы или специального налепа по краю венчика. Техника выделки сосудов различная — от небрежной до тщательной. «Воротничковые» сосуды занимали 5,5% (табл. 4; рис. 36, *11*, *14*).

6. Высокие горшки с вертикальной шейкой, (от низкой до высокой), среднегорлые или широкогорлые, со средним или высоким выпуклым плечиком, округлым туловом, с круглым, иногда приостренным дном. Край венчика закруглен или уплощен. Орнамент нанесен на шейке и тулове. Техника выделки сосудов тщательная. Эти горшки занимают 12,5% (табл. 4, рис. 37, *1*, *2*, *6*).

7. Высокие с мягкой профилировкой горшки, широкогорлые, с низкой или средней, прямой или слегка профилированной шейкой, с вытянутым туловом, с заостренным дном. Край венчика сильно уплощен и снаружи часто утолщен за счет

налепного валика. Орнамент нанесен по шейке, плечикам и тулову. Техника выделки тщательная, внешняя фактура напоминает бронзовые или чугунные отливки. Условно эти сосуды названы «валиковыми» и составляют они 11,1% (табл. 4, рис. 38).

Чаш в рёлкинской керамике немного (33, 12,1%). Среди них выделяются три варианта [14].

8. Чаши низкие, слегка закрытые, круглодонные (2,9%). Край венчика закруглен или срезан внутрь. Орнаментирована верхняя, иногда до придонной, часть. Техника выделки тщательная (табл. 4, рис. 36, *19;* 37, *10, 11*).

9. Чаши высокие, зыкрыте с мягкой профилировкой, круглодонные (4,8%). Край венчика закруглен, скошен внутрь, или уплощен. Орнаментированы в верхней части (табл. 4, рис. 36, *16*; 37, *7, 8*).

10. Чаши высокие, сильно закрытые, с ребристым туловом, остродонные (4,4%). Край венчика закруглен, уплощен, скошен внутрь. Орнаментирована верхняя часть сосуда, обычно до ребра (табл. 4, рис. 36, *17*).

Третью группу рёлкинской керамики составляют ковши или «ладьи». Их всего 11 экземпляров, т. е. 3,3%. Выделение этой группы условное, так как функциональное назначение этих керамических изделий, вероятно, было иным, чем всей рёлкинской посуды, отсюда большая индивидуальность в каждом случае. Скорее всего это действительно модели лодок с хорошо выраженной «носовой» и «кормовой» частью. Поскольку ладьи имели орнамент, характерный для всей керамики, и в какой-то мере можно допустить их употребление как ковшей, то они были отнесены к сосудам (табл. 4, рис. 39).

Среди керамики могильника имелись и другие исключения.

1. Сосуд с маленьким поддоном, шейка прямая, низкая, плечико среднее, тулово округлое. Край венчика закруглен (рис. 37, *3*).

2. Круглодонная банка с отогнутым венчиком (рис. 11, *4*).

3. Кувшинообразный сосуд с высокой узкой шейкой, отогнутым венчиком, ребристым туловом и приостренным дном (рис. 13, *19*).

Орнамент. Основным ориентиром при орнаментировании было устье сосуда, поэтому большинство орнаментов носило бордюрное построение (полоса, кайма), состоящее из

[14] Для удобства корреляции нумерация вариантов взята сквозная.

повторяющихся фигур, вытянутых вдоль одной оси. Эти фигуры составлялись из отдельных элементов (знаки, отличающиеся техническими приемами и конфигурацией), построенных в мотивы (способ расположения элементов). Мотивы складывались в сложные композиции (узоры). Технические особенности элементов, определенные сочетания элементов, мотивов, особенности композиций создавали определенный стиль в орнаментации.

Среди рёлкинских орнаментов выделяются 9 элементов: гребенчатый, фигурно-штамповый, ямочный, жемчужный, резной, желобчатый, валиковый, насечка, стек (табл. 5). Однако гребенчатый и фигурно-штамповый орнаменты не были простыми (элементарными). В гребенчатом можно выделить мелкозубую, крупнозубую и среднюю между ними (рис. 36, *7*, *12*, *13*). Кроме того, существовала гребенка с усиленным концом (рис. 36, *14*), пильчатая или фигурная (рис. 37, *1*, *3*, *7*). Фигурно-штамповый орнамент состоял из отдельных фигурных штампов — уточек, глазчатых ромбов, глазчатых кружков, треугольников, елочек (рис. 35, *2*, *5*, *6*)

Самым многочисленным элементом в орнаменте рёлкинской посуды был простой гребенчатый — 49,2%. По частоте встречаемости за ним следует ямочный — 19,8%, жемчужный — 11,1%, пильчатая или фигурная гребенка — 6,8%, фигурные штампы — 2,4%, желобчатый — 3,2%, насечка — 3,4%, стек — 2,2%, валиковый — 1,4%, резной — 0,5%.

В рёлкинских орнаментах выделены 8 мотивов: вертикальный, горизонтальный, наклонный, елочка, зигзаг, арка, меандр, паркетный. Из табл. 5 видно, что основной способ расположения элементов — горизонтальный — 51,1%. Горизонтальное расположение характерно почти для всех элементов, кроме гребенки с усиленным концом и насечки. Вертикальный, елочный мотивы — для гребенчатых элементов, наклонный — для всякой гребенки и резных насечек. Желобки наносились только горизонтально. Для фигурно-штамповой орнаментации названные мотивы применимы частично (горизонтальный, арка, вертикальный), или не применимы совсем. Это объяснялось тем, что каждый фигурный штамп являлся каким-то законченным образом и здесь при расположении на сосуде большую роль играли композиции.

Выделенные мотивы до некоторой степени условны и явно не равнозначны по степени сложности. Например, горизонтальный, вертикальный, наклонный мотивы элементарны по своему составу, а меандр, арка, зигзаг уже сложные, могли

Таблица 5

Взаимовстречаемость элементов и мотивов в рёлкинской керамике

	Элемент	Мотив									
		вертикальный	горизонтальный	наклонный	елочка	зигзаг	арка	меандр	паркетный	Итого	%
Гребенка	Мелкозуб.	15	14	25	3	8	1			66	10,2
	Крупнозуб.	33	58	71	9	27	13			211	32,7
	С усилен. концом	7		29	2		3			41	6,3
	Пильчатая	10	9	9	3	6	4	2	1	44	6,8
Фигурный штамп	Уточка	1	3	1			2			7	1,1
	Ромб. кружок		3							3	0,5
	Елочка		3							3	0,5
	Треугольн.		2							2	0,3
Прочие	Ямки		128							128	19,8
	Жемчужник		72							72	11,1
	Резной		1			2				3	0,5
	Желобок		19			2				21	3,2
	Валик		6			3				9	1,4
	Насечка	8		12		1			1	22	3,4
	Стек		12	1		1				14	2,2
	Итого	74	330	148	17	45	28	2	2	646	
	%	11,5	51,1	22,9	2,6	6,9	4,5	0,3	0,3		100

состоять из этих трех мотивов одновременно. Однако каждый из этих мотивов представлял какую-то определенную самостоятельную фигуру в общем узоре и это дает основание членить их на отдельные части.

Композиции релкинского орнамента очень богаты и сложны. Простейшие узоры состояли из одного мотива одного элемента, но таких сосудов немного. Сложность определялась рядом признаков. Во-первых, количеством использованных элементов. Чем больше элементов, тем сложнее орнамент. Иногда на рёлкинских сосудах использовалось до 5 элементов. Во-вторых, характером мотивов и их количеством. Немало случаев, когда на одном сосуде присутствовало до 7 мотивов. Чем меньше количество разнообразных мотивов, тем монотоннее, однообразнее узор. В-третьих, местом, занимаемым тем или иным мотивом. Эти три признака определяли индивидуальность сосудов. В-четвертых, допустимостью сочетаний различных элементов и мотивов. Данный признак являлся в большей степени определяющим типологию орнаментов, чем другие.

Выявление определенной системы в орнаменте, взаимозависимости его составных частей является первой главной задачей при классификации орнаментов.

Корреляционный метод позволяет выделить несколько групп в рёлкинских орнаментах, которые характеризуются особыми сочетаниями элементов. По конструктивному решению можно объединить в три большие группы, которые делятся на ряд вариантов.

I группа. 1. Включает в себя всего 38 сосудов, орнамент которых разнообразен: ямочный, резной, насечка, жемчужник, стек. Эти элементы использовались самостоятельно без каких-либо других. Процент каждого из них крайне ничтожен, поэтому не было смысла для каждого давать группу. Условность же группы очевидна (14,1%) (табл. 4, рис. 3, *26*; 7, *19*; 11, *9*; 23, *11*). 2. Простой гребенчатый в сочетании с жемчужником. Разнообразие мотивов здесь не бралось во внимание (21,5%). 3. Простой гребенчатый в различных мотивах без других элементов (хотя мотивы для выделения группы не брались во внимание) (8,5%). 4. Простой гребенчатый в сочетании с ямками (20,0%).

II группа. 5. Фигурно-гребенчатый (пыльчатый) самостоятельно в сочетании с ямками и желобками (13,7%). 6. Фигурно-гребенчатый в сочетании с ямками, желобками, с фигурными штампами (8,9%). 7. Фигурные штампы соче-

таются между собой, с желобками, ямками (2,2%).

III группа. 8. Гребенчатые штампы с валиками или защипами в сочетании с гребенкой и ямками (11,1%).

Для того, чтобы выделить определенные типы керамики, необходимо сопоставить имеющиеся группы форм и орнаментов.

В результате сопоставления орнаментов и форм рёлкинской посуды выяснилось, что существовала прямая зависимость их. Для орнаментов I группы характерны горшки 1, 2, 3-го вариантов и чаши 3-го варианта. Для орнаментов II группы — горшки 6-го варианта и чаши 1-го варианта. Для орнаментов III группы — только горшки 7-го варианта. Кроме того, некоторым формам характерны почти все группы орнаментов: горшки 4-го варианта (низкие приземистые), или две группы (I и II) — горшки 5-го варианта, чаши 2-го варианта и ладьи.

Фактически налицо три совершенно независимых типа керамики в могильнике. Четвертый тип промежуточный (табл. 6).

Таблица 6

Типы рёлкинской керамики

Группа орнамента	I				IV				II		III
	Форма										
	1	2	3	10	9	4	6	11	5	8	7
I	**74**	36	24	12	6	8	7	5			
II					6	7	8	4	34	8	
III											30
Итого...	74	36	24	12	12	15	15	9	34	8	30
	146				51				42		30

I тип. Высокие горшки, слабо профилированные, профилированные и с ребристым туловом, круглодонные и остродонные. Чаши высокие с мягкой профилировкой, круглодонные и с ребристым туловом остродонные (рис. 36).

В орнаменте использовались элементы: простой гребенчатый, ямочный, жемчужный, резной, насечка, стек; мотивы: горизонтальный, вертикальный, наклонный, елочка, зигзаг, арка, фестоны, паркетный. Чаще всего орнамент нанесен на шейке и плечиках, реже — тулове. Иногда орнамент нанесен только на плечиках или только на шейке.

Композиции орнаментов самые разнообразные. Характерна зональность и сменяемость зон: горизонтальный мотив одного и того же элемента сменялся косым, вертикальным, зигзаговым. Иногда присутствовала повторяемость зон и многорядье. Зональность часто не соблюдалась при употреблении ямочного и жемчужного орнаментов. Они наносились поверх уже существовавших.

Для некоторых мотивов было характерно определенное место в узоре: наверху (ближе к устью), в центре или заключении узора (внизу). Зигзаговый и арочный мотивы никогда не завершали узора, но встречались в центре или заключали его. В эстетическом плане этот тип отличался, хотя и не всегда, небрежностью. Выделка поверхности неровная, в пропорциях отсутствовала тщательная симметрия, элементы и мотивы орнамента «наезжали» один на другой.

II тип. Высокие горшки с прямой высокой или средней шейкой, среднегорлые или узкогорлые, профилированные с круглым или приостренным дном. Чаши низкие, круглодонные (рис. 8, *17*; 10, *10*; 16, *11*, *12*; 37).

Орнаментированы шейка, плечики, тулово. В отличие от первого типа здесь большой процент орнаментации на тулове. В орнаменте использовались элементы: фигурно-гребенчатый (пильчатый) штамп, иногда простая гребенка или с усиленным концом, различные фигурные штампы, желобок, ямка, насечка; мотивы: горизонтальный, вертикальный, наклонный, елочка, зигзаг, арка, меандр, паркетный.

Композиции орнаментов разнообразны и сложны. Характерна многоэлементность и многомотивность. Кроме того, для горизонтального мотива характерна многорядность, а для элементов — чрезвычайная плотность. Распространена зональность, повторяемость и сменяемость зон.

Некоторые мотивы и элементы имели определенное место на сосуде и в узоре (табл. 7). Только на шейке наносились ямки, причем, как правило, по желобку, иногда группируясь по две, три. Желобки находились также только на шейке. По обрезу венчика наносилась насечка. Арочный мотив не встречался на плечиках, шейке, а только на тулове и всегда

заключал композицию. На керамике этого типа ярче, чем на других, проступает отличие орнаментации шейки от остальной части орнаментального поля.

В целом узоры плотные, ритмичные. Сосуды этого типа отличались изяществом форм и орнаментов. Все детали форм строго симметричны, стенки ровной толщины, аккуратной выделки. Орнаменты, несмотря на обилие элементов и моти-

Таблица 7

Расположение мотивов на сосуде

Мотив	Шейка	Плечики	Тулово	Итого	%
Вертикальный	53	37	12	82	12.4
Горизонтальный	131	96	43	270	40,9
Наклонный	93	92	8	193	29,2
Елочка	16	11	6	33	5,0
Зигзаг	19	4	16	39	5,9
Арка	6	6	26	38	5,8
Меандр	1	1	1	3	0,5
Паркетный		1	1	2	0,3
Итого...	299	248	113	660	
%	45,3	37,6	17,1		100

вов, характеризуются чувством меры и строгой нарядности. Достигалось это за счет различных художественных приемов: чрезвычайной аккуратности и тщательности в «выписывании» каждого элемента, чередования ярких разнообразных штампов со строгими элементами — гладкими желобками, однообразными многорядными зонами горизонтального мотива.

Для изготовления керамики данного типа использовались сильно отощенные глины. В качестве отощителей применяли мелкозернистый песок (65,04%), иногда крупнозернистый (17,07%), шамот и дресва добавлялись редко и то в сочетании с песком (9,7%). Связующей массой служили тонкодисперсные глины. Широко применялся ангоб из светложгущихся глин (48,7%).

III тип. Высокие горшки с мягкой профилировкой, вытянутым туловом и приостренным дном. Орнамент наносился на шейке, плечиках и тулове (рис. 38). Основные элементы

орнаментации: простая гребенка, валики (или защипы), желобки, ямки, насечки; мотивы: вертикальный, горизонтальный, наклонный, елочка, арка, фестоны. Совершенно новым явлением в данном типе были валики. Они хотя и встречались не на всей посуде данного типа, но были весьма показательным (диагностичным) признаком типа. Их наносили по краю венчика, на плечиках сосудов, они образовывали арки и фестоны. Гребенчатый штамп характеризовался четкостью и правильностью в отличие от гребенки I типа. Иногда он дополнялся вафельным или гусеничным штампами.

Композиции в орнаменте обычно крупногабаритные, что зрительно создавало ощущение пространственности. Характерна зональность и строгое распределение различных моти-

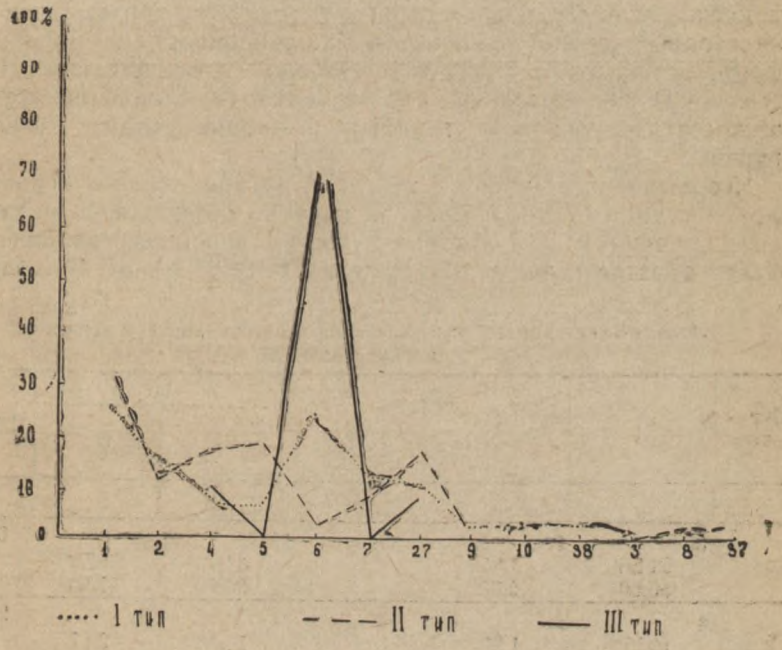


Схема 1. Распределение типов керамики в курганах

вов по определенным частям сосуда. Ямки наносились только на шейке, обычно под валиком или желобком, зигзаг и арка только на тулове. Заметно стремление рельефно выделить

край шейки сосуда и плечиков обычно за счет валиков или желобков, которые иногда подменяли валики, без ущерба для стиля. Шейка чаще орнаментировалась только в верхней части.

III тип представлен сосудами высокого качества выработки: хорошего обжига, высокой прочности. Поверхность сосудов шероховатая из-за грубоструктурных примесей (песка, дресвы). Зрительно напоминает бронзовые или чугунные отливки. Применялся ангоб из очень тонкодисперсных глин, что создавало иллюзию поливы.

IV тип. Низкие (приземистые) горшки, хорошо профилированные с широким горлом, раздутым туловом, круглым или уплощенным дном, горшки с «воротничковым» венчиком, круглым хорошо профилированным туловом. Этим формам присущи орнаменты двух первых типов. Этот тип выделен до некоторой степени условно, так как, несмотря на подобные формы, орнаменты I и II типов на них не смешиваются. Поэтому в IV типе выделено два варианта: А — характеризуется орнаментами первой группы; Б — орнаментами второй группы.

Керамика всех типов в курганах распределялась неравномерно (табл. 8; схема1). Такая картина объяснялась различными причинами, на которые в ходе дальнейшего изложения будет обращено внимание. Курганы 3, 8, 9, 10, 37, 38 содер-

Таблица 8

Статистические данные распределения типов рёлкинской керамики по курганам

Курган	I	II	III	IV		Итого
				А	Б	
1	2	3	4	5	6	7
1	30 21,58 50,00	12 27,27 20,00		12 34,29 20,00	6 27,27 10,00	60
2	14 10,07 50,00	5 11,37 17,86		4 11,43 14,28	5 22,73 17,86	28
4	10 7,19 45,45	6 13,64 27,27	3 10,00 13,64	2 5,71 9,09	1 4,55 4,55	22
5	9 6,47 37,50	7 15,91 22,17		4 11,43 16,67	4 18,18 16,67	24

жали незначительное количество керамики. При корреляции и историческом анализе статистические данные этих курганов из-за малой выборки не используются.

Продолжение табл. 8

1	2	3	4	5	6	7
6	35 25,18 53,85	1 2,24 1,54	24 80,00 36,92	5 14,29 7,69	2 9,09 3,08	65
7	14 10,07 70,00	3 6,82 15,00		2 5,71 10,00	1 4,55 5,00	20
27	16 11,51 48,48	6 13,64 18,18	2 6,67 6,06	6 17,14 18,18	3 13,64 9,09	33
9	3 2,16 75,00	1 2,24 25,00				4
10	3 2,16 100,00					3
38	3 2,16 100,00					3
8		1 2,24 100,00				1
3	2 1,44 50,00	1 2,24 25,00	1 3,93 25,00			4
37	2 1,44 50,00	1 2,24 25,00		1 3,93 25,00		4
Итого...	139	44	30	35	22	270

Примечание. Верхняя цифра — количество; средняя — % от общего числа керамики данного типа из всего могильника; нижняя цифра — % от общего числа керамики данного кургана.

ГЛАВА IV

ХРОНОЛОГИЯ

Анализ погребального обряда и инвентаря могильника приводит к выводу, что здесь был единый хронологический комплекс. Как в насыпи, так и в могилах встречаются одинаковые орудия труда, оружие, керамика, украшения.

Погребальный обряд, несмотря на внутреннее многообразие, един для всех курганов. Однако определение конкретных дат существования памятника не такое простое дело: как было видно из описания вещей, их временной диапазон чрезвычайно широкий.

Затруднения в датировке могильника определяются общей сложностью вопросов раннесредневековой хронологии. Метод отдельно выхваченных аналогий и датировок по отдельным вещам справедливо отвергается. В настоящее время исследователями проведена большая работа по выработке методики при решении проблем хронологии. Благодаря возможности использования письменных источников, наличию в ряде комплексов монетного материала, составляются эволюционные ряды хронологически наиболее показательных типов вещей — оружия, поясных наборов, снаряжения всадников, некоторых видов украшений, торевтики и др., проводится корреляция хронологических комплексов.

Систематизация, синхронизация, периодизация огромного раннесредневекового евразийского материала, проведенные в настоящее время А. К. Амброзом, В. Ф. Генингом, А. Н. Кирпичниковым, В. Б. Ковалевской, Б. И. Маршаком и другими исследователями, к сожалению, пока не привели к выработке единодушно признанной хронологической системы.

В создавшейся ситуации неизбежно приходится прибегать к поискам датированных аналогов, беря за исходную основу могильники с монетами близлежащих районов. Это не означает, что памятник, где они найдены, существовал в период

чеканки и хождения монеты, хотя и такой факт не исключается. Наличие монеты указывает, что конкретная могила возникла не ранее появления этой монеты, т. е. служит своеобразным ориентиром в определении нижней даты. Синхронизация объектов внутри памятника обычно обнаруживает «выпадение» отдельных предметов из общего комплекса. Эти вещи указывают на предшествующее или последующее комплексу время. Для выяснения этого ведется сравнение с известными датированными памятниками с одновременным уточнением их хронологии. При этом учитывается общеисторическая обстановка и конкретная специфика региона. Таким образом, создается относительная хронологическая система. Для Среднего Приобья изначальной основой в разработке схемы явились данные Новосибирских могильников, у Архиерейской заимки, у д. Могильники, широко привлекались материалы из Кудыргэ.

Материалами из могильника у Архиерейской заимки как эталонными исследователи пользуются давно. Однако устойчивой хронологии у него нет. Существуют три даты — VII в. (Дульзон, 1956, с. 120), XII—XIII вв. (Грязнов, 1956, с. 135), VIII в. (ОАК, 1898; ЗРАО, 1899; Амброз, 1971 а, с. 121), основой которых являются монеты основателя Танской династии Гао-Цзу, — 618—626 гг. При сопоставлении комплексов Архиерейской заимки с материалами VIII—IX вв. из Могильников (Плетнева Л. М., 1937, с. 101) выясняется, что в нем встречаются предметы аналогичных форм. Но в Архиерейской заимке есть более ранние вещи — геральдические поясные наборы, характерные, например, для кудыргинских могил (VII в.), но в последних еще нет поздних поясных наборов, появившихся на границе VII—VIII вв. Таким образом, Архиерейская заимка скорее всего появилась в VIII в. Относительно монет следует сказать следующее. С одной стороны, здесь типичный пример того, с какой осторожностью следует использовать этот источник при датировке памятника непосредственным временем чеканки. Китайские монеты династии Тан с легендой «кайюань тун бао» («ходячая монета начала династии») чеканились непрерывно почти 340 лет и были самыми долговечными в обращении (Воробьев, 1963, с. 123). Кроме того, на безмонетные территории Приобья они могли попасть с запозданием относительно времени отливки. С другой стороны, в распределении монетного материала в могильниках Приобья наблюдается интересная деталь — как правило, монеты находят в могильниках до IX в. В комплексах

сросткинского типа (Еловский могильник) они пока не известны. Возможно, это объяснялось изменениями в политической жизни Центральной Азии. Китайские изделия и монеты попадали в Приобье через древних кыргызов-хакасов, которые в VII в. устанавливают прямые дипломатические и торговые контакты с империей Тан (Лубо-Лесниченко, 1976, с. 15). С середины VIII в. монеты могли попасть от уйгуров, у которых танские монеты были в обращении (Кызласов, 1969, с. 85). Но с начала IX в. происходят активные боевые действия между кыргызами и уйгурами, закончившиеся в 840 г. победой хакасских войск. В период борьбы ослабли торговые связи и восточный импорт в Приобье на время резко сократился.

Как уже отмечалось при классификации инвентаря, большое число аналогий рёлкинские материалы находят в верхнеобских и алтайских памятниках. Именно на их основе в свое время была разработана хронологическая схема М. П. Грязновым (1956) и А. А. Гавриловой (1965).

Верхнеобские материалы раннего средневековья разделялись М. П. Грязновым на четыре этапа двух культур: одинцовский (II—IV вв.), переходный (V—VI вв.), фоминский (VI—VIII вв.) и сросткинский (VIII—X вв.). Уже в начале исследования возникли разногласия относительно датировки фоминского этапа, объединившего своеобразную керамику и хронологически маловыразительные вещи. В. Н. Чернецов (1957, с. 228—229) относил эти материалы ко II в. до н. э.— II в. н. э.

Позднее исследователи, неоднократно обращаясь к верхнеобским материалам, высказывали сомнения в правильности их датировки. Л. Р. Кызласовым было предложено объединить одинцовский и переходный этапы в пределах II—IV вв., так как материал этих памятников не различается хронологически и стратиграфически (Кызласов, 1960, с. 171). На раннюю границу переходного этапа, по его мнению, указывают такие предметы, как витая гривна и миниатюрная модель скифского котла.

В. А. Могильников (1964 а, с. 14) считает, что верхнеобская культура перестала существовать в VI в. под ударами завоеваний тюрок.

Т. Н. Троицкая (1963, с. 61) вначале придерживалась хронологии, данной М. П. Грязновым, и относила могильники Красный Яр, Юрт-Акбалык и Умна к фоминскому времени VII—VIII вв. Позднее часть этих же материалов и объектов

она отнесла к одинцовскому этапу, датировав могильники II—IV вв., возможно до V в. (Троицкая, 1973, с. 103). Фоминский этап она теперь считает предшествующим одинцовскому.

В связи с разработкой типологии среднеобской керамики эпохи железа мне также приходилось обращать внимание на необходимость уточнения хронологии верхнеобской культуры (Чиндина, 1970, с. 195). Не только керамика, но и вещи фоминских комплексов не синхронизируются с материалами VII—VIII вв. в Западной Сибири. Инвентарь фоминских могил маловыразителен и не дает вещей для установления точной хронологии. Единственным предметом, который М. П. Грязнов использует для датировки, была эполетообразная застежка пьяноборского типа. В Приуралье такие застежки употреблялись не позднее V в.

В качестве аналогии верхнеобской находке М. П. Грязнов (1956, с. 135) берет застежку из Архиерейской заимки более позднего типа, чем пьяноборские, и на этом основании фоминский этап датирует VII—VIII вв. Эполетообразные застежки — редкая находка в Западной Сибири. В первой половине I тыс. н. э. они чрезвычайно распространились в Прикамье и Приуралье и стали там своеобразным этнокультурным и хронологическим признаком. В Сибири они могли служить лишь показателем исторических связей. Как хронологический эталон их можно использовать только ориентировочно и обязательно в комплексе с другими признаками.

Керамика фоминских комплексов, как показывают последние исследования в Приобье, отличается от посуды из Архиерейской заимки и типологически близка керамике саровского типа (Чиндина, 1973). Последняя находится обычно в комплексе с вещами, аналогичными фоминским (гребни, специфической формы костяные наконечники стрел, железные ножи и топоры-тесла). Комплексы саровского (спарановского или потчевашского на Иртыше, усть-полуйского на нижней Оби) существовали значительно раньше указанного М. П. Грязновым времени. Об этом же свидетельствуют новые исследования фоминских комплексов в Новосибирском Приобье. К сожалению, точно хронологические границы всех этих материалов пока не установлены. Определенно можно говорить о том, что фоминский этап не заходил позднее V в.

Поздний инвентарь верхнеобской культуры сосредоточивался в могилах одинцовского и переходного времени. Действительно, если сравнить материалы Ближних Елбан и Архиерейской заимки, то аналогий находится много —

палаши с обоюдоострым концом, панцирные пластинки со сходной системой крепления, крупные ножи с горбатой спинкой, заточкой на одну сторону, в ножнах с обоймой и цепочкой из скрученных звеньев, бусы с подглазурной позолотой и местные типы украшений (выпуклые или полусферические, по М. П. Грязнову, нашивки). Эти вещи в Архиерейской заимке находились в могилах с монетами 618—626 гг. (могилы 4, 24, 26), а в Ближних Елбанах — в одинцовских и переходных комплексах. Однако приведенные аналогии не означают, что все эти памятники нужно полностью синхронизировать. Архиерейская заимка была, несомненно, позднее одинцовских и переходных могил. В ней нет ранних форм пряжек (В-образных, клювовидных), а в Ближних Елбанах еще не появились наборные пояса. Предложенная А. К. Амброзом (1971 а, с. 12) датировка одинцовского и переходного этапов V—VII вв. представляется верной и обоснованной. Уточнение хронологии некоторых алтайских памятников, близких верхнеобским (одинцовские и берельские могилы), также следует принять.

Некоторые вещи из Ближних Елбан, казалось бы, не укладываются в указанные рамки. В частности, подвески в виде миниатюрного бронзового котла на месте их производства (Минусинская котловина) существовали не позднее первой трети I тыс. н. э. (Киселев, 1953; Кызласов, 1960). Но в данном случае необходимо учитывать специфику предмета. Миниатюрные вещи, имевшие не практическое, а вотивное значение, можно использовать в качестве датирующих только с учетом всего комплекса. Обычай изготовления (и хранения) миниатюрных предметов в Южной и Западной Сибири (могильники Монгун-Тайга, Архиерейская заимка) продержался долго и определял чаще всего не хронологическую, а культурную специфику.

Могильники из Новосибирского Приобья (Красный Яр, Умна, Юрт-Акбалык) следует датировать не ранее конца VI—VIII вв. Такая датировка возможна не только из-за пересмотра хронологии верхнеобских памятников. Сами по себе новосибирские могильники дают такой материал, который не позволяет их удревнять.

В могильнике Красный Яр найдены китайские монеты начала VII в., а в могильнике Умна — хорезмийские VI—VII вв. и китайские конца VI в., эпохи Суй (Троицкая, 1963, с. 61). Помимо поясов с металлическими накладками местного типа в этих могильниках есть и наборные пояса с геомет-

рическими бляхами, которые распространились у кочевников от Сибири до Дуная. Приведенное Т. Н. Троицкой (1973) обоснование более ранней хронологии малоубедительно. Во-первых, потому что из комплексов выхвачены отдельные хронологически индифферентные предметы — круглые железные и бронзовые пряжки, существующие долго — без учета более поздних изделий. Во-вторых, ссылки делаются на крайне дискуссионные аналоги из материалов Приуралья и Башкирии [15].

Могильники из Новосибирского Приобья составляли культурное единство и, вероятно, с небольшой хронологической разницей, отчасти сосуществуя, относились к одному периоду. Однако ограниченность публикаций не дает возможности уточнить их хронологию больше, чем в рамках конца VI—первой половины VIII вв.

Могильник Рёлка входит в общий хронологический ряд перечисленных памятников. Каково его конкретное место — предстоит выяснить. Для этого необходимо выделить серии предметов, имеющих определяющее значение в датировке памятников. В могильнике Рёлке можно вычленить три серии: 1) оружие — палаши, сабля, железные наконечники стрел, панцири, шлем; 2) принадлежности конской сбруи — подпружная пряжка, удила с роговыми псалиями; 3) некоторые виды украшений — пряжки, нашивки, бусы, браслет.

Предметы названных серий отличаются большой изменчивостью во времени и пространстве. Кроме того, типология этих вещей разработана в настоящее время сравнительно хорошо. Основная трудность в исследовании этого вопроса заключается в отсутствии узких дат, с точностью до века, даже для названных серий. В могильнике Рёлка датирующие вещи имеют широкий хронологический диапазон (VI—IX вв.) или выделяются группы, существование которых не совмещается. Ранние виды пряжек, трехперые мелкие стрелы, закончившие свое существование к VII в., с одной стороны, и рамчатые пряжки, бронебойные стрелы, шлем, появившиеся в VIII в., — с другой.

Для выяснения конкретных рамок существования могильника рассмотрены отдельные погребальные комплексы. К сожалению, сохранность большинства могил плохая. Датирующие вещи названных серий есть не во многих погребениях.

---

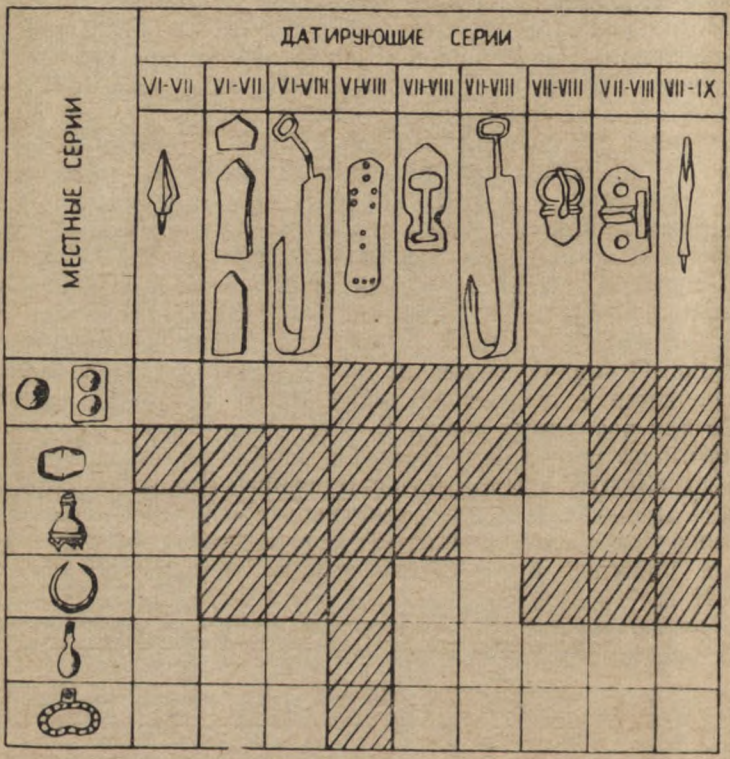
[15] Подробную библиографию вопроса см.: Генинг В. Ф., 1972, с. 224—225; Ковалевская В. Б., 1972; Амброз А. К., 1971, ч. I и II.

В связи с этим большое значение приобретают вещи, которые характерны для всего комплекса могильника Рёлки, — выпуклые нашивки, фигурные (сердцевидные), колокольчатые и каплевидные подвески, круглые серьги с несомкнутыми кольцами, бочонкообразные пронизки. С этой целью необходимо уточнить их датировку.

Как ранее было сказано, ряд этих вещей имеет сравнительно узкий ареал распространения — колокольчатые и сердцевидные подвески. Значительно шире встречаются выпуклые нашивки, каплевидные подвески, круглые литые серьги, бочонкообразные пронизки.

Таблица 9

Взаимовстречаемость датирующих и местных серий в могильнике Рёлке



Из таблицы взаимовстречаемости этих вещей с предметами датирующих серий в могильнике (табл. 9) видно, что их

хронологические рамки были широкими — VI—VIII вв. Из сопоставления рёлкинских материалов с другими памятниками выясняется следующее. Нашивки с выпуклинами и бочонкообразные пронизки встречаются во всех могильниках VI—VIII вв. верхней и средней Оби (Ближние Елбаны III, Красный Яр, Тимирязевский, Архиерейская заимка). В более позднем могильнике, Архиерейской заимке, уже нет фигурных и колокольчатых подвесок. Можно предположить, что они существовали до начала VIII в.

Круглые серьги (или «калачиком») не найдены в могильниках Тимирязевском и Красном Яре, здесь были цельнолитые. В других случаях они обнаружены в кудыргинских могилах VI—VII вв. (Гаврилова, 1965, с. 43). В Архиерейской заимке круглые серьги еще встречаются в комплексах VIII в. (могилы 20, 25), хотя они несколько отличались от рёлкинских — все кольцо было одинаковой толщины. В Рёлке эти серьги группируются в большинстве случаев (три из четырех) с ранними сериями. В пределах VI—VIII вв. существовали и каплевидные подвески. Таким образом, уточнить удается немногое: нашивки с выпуклинами различных видов, бочонкообразные пронизки бытовали в VI—VIII вв., сердцевидные, колокольчатые — в VI—VII вв.

Хронология погребальных комплексов

Время	Курган															
	1															
	Могила															
	1	2	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	Насыпь	3	4	
VI в.	+		+					+	+		+	+	+	+	+	
VII в.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
VIII в.	+	+	+			+	+	+	+	+	+	+	+		+	

Используя вещи датирующих серий и характерных для могильника Рёлки, удается датировать 28 погребений из 58 (табл. 10).

Курган 1. Могилы этого кургана датируются следующим образом: могила 1 — бронзовыми серьгами с несомкнутыми кольцами, каплевидной подвеской — VI—VIII вв.; могила 2 — В-образной псевдопряжкой — VII—VIII вв.; могила 4 — выпуклой нашивкой — VI—VIII вв.; могилу 5 можно датировать более точно. С одной стороны, здесь есть колокольчатые подвески, как мы установили, уже не известные в VIII в.; с другой — костяные подпружные пряжки, которые появляются не ранее VII в. Значит, могила могла возникнуть только в VII в. Могила 6 сооружена позднее могилы 5, но в ней есть щитковая пряжка, характерная для VII в. По всей вероятности, обе могилы возникли в VII в., но перерыв между ними был значительный, так как выброс из могилы 5 костей человека и лошади представлял беспорядочную смесь, что возможно было лишь при разрушении скелета; могила 7 — бронебойной стрелой, панцирными пластинками, всевдопряжкой и другими предметами — VII—VIII вв., скорее всего даже VIII в., так как находившиеся в погребении бубенчики появились только в VIII в.; могила 8 — сердце-

Таблица 10

могильника Рёлки

2	3	4	5	6	7	9	24

8	Насыпь	1	Насыпь	2	4	Насыпь	1	2	6	Насыпь	9	11	Насыпь	1	Насыпь	1	1	3	Насыпь
+	+	+	+		+		+	+	+	+	+	+	+		+		+		+
+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+
+	+	+		+	+		+		+	+				+		+		+	

видными и продолговатыми наконечниками ремней — VII—VIII вв., но колокольчатой подвеской только VII в.; могила 9 — нашивкой с однорядными выпуклинами — VI—VIII вв.;

могила 10 — каплевидной подвеской — VI—VIII вв.; могила 11 — нашивкой с выпуклинами — VI—VIII вв., но язычок от костяной подпружной пряжки позволяет сузить дату VII—VIII вв.; могила 12 — бочонкообразной пронизью VI—VIII вв. Об этой могиле можно сказать, что она старше могилы 10, которая перекрывает могилу 12; могила 13 — бочонкообразной пронизью — VI—VIII вв. Она моложе погребения 11, так как находилась над ним.

Курган 2. Могилы этого кургана датируются следующим образом: могила 3 — фигурной подвеской — VI—VII вв.; могила 4 — бочонкообразной пронизкой и панцирной пластинкой — VI—VIII вв.; могила 8 с трупосожжением датируется панцирными пластинками, колокольчатыми, каплевидными и фигурными подвесками — VI—VIII вв.

Курган 3. Могила датируется каплевидной подвеской и бочонкообразной пронизью — VI—VIII вв.

Курган 4. Могила 2 датируется рамчатой бронзовой пряжкой — VIII в., а могила 4 — бочонкообразной пронизью — VI—VIII вв.

Курган 5. Могила 1 датируется выпуклыми нашивками — VI—VIII вв., а могила 2 — колокольчатыми подвесками — VI—VII в.; могила 6 — наконечником копья.

Курган 6. Могила 9 датируется бочонкообразными бусами VI—VIII вв., а могила с трупосожжением — трехперыми железными наконечниками стрел с серповидной гривной — VI—VII вв.

Курган 7. Могила с трупосожжением датируется палашом, бронебойными стрелами, панцирными пластинками, В-образной псевдопряжкой, выпуклыми нашивками и т. д. — VII—VIII вв.

Курган 9. Могила 1 датируется бронзовой пряжкой и цельнолитым браслетом — VII—VIII вв.

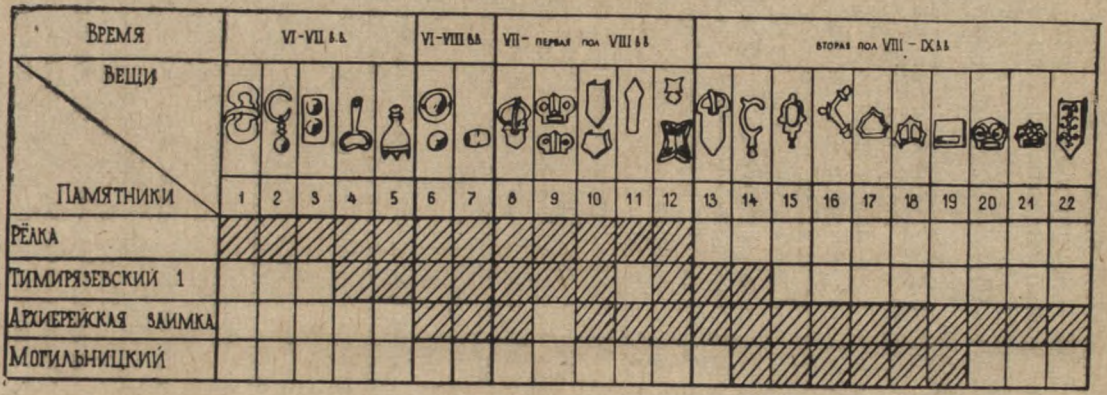
Курган 27. Могила 1 датируется круглой серьгой с несомкнутыми концами и рамчатой накладкой — VI—VII вв. и могила 3 — гранеными наконечниками стрелы и нашивкой с выпуклинами — VII—VIII вв.

Отдельные погребальные комплексы дают общую дату могильника в рамках VI—VIII вв. Могилы, в которых не найдено датирующих вещей, отнесены к этому же времени по аналогии керамики и погребального обряда.

Следующий этап в уточнении хронологии могильника — сопоставление его с памятниками Томского Приобья: Тими-

Таблица 11

Хронология могильников Среднего Приобья



рязевским[16], Архиерейской заимкой, Могильниками. Для сравнения взята только одна серия предметов — украшения, так как другие серии в Тимирязевском и Могильницком могильниках представлены либо чрезвычайно слабо (оружие), либо их нет совсем (снаряжение всадника). Сравнение дает достаточно четкую относительную и отчасти абсолютную хронологию могильников Томско-Чулымского района (табл. 11). Наиболее ранние формы встречаются только в Рёлке, более поздние — в Тимирязевском, замыкают шкалу поясные наборы Архиерейской заимки и Могильников.

В Рёлке нет тюркских наборных поясов с прорезными бляшками-оправами для подвесных ремешков, появившихся на рубеже VII—VIII вв., но уже хорошо известны геральдические наборы с гладкими щитками. Некоторые ранние местные формы украшений (выпуклые бляшки, бочонковидные пронизки) живут долго, но не позднее середины VIII в. Синхронизация Рёлки и Архиерейской заимки идет за счет местных форм и геральдических наборов. Однако эти элементы не могут оказать решающего значения в хронологии памятников, так как в Рёлке есть датирующие ранние предметы (наконечники стрел, В-образные пряжки), а в Архиерейской заимке их нет, в то же время в Рёлке нет наборов с обоймами.

Анализ всего материала показывает, что предельно сузить хронологические рамки могильника Рёлки пока невозможно. Нижней датой существования могильника, видимо, следует считать конец VI в. н. э. В этом веке заканчивают существование В-образные пряжки с хоботовидным язычком. В могильнике они найдены в насыпи, одиночно, без каких-либо других датирующих предметов. Эта деталь не дает возможности ограничивать нижнюю дату VII в. Тем более, что в могильнике имеется еще ряд предметов, которые бытовали в основном в VI в., а в VII в. н. э. встречаются редко и являются уже нехарактерными (серповидные гривны, мелкие трехперые наконечники стрел). Верхнюю дату — начало VIII в. — определяют шлем иранского типа и бронзовые рамчатые пряжки.

---

[16] Мною используются для сравнения только материалы 1961 г. М. Ф. Косарева и Р. А. Ураева, датированные В. А. Могильниковым VII в. Более поздние формы, имеющиеся в этих материалах, по мнению Л. М. Плетневой, относятся к соседнему более позднему могильнику, на котором, по-видимому, тоже велись исследования в 1961 г. (устное сообщение).

ГЛАВА V

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Могильник Рёлка состоял из курганов округлой и вытянутой форм. Высота насыпи курганов различная — от 0,5 до 1,2 м. Почти во всех курганах под насыпью было несколько погребений. Величина кургана не определялась количеством погребений в нем. В данном случае значительную роль играли естественногеографические особенности. Поверхность в районе пос. Молчаново отличается волнистым и расчлененным рельефом (Земцов, 1973, с. 89). Как показывает стратиграфия курганов, для погребений использовались эти естественные всхолмления, что хорошо заметно на разрезах курганов 1, 2, 3, 4, 5, 7, 10, 27.

Насыпь состояла из характерных для этих мест светло-серых оподзоленных тяжелосуглинистых и легкоглинистых почв. Погребенный горизонт, если он сохранился, проходил тонким (1—3 см) коричневым слоем.

Насыпи курганов возникали постепенно по мере новых захоронений. В пользу данной точки зрения имеются два свидетельства. В большинстве курганов под одной насыпью находилось несколько могил, сооруженных на различном уровне, часто одна над другой. На всей глубине насыпи обнаруживались отдельные предметы и скопления, кострища, кости животных. Отсутствие четких выкидов из ям объясняется тем, что могилы сооружались на небольшой глубине и не доходили до светлых слоев грунта, поэтому выкид сливался в единую массу с дерном.

На большинстве курганов зафиксированы следы поздних грабительских ям.

Насыпи некоторых курганов характеризуются рядом устойчивых признаков (табл. 12). Помимо погребений в них были кострища. Они различались размерами, структурой, составом инвентаря. Большинство составляли углистые кост-

рища (20 случаев). Золистых только 3. Кострищ с вещами было 9. Основное их содержание — керамика. В одном случае вместе с керамикой найден миниатюрный железный топор-тесло (курган 4), в другом — обломок обгоревшего костяного наконечника стрелы (курган 9), в двух кострищах с керамикой были антропоморфные изображения (курганы 10, 27). В двух других кострищах найдены кости рыб (курган 1, кострища *Е*, *Ж*) и обожженные кости животных (курганы 3 и 6).

Расположение кострищ в кургане не поддается систематизации, но все-таки в большинстве случаев они находились ближе к полам курганов. Мощность кострищ небольшая — 5—8 см, что свидетельствует в пользу однократного их использования. Каким-то образом связать их с могилами затруднительно, хотя иногда они расположены близко к некоторым могилам и лежат примерно в одной плоскости с ними (курган 1, кострища *А* и *Б* и могилы 1 и 2; курган 9, кострище *А* и могила 2; курган 10, кострище и могила 2).

Помимо кострищ с вещами в насыпи ряда курганов (1, 3, 4, 5) обнаружены скопления предметов, не связанных с погребениями и без следов огня. Состав их сравнительно стабилен, хотя не всегда количественно одинаков. Можно выделить 4 группы скоплений.

1. Обычная керамика с ладьевидным сосудом.

2. Керамика (сосуд обычно миниатюрных размеров), украшения.

3. Керамика, украшения, бытовые предметы (миниатюрные модели), иногда без украшений.

4. Керамика, украшения, бытовые предметы и зоо- или антропоморфные изображения, иногда только керамика и изображения.

Оригинальность состава скоплений очевидна. Содержимое кострищ также может быть подведено под данную классификацию. По-видимому, кострища и скопления были разновидностями какого-то одного обрядового действия. Как позднее увидим, типологически к ним подходят могилы с полным трупосожжением.

К особенностям курганных насыпей следует отнести находки в них черепов человека, не связанных с могилами. Всего встречено 10 случаев в 6 курганах (курганы 1, 3, 4, 6, 7, 27). Черепа найдены чаще всего в верхних слоях насыпи. Они лежали одиночно без сопровождения какими-либо пред-

Характеристика

Курган	Диаметр	Высота	Наличие в насыпи ям	Находки по всей глубине насыпи	Количество погребений	Грунтовые	Наземные	Полное сожжение
1	24×16	0,9	6	+	16	7	8	1
2	17	1,0	3	+	8	—	7	1
3	13×8	1,2	1	+	1	1	—	—
4	11	1,2	—	+	4	2	2	—
5	15×10	0,8	—	+	7	6	1	—
6	15	1,0		+	8	5	1	2
7	15	0,6	1	+	3	1	1	1
8	7,5	0,7	—	+	1	1	—	—
9	11×9,5	0,6	—	+	2	2	—	—
10	8×5,6	0,5	—	+	2	2	—	—
27	14,5	0.9	—	+	5	4	1	—
37	8×5,6	0,6	—	+	1	1	—	—
38	7×6,8	0,8	—	+	1	1	—	—

метами. И только в кургане 27 обнаружено скопление из трех черепов. В пяти курганах (1, 2, 6, 7, 27) в насыпи обнаружены черепа лошадей (14 случаев). Они также были одиночными, в редких случаях в скоплениях (курганы 6, 27). С лошадиными черепами иногда находились фрагменты керамики и отдельные предметы. В двух случаях (курганы 4, 6) в насыпи обнаружены скелеты собаки. Забегая вперед, необходимо отметить, что в трех могилах найдены птичьи кости.

В насыпях всех курганов на всей глубине находились отдельные кости животных, человека, керамика, предметы.

Основным способом погребений умерших в могильнике являлось трупоположение (54 случая). Все захоронения можно разделить на две группы: грунтовые и наземные (табл. 13, 14). Как уже указывалось, грунтовые погребения совершались в специально вырытых в земле могилах. Определение грунтовых могил не представляло особых затрудне-

курганов

Таблица 12

Частичное сожжение	Черепа человека вне могил	Кости лошади вне могил	Черепа лошади	Кости рыбы	Кости собаки	Кости птиц (в могилах)	Кострища без вещей	Кострища с вещами	Скопление вещей	Обожженные кости	Обожженные могилы
—	2	+	3	2	—	2	5	3	1	—	
—	—	+	3	—	—	—	1	—	—	—	
—	1	—	—	—	—	1	1	1	1	+	1
—	3	+	—	—	+	—		1	2	—	
1	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	
—	2	+	5	—	+	—	+	+	1	+	
—	1	+	2	—	—	—	1			—	1
—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	
—	—	+	—	—	—	—	1	2	—	—	
—	—	—		—	—	—	—	1	—	—	
—	1	+	1	—	—	—	4	1	—	—	1
—	—	+	—	—	—	—	1	—	—	—	
—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	

ний в том случае, когда маркирующим горизонтом являлась погребенная почва. При сооружении могилы она разрезалась, яма углублялась в светлые слои, иногда в материк, а могила заполнялась впоследствии мешаной землей. Грунтовые могилы неглубокие — 15—40 см. По форме они прямоугольные (курган 1, могилы 2, 4, 6, 11; курган 5, могилы 1, 3, 4, 7; курган 6, могилы 4, 7; курган 7, могила 2; курган 9, могила 1; курган 10, могилы 1, 2; курган 27, могилы 1, 3, 5 (рис. 4, 5, 7, 8, 16, 17, 19, 28, 31)) или овальные (курган 4, могила 4 и курган 5, могила 2 (рис. 13)).

Наземные погребения сооружались на современной им дневной поверхности без специально выкопанной могилы. Их хорошо выявить в могильнике на погребенной почве. Но в однородной массе насыпи определение грунтовых и наземных погребений затруднительно. При мелком захоронении, когда при рытье могил не достигали светлых слоев грунта, выкиды незаметны. В какой-то степени признаком выделения

Соотношение признаков погребального

Курган	Четкие контуры могилы	Берестяная подстилка	Сохранившийся костяк	Разбросанный костяк	Кости в кучке	Одиночное захоронение	Парное захоронение	Групповое захоронение	Пол, возраст			
									Мужской	Женский	Детский	Взрослый
1 (5)			+			+			+			
1 (6)	+	+	+			+			+			
1 (11)	+	+	+			+			+			
5 (4)	+			+		+						+
6 (7)	+		+			+			+			
3 (1)	+		+		+	+				+		
5 (1)	+		+			+				+		
9 (1)		+	+		+	+				+		
8 (1)					+	+				+		
27 (1)	+		+			+					+	
10 (1)	+		+				+				+	
4 (3)	+										+	+
5 (2)	+			+				+			+	+
1 (1)				+		+						+
1 (2)	+		+			+						+
1 (16)	+			+		+						+
1 (15)				+		+						+
5 (3)	+	+	+			+						+
5 (6)	+			+								+
5 (7)	+			+								+
9 (2)			+			+						+
10 (2)	+			+		+						+
27 (3)	+			+								+
27 (5)	+		+				+					+
4 (4)	+											+
6 (4)				+								
6 (5)						+						
6 (8)				+								
6 (9)	+			+								
7 (2)	+			+								
37 (1)	+			+								
1 (7)												
2 (8)												
6 (10)												
6 (11)												
7 (1)												

Примечание. В скобках указаны номера могил.

Таблица 13

обряда в грунтовых могилах

Положение костяка					Ориентация							
Вытянут на спине	Ноги согнуты	Положение черепа: Нет	Положение черепа: На месте	Положение черепа: Не на месте	В	Ю	ЮВ	ЮЗ	С конем	Без коня	Обожженные могилы	Полное сожжение
+				+		+			+			
+	+		+				+			+		
+			+				+		+			
		+										
+				+			+			+		
	+			+	+					+		
+			+				+			+	+	
	+			+		+				+		
				+						+		
			+				+			+		
			+			+				+		
									+	+		
		+		+					+			
		+							+			
+		+					+			+		
				+					+			
		+		+						+		
		+					+		+			
		+								+		
		+								+		
		+								+		
+			+				+			+		
										+		
+		+			+				+		+	
									+			
										+	+	
									+			
								+		+	+	
									+			
												+
												+
												+
												+
												+

наземных погребений может служить отсутствие могильных пятен. Но этого явно недостаточно. Поэтому количественная неточность того и другого вида погребений очевидна.

Умершего клали на берестяную подстилку. Это хорошо заметно по кургану 1, могилам 8, 9, 11; кургану 2, могиле 1; кургану 5, могиле 3; кургану 38, могиле 1 (рис. 8, 17, 32). В могиле 3, кургана 5, покойник был покрыт берестой сверху. Вероятно, существовали и другие могильные сооружения: над большинством могил четко прослеживается 20—40 см темной земли. Это, видимо, остатки от деревянной обкладки. Около некоторых погребений (курган 9, могила 1; курган 27, могила 3) удалось обнаружить следы от колышков, которые закрепляли плахи — круглые маленькие пятна (10 см). Сгруппированные попарно, они располагались по углам и в середине боковой части могилы (рис. 27). Косвенным доказательством деревянных рам-гробовищ в ряде могил может служить правильная прямоугольная форма могильных пятен. Если при сооружении могил использовались мягкие материалы (дёрн, шкуры и т. п.), то правильной формы могильное пятно уже не имело. Видимо, к этому случаю можно отнести овальные грунтовые могилы.

Скелеты, сохранившиеся полностью или истлевшие частично (в непотревоженных могилах), в могильнике встречены в 21 случае, т. е. около 40%. В этих могилах умершие были положены на спину с вытянутыми вдоль тела руками и вытянутыми ногами. В двух случаях (рис. 41) ноги были согнуты (курган 1, могила 6; курган 2, могила 1).

Описанные признаки обряда характерны и для грунтовых и для наземных погребений. Следует только отметить, что костяки наземных захоронений сохранились значительно хуже, чем грунтовых. Намного чаще встречается в наземных погребениях беспорядочное расположение вещей и костей, человека и лошади. И это естественно, так как сами способы устройства погребений диктовали различную степень их сохранности. Грунтовые погребения находились в земле и меньше подвергались внешним воздействиям. Относительно защитных сооружений у наземных захоронений сведений не сохранилось. Они могли быть либо малонадежными, либо их не было совсем. При такой перемешанности останков как в Рёлке последнее вполне вероятно. Тем более, что этнография дает массу примеров, когда местные сибирские народы оставляли усопшего вместе с необходимыми по обычаю атрибутами прямо на поверхности, не засыпая его землей.

Однако в грунтовых могилах также встречаются погребения с беспорядочным на первый взгляд расположением костей человека и лошади. Конечно, нельзя исключать элемент разграбления могил или потревоженности их при сооружении последующих захоронений. В ряде случаев все-таки удается проследить определенную систему в этой «беспорядочности». Обычно в таких могилах все кости или частично (рис. 4, *А*) лежат кучкой (курган 1, могила 1; курган 2, могила 1; курган 5, могилы 4, 5; курган 8, курган 9, могила 1). В грунтовых могилах костяки занимают значительную часть могилы или сами могильные ямы имеют малые размеры, не соответствующие захоронению взрослого (курган 9, могила 1). Фактически получается, что костяк приобрел искаженное положение до погребения его в землю. Существует мнение, что подобные захоронения — сидячие (Дульзон, 1947, с. 70—71; Пелих, 1972, с. 70—71).

При сидячем погребении в случае возникновения в могиле вакуума в связи с исчезновением мягких тканей верхняя часть скелета и, прежде всего, череп должны были обрушиться к ногам. Если вакуума не возникало, то верхняя часть, естественно, должна была быть выше нижней.

Расположение костяков в Рёлке не соответствует такой системе (курган 2, могила 1; курган 8; курган 9, могила 1). Здесь верхняя часть скелета располагалась в горизонтальной плоскости, на спине, в анатомическом порядке. Кости таза и ног лежали грудой в одной плоскости или чуть выше верхней части скелета. Если предположить, что умерший сразу был похоронен с подогнутыми ногами, то непонятно тогда расположение черепов в этих могилах. Они нигде не лежали на месте, а были или в области груди (курганы 8, 9) или среди костей ног (курган 2). Вероятнее всего, связать эти могилы с повторным захоронением умершего. Более полную картину такого обряда может дать только этнография, поскольку археолог может фиксировать только заключительную его часть.

В могильнике встречается еще ряд любопытных деталей в положении костяков. В некоторых могилах при наличии всего костяка отсутствуют черепа (курган 1, могила 1; курган 5, могила 3; курган 27, могила 5; в других могилах без черепов сохранность костей плохая в целом, поэтому оперировать можно лишь достоверными источниками). В могиле 3 кургана 2 наиболее очевидно, что умерший был захоронен без головы — размер могилы и костяка полностью совпадают, но

Соотношение признаков погребального обряда

Курган	Четкие контуры	Берестяная подстилка	Целый костяк	Разбросанный костяк	Кости в кучке	Одиночное захоронение	Парное захоронение	Пол,	
								Мужской	Женский
1 (4)	+					+		+	
1 (9)		+				+			+
1 (10)				+		+			+
7 (3)				+					+
2 (1)		+	+		+	+			+
5 (5)					+		+		+
6 (1)									+
27 (4)			+			+			+
4 (2)				+			+		+
1 (14)						+			
2 (2)				+		+			
2 (4)			+			+			
1 (3)			+			+			
1 (8)		+	+	+		+			
1 (12)				+					
1 (13)				+			+		
2 (3)						+			
2 (5)						+			
2 (7)				+					
4 (1)									
2 (6)						+			
38		+	+	+		+			

черепа нет и он явно не учитывался при сооружении могилы. То же самое наблюдается и в могиле 5 кургана 27.

Заканчивая характеристику положения костяков человека в могиле, следует отметить еще один момент: в некоторых

Таблица 14

в наземных погребениях

возраст		Положение костяка					Ориентация				
				Положение черепа							
Детский	Взрослый	Вытянут на спине	Ноги согнуты	Нет	На месте	Не на месте	СВ	В	ЮВ	С конем	Без коня
		+				+					
					+						
					+					+	
										+	
			+			+			+		
											+
											+
		+			+		+				+
+								+			+
+									+		+
+										+	
+					+		+				
	+	+		+					+		
	+	+							+		
	+								+	+	
	+	+		+							+
	+			+						+	
	+									+	
	+										
	+									+	
	+							+			+
		+									

могилах (курган 1, могила 9; курган 2, могила 2) среди костей жертвенного животного находилась лишь одна деталь человеческого скелета — череп.

Основная масса погребений в могильнике — одиночные. Встречаются парные и групповые. В могиле 13 кургана 1 было захоронение взрослых, в остальных взрослых и детей (табл. 1). Расположение костяков удается установить только в трех случаях — курган 1, могила 13; курган 10, могила 1 и курган 27, могила 5. Здесь костяки лежали рядом. В других могилах кости были перемешаны.

Ориентация погребенных установлена только в 23 могилах. Единой ориентировки нет, но преобладает головой на юго-восток (13 случаев) с отклонениями на восток (3 случая), юг (2 случая) и юго-запад (2 случая). Встречено и северное направление умершего: северо-западное — 1, северо-восточное — 2. Северное отклонение не определялось возрастными особенностями — северная направленность из трех случаев характерна как детскому, так и взрослым погребениям. Влияние половых различий установить труднее — из двух случаев известно, что одно погребение женское, а пол второго, взрослого, не установлен.

Сопровождение умерших предметами в могильнике было немногочисленным, но разнообразным. Не все могилы в одинаковой степени были снабжены инвентарем. В 4 погребениях его не было совсем (курган 2, могила 6; курган 6, могила 4, курган 8, могила 1; курган 10, могила 2). Причины такого явления разные. Они могли объясняться плохой сохранностью могил, что справедливо к могиле 6 кургана 2 или могиле 2 кургана 10. Но могли скрываться и в требованиях ритуала. Например, могила 4 кургана 6, могила 1 кургана 8 очень хорошей сохранности, однако в них нет ни одного предмета и ритуального животного.

Остальные погребения также не отличались обилием инвентаря в могилах. В ряде случаев сохранились фрагменты одежды; она изготовлялась из меха, кожи и шелковой ткани.

Некоторые сведения о покрое и деталях одежды дают антропоморфные изображения. Верхняя одежда на фигурках (1, 2, 7) напоминала форму халата, но разрез виден лишь от пояса до подола (рис. 34, *1, 2, 8*). На двух других одежда состояла из штанов и куртки. Штаны, заправленные в сапоги, были и на изображении всадника (рис. 35, *11*).

В ряде случаев подчеркиваются манжеты — две поперечные полосы (рис. 34, *1, 11*). На двух фигурках на левой руке есть еще по паре поперечных полос у локтевого сгиба. Интересно, что в могилах 6 и 11 кургана 1 под левым локтем обнаружены бронзовые нашивки с выпуклостями. Возможно,

это остатки от украшений рукава, так же как на изображениях. Украшением к одежде служили тонкие бронзовые накладки и нашивки гладкие или с выпуклостями. Незначительное количество их в каждой могиле, плохая сохранность погребений затрудняют определение места их на одежде. Но точно можно утверждать, что они украшали головные уборы (курган 5, могила 1) и пояса.

Распространенной деталью одежды был пояс, хотя его детали обнаружены далеко не во всех могилах. Судя по пряжкам, пояса были различных размеров и форм. Находились они в скоплениях вещей, мужских и женских могилах, в детских их не было. В могилах пояса не всегда располагались на положенном для них месте. Иногда детали поясных наборов обнаружены среди костей животных вместе с другими предметами (курган 1, могила 2) или в ногах умершего (курган 1, могила 8). Наблюдается такая закономерность — пояса со сравнительно богатым набором накладок, подвесок, псевдопряжек, наконечников найдены в могилах с сожжением, а в могилах с трупоположением не на обычном для них месте. К сожалению, полной реконструкции таких поясов дать невозможно, о их форме мы можем судить лишь по изображению воина (3, рис. 34, *3*). В мужских погребениях встречаются простые без украшений пояса, служившие обычную службу, на них подвешивали оселок, нож, возможно, огниво. По-видимому, от мужских поясов отличались женские. В женских погребениях найдены только маленькие бронзовые пряжки (курган 4, могила 2; курган 9, могила 1). Носили ли их поверх одежды или на теле, подобно хантыйским женским поясам-повязкам вэрып (Прыткова, 1953, с. 167), сейчас сказать невозможно.

Обычным предметом в могилах была керамика. Из 59 могил она есть в 39. Сосуды постоянного места в погребениях не имели: их клали в ногах (курган 1, могила 13; курган 2, могила 1; курган 9, могила 2; курган 10, могила 1; курган 27, могила 5, курган 38), в головах (курган 3, могила 1; курган 4, могила 3; курган 9, могила 1; курган 27, могилы 1,4), сбоку (курган 5, могила 1), рядом с жертвенным животным (курган 1, могилы 2, 11).

Бытовой инвентарь (топоры-тесла, ножи, точила и др.) встречался редко. Большие ножи в деревянных ножнах с металлической оправой обычно лежали слева у пояса (курган 1, могилы 6, 11) и являлись принадлежностью мужчин. На пояс в специальном чехле подвешивались оселки. В женских

могилах ножи найдены маленькие. Топор-тесло в могилах с трупоположением найден в двух женских погребениях (курган 5, могила 1; курган 27, могила 4).

Оружие найдено в 12 могилах с трупоположением. В основном это костяные наконечники стрел. Встречены в мужских и женских погребениях, но нет их в детских. Обычно стрел в могиле немного (1—3), за исключением могилы 4 кургана 5, где было 13 штук, лежали они здесь кучкой. В каком месте относительно погребенного, не всегда удается определить. Там, где это было возможно зафиксировать, они находились справа у бедра, в ногах. В одном случае наконечники лежали в сосуде (курган 1, могила 13).

Справа от скелета человека, за пределами берестяной подстилки, иногда несколько выше (8—10 см) погребения человека, находились остатки костяка лошади, здесь же помещался сосуд или фрагменты сосуда. Однако чаще кости человека и лошади были перемешаны. Всего 19 случаев погребения с конем.

Половозрастные особенности для обряда погребения с конем роли не играли.

Захоронение лошади производилось частично — только шкуры: в могилах обнаружены конечности от копыт до коленных суставов. Черепа отсутствовали. Как исключение можно считать могилу 17 кургана 1. Здесь все кости конечностей и череп лежали вместе, грудой и среди них антропоморфная фигурка и наконечник ремня. Черепа всегда, за исключением описанного случая, лежали в стороне от могил, в одиночку, иногда скоплением (курган 27). С черепом, как правило, находилась керамика.

Среди вещей, сопровождавших умершего, в 13 могилах с трупоположением встречены бронзовые зооморфные и антропоморфные изображения. Стабильного места расположения этих своеобразных предметов в погребении не было. В двух случаях они находились на груди, ближе к левой стороне (курган 1, могила 6; курган 9, могила 1), под тазовыми костями (курган 5, могила 1), среди костей человека (курган 5, могила 5), лошади (курган 1, могилы 2, 17). Разнобой объяснялся не только плохой сохранностью погребений, но и, как увидим дальше, ритуальными особенностями.

В могильнике, по-видимому, существовал и другой способ погребального обряда — трупосожжение (курган 1, могила 7; курган 2, могила 8; курган 6, могилы 10, 11; курган 7, могила 1). Сожжение производилось где-то на стороне, так

как костей не сохранилось, кроме костного тлена на вещах. На месте погребения слой золы и горелого песка незначительный (8—12 см). В могиле сжигали одежду и весь погребальный инвентарь умершего. Огонь был еще сильным, так как многие бронзовые вещи оплавились. Предметы лежали сплошной грудой без определенного порядка. Состав их заслуживает особого внимания. Каждое погребение индивидуально по инвентарю, но между ними есть общие признаки. Есть смысл перечислить содержание всех комплексов.

Курган 6, могила 10: украшения, детали пояса, зоо- и антропоморфные изображения.

Курган 6, могила 11: украшения, зооморфные изображения, оружие.

Курган 2, могила 8: украшения, детали пояса, оружие, зооморфные изображения.

Курган 7, могила 1: украшения, детали пояса, оружие, бытовые металлические предметы (ножи, топор-тесло), зооморфные и антропоморфные изображения.

Курган 1, могила 7: украшения, детали пояса, оружие, предметы конской упряжи (удила), бытовые металлические предметы, зооморфные и антропоморфные изображения, керамика.

Необходимо сделать оговорку относительно погребений из кургана 6. Они значительно хуже сохранились и вполне возможно, что их состав неполный. В известном же составе они сильно сближаются со скоплениями. В остальных случаях, судя по вещам, погребения принадлежали воинам.

Погребение с частичным трупосожжением встречено одно (курган 5, могила 3). Над покрытым берестой покойником был разведен костер. Сверху береста сгорела почти вся, местами прогорела и подстилка, кости сильно обгорели и потрескались. Вещей с умершим почти не было, кроме фрагментов керамики без орнамента и каплевидной подвески. Погребен был человек без черепа (рис. 17, *А*). В некоторых случаях могила обжигалась предварительно. Интересно, что в них погребались останки также без черепов (курган 27, могила 5) или только один череп (курган 7, могила 2) или погребение было повторным (курган 3). По всей вероятности, огонь, по мнению рёлкинцев, имел очистительную силу и применялся к умершим особой категории.

Разобраться полностью в структуре и назначении обрядов Рёлкинского могильника невозможно в силу неполноты информации. Однако, привлекая этнографические и письменные

данные, удается реконструировать некоторые черты похоронного обряда полнее.

В обряде могильника Рёлка четко выделяется трупоположение и трупосожжение. Неоднородность способа погребения как по тому, так и по другому обряду очевидна. О трупосожжении речь уже шла. В трупоположении выделяются наземные и грунтовые погребения. Отсутствие половозрастных и и каких-то имущественных различий между ними свидетельствует о том, что это явление одного порядка. Исследователи склонны объяснять различие наземных и грунтовых захоронений сезонным характером погребений (грунтовые — летние, наземные — зимние). Но кроме них в Рёлке существовали и повторные погребения.

Вопрос о способе определения повторных захоронений исследован очень слабо. Это объясняется отчасти малой распространенностью обряда, отчасти неразработанностью методики определения повторных захоронений. Чаще всего археологи объясняют хаотичное состояние костяков человека в могиле разрушенностью от механического воздействия (сооружение более поздних могил, кладоискательские раскопы, действия хищников и т. д.). Порой так и бывает в действительности. И очень несмело иногда предполагают наличие повторных погребений. Дело в том, что, имея археологический факт, мы чаще всего не знаем, что было до него и что после. В таких случаях неоценима роль письменных и этнографических источников.

Богатейшей иллюстрацией существования ритуала повторных погребений является погребальный обряд одновременных рёлкинцам мохэских племен. Удается сопоставить киданьские письменные источники, синхронные археологическим. По письменным данным, мохэ хоронили летом в земле, а зимой «трупом ловили соболей», то есть хоронили на лабазах, вокруг ставили соболиные ловушки. После того как помосты сгнивали и падали, кости и остатки инвентаря собирали и хоронили в земле. Археологические материалы мохэских и чжурчженских могильников соответствуют полностью данным летописи — в повторных погребениях кости лежат грудой без всяких анатомических норм, к тому же кости сильно истлевшие (Деревянко, 1974; Медведев В. Е., 1975).

Сравнение дальневосточных повторных захоронений с рёлкинскими свидетельствует об их сходстве. Есть и некоторые отличия. В ряде рёлкинских погребений наблюдается частичный анатомический порядок в области грудной клетки

(курган 8; курган 2, могила 1; курган 3). Сохранность костей примерно такая же, что и в погребениях с трупоположением. Причина отмеченных отличий заключается в способе первичного захоронения умершего не на открытом лабазе, а в плотной берестяной обертке, в которой мелкие кости со временем присыхали к стенкам. Срок перед погребением в землю, по-видимому, был небольшим: кости еще не успели разрушиться. Кроме того, очевидно, что сохранность костяка определялась относительной изолированностью умершего от внешних воздействий, что достигалось за счет первичного воздушного захоронения. Ничего этого не было в дальневосточных погребениях.

В этнографии местных народов существуют указания на сохранившийся обычай повторных похорон. В. Н. Чернецов (1959, с. 154) указывал, что в большинстве случаев при наземном погребении у обских угров, например, тело находилось в лабазе или на помосте до тех пор, пока не сгнивают покровы или не обрушится вся постройка. После этого кости погребаются. У селькупов в преданиях говорится, что некогда умерших хоронили на деревьях (кедрах), а затем, через 1—2 года кости уже хоронили в земле. (Костров, 1872, с. 48; Прокофьева, 1949, с. 363). Детальное описание обряда дает Г. И. Пелих (1972. с. 72—73): «...в старину умерших заворачивали в шкуры молодых животных... или бересту. В таком виде труп привязывали на ремнях к ветвям деревьев. Труп висел на дереве, пока не высыхал... Затем ремни, на которых висел покойник, перерезали и труп падал на землю. Вторая часть погребального ритуала состояла в том, что выкапывали неглубокую могилу (около 70 см). Опускали туда завернутый по-прежнему в кожу или бересту труп покойного». Засыпали землей после предварительного обжигания покойного. При падении, а, возможно, и раньше, кости в обертке неизбежно должны были сдвинуться[17] и, естественно, это относилось к наиболее массивным (череп, нижние конечности). Селькупский способ наиболее близок рёлкинским захоронениям с беспорядочным расположением костей. В одном случае при повторном погребении применялся огонь (курган 3). Правда, здесь обжигалась могила, а не покойник.

В Рёлке обращает на себя внимание своеобразная система кострищ и скоплений вещей. Их содержание позволяет предположить какие-то неслучайные обрядовые действия. Как

[17] Г. И. Пелих об этом ничего не сообщает.

отмечалось, скопления представляли компактный склад своеобразных предметов, лежавших в стороне от погребений. В эпоху раннего средневековья кроме приобских могильников[18] известны тайники с вещами в древнехакасских курганах и салтово-маяцких могилах с трупосожжением (Плетнева С. А., 1967, с. 100—101; Кызласов, 1969, с. 97). Обычно в тайничках лежали предметы конской сбруи, оружие, украшения.

Рёлкинские скопления отличаются от вышеназванных составом инвентаря и размерами изделий.

1. В скоплениях Рёлки обязательна керамика. В салтовских тайниках она редка, а в древнехакасских ее нет совсем.

2. Для скоплений почти обязательно наличие антропоморфных изображений, что является только релкинской особенностью.

3. Наряду с предметами обычных размеров в некоторых скоплениях встречаются миниатюрные модели (топоры-тесла, ножи, удила, граненые наконечники стрел, сосуды).

Обычай класть с покойником миниатюрные клевцы, кинжалы известен в Сибири со времен тагарской культуры (Киселев, 1951, с. 114). В таштыкское время этот обычай сохранился, но изменились и увеличились разновидности миниатюрных предметов — появляются модели бронзовых котлов, железных удил (Кызласов, 1960, с. 36). В раннем железе миниатюрные изделия известны и далеко на запад от Рёлки—в Гляденовском кострище. А. А. Спицын (1901, с. 258) дает значительный перечень их: «...кирки, молота, топоры, секиры, наконечники копий, пешни, ножички». В Нарымском Приобье миниатюрные бронзовые кельты и котлы найдены в кулайских древностях (Мягков, 1929, с. 62).

В рёлкинское время модели бронзовых котлов обнаружены в погребениях переходного этапа верхнеобской культуры (Грязнов, 1956).

Почти во всех названных случаях[19] миниатюрные предметы найдены в могилах. Они являлись точными копиями обычных предметов и, по всей видимости, их заменителями. Зачем нужна была такая замена, сказать определенно трудно. Могли иметь место экономические соображения или обрядовые требования. Здесь обращает на себя внимание устой-

[18] Скопление предметов, подобные рёлкинским, есть в Тимирязевском могильнике из раскопок Л. М. Плетневой.

[19] Исключение составляют кулайские древности, условия нахождения которых не известны.

чивая деталь — в могилах, где были миниатюрные предметы, как правило, покойник отсутствовал: он либо сжигался (Таштык, Гляденово), либо захоронение было фиктивным.

В связи с определением значения миниатюрных предметов в Рёлке любопытна находка в Монгун-Тайгинском кургане — кенотафе древнетюркского времени. Здесь наряду с жертвенным животным было скопление стрел, среди которых лежала модель железного тесла (Грач, 1960, с. 47, рис. 29). Л. М. Плетнева (1976) Тимирязевские курганы с миниатюрными предметами относит к поминальным. Возможно, рёлкинские скопления-«клады» с миниатюрами также имели какое-то отношение к фиктивным захоронениям. Некоторые отличительные детали, по-видимому, свидетельствуют о сложном переплетении с другими местными ритуальными особенностями.

С давних времен обычай устраивать символичные погребения широко распространился в Сибири и был связан с культом умерших. Умерший на чужбине сородич должен был быть похоронен на своем кладбище. Если это было невозможно сделать, то на родовом кладбище устраивались его фиктивные похороны, чтобы душа могла водвориться среди своих покойных сородичей.

В этой связи в Рёлке привлекают внимание скопления и кострища с ладьевидными сосудами. Всего в могильнике таких сосудов 11. Два из них сохранились полностью. Это настоящие глиняные модели долбленых лодок с четко выраженной носовой частью и кормой (рис. 39, *1*, *4*; 44). В других случаях сохранилась половина изделия, причем всегда «носовая» часть. Принять модели за сосуды с их обычным функциональным назначением трудно. Специфика формы, малые размеры, нарочитые изломы и отверстия для подвешивания говорят о другом их использовании. Кроме того, почти всегда эти модели сопровождались обычной посудой. Возможно модели лодок символизировали гроб при фиктивных похоронах? Обыкновенных захоронений в лодках в Рёлке не прослежено, хотя такой обряд в раннем средневековье в Западной Сибири существовал (в Лихачевском могильнике на Ишиме, Басандайском на Томи).

Мог быть и несколько другой вариант интерпретации.

У таежных народов Западной Сибири, как впрочем и у их соседей, был обязательным обычай изготовлять куклу после смерти родственника как вместилище одной из душ покойного: у манси и хантов душа-тень — итэрма, иттарма (Черне-

цов, 1959, с. 117; Соколова, 1971, с. 213), у селькупов — кэдо (Пелих, 1972, с. 86), у ненцев — сидрянг (Хомич, 1966, с. 208), у кетов — дангольс (Алексеенко, 1969, с. 181).

Селькупы возили куклу с собой во время сезонных перекочевок, брали на охоту, кормили, укладывали спать и т. д. У некоторых групп селькупов изображение души покойного помещали в деревянную лодку или сразу вырезали из дерева вместе с лодкой. Изображение человеческой фигурки с лодкой часто встречается среди изображений шаманского бубна и среди фигурок шаманского костюма. И в том, и в другом случае оно трактуется как «покойницкая душа» (Пелих, 1972, с. 96). Е. Д. Прокофьева (1961, с. 59—60) указывала, что лодка «ронтык» употреблялась в понимании селькупов как «шаманская лодка».

По прошествии определенного срока кукол хоронили в могиле умершего или рядом. У хантов иногда делали специальные амбарчики (Соколова, 1971, с. 231). Вполне возможно, что в могильнике Рёлка мы сталкиваемся с обычаем погребения кукол — вместилищ души умерших. Эту мысль подтверждают и другие наблюдения. В некоторых погребениях с трупосожжением среди прочих предметов обязательно были антропоморфные изображения — личины, являвшиеся масками для кукол. Они, по всей видимости, и являлись вместилищем душ. Иногда их в одном комплексе не одно, а два и больше. В. Н. Чернецов, специально изучавший анимистические верования западносибирских народов, указывал на одну важную деталь, которая имеет непосредственное отношение к рёлкинским материалам. Были случаи, когда изображения умерших передавались из поколения в поколение, обычно по женской линии. После смерти последней представительницы семьи накопившиеся изображения вместе с прикладами к ним хоронили вместе с ней. Известны случаи сожжения изображений (Чернецов, 1959, с. 151). Сравнивая археологические и этнографические материалы, можно заметить несомненное сходство обрядов. Здесь же уместно вернуться к миниатюрным изделиям из рёлкинских скоплений. В этнографии подобные предметы известны именно в обряде почитания умерших предков. Буряты, например, на своих онгонах (духах) пришивали небольшие антропоморфные фигурки — ильтахан (душа человека), серьги или ожерелья, миниатюрные ведра, поварежки. После смерти владельца его онгонов обычно сжигали (Иванов, 1957).

Кроме сожжения или закапывания с изображениями проводились еще какие-то обрядовые действия. Почти во всех скоплениях или могилах с сожжением есть сосуды, а в одном случае бронзовая чаша. Такие же чаши найдены в Архиерейской заимке и Васюганском кладе, причем состав инвентаря, в комплексе с которым найдены чаши, подобен рёлкинскому (поясные наборы, некоторые украшения, изображение). Мысль, это это жертвенные чаши, уже высказывалась неоднократно (Чернецов, 1959; Могильников, 1964). Возможно, сосуды, сопровождавшие изображения, содержали какое-то культовое питье, вроде легендарного мордовского пуре (Воронина, 1971). А. Ф. Добрякова (1901, с. 19) сообщает, что у обских остяков был «кумир, вылитый из золота и сидящий в золотой чаше. В эту чашу наливается вода, которую пьют для исцеления болезней». Обычай оставлять питье в сосуде на могиле долго сохранялся у селькупов (Пелих, 1972). Кроме питья чаши могли использоваться и для других ритуальных целей. Например, как в Архиерейской заимке сжигали череп в чаше или как у южных народов в описании Гр. Новицкого (1884, с. 64): «...поставляют перед лицом его (кумира) чашу медну, наполнену углия, на ню же благовонные зелия покладают».

При похоронах рёлкинцы совершали жертвоприношения и поминки. В дар приносили животных и различные предметы. По сохранившимся остаткам удается восстановить некоторые детали данного обряда.

Самой распространенной жертвой является лошадь. При жертвоприношении соблюдался определенный порядок. Рядом с погребением человека, иногда в могиле (наземные, разрушенные погребения), обнаружена только часть конечностей лошади (до бедренной кости). Судя по тому, как лежали кости, хоронили шкуру коня. Голову отчленяли и всегда помещали отдельно. Жившие одновременно с рёлкинцами салтовцы, по мнению исследователей, вырубали всю тушу коня, а конечности и головы клали с погребенным (Плетнева С. А., 1961). В Рёлке жертвоприношение коня значительно отличалось: хоронили только шкуру с конечностями, отчленяли голову и погребали ее отдельно[20]. Интересный в этой связи обряд жертвоприношения наблюдала у хантов З. П. Соколова (1971, с. 229), правда, у них жертвенным животным был олень. «Оленей, которые везли покойника, убивали, часть мя-

[20] Исключение составляла могила 17, о которой еще будет сказано.

са съедали, часть увозили домой, кости закапывали отдельно, а шкуры и черепа с рогами вешали у могилы на дерево (иногда шкуры клали в могилу), нарты ставили на могилу». В этом описании важно отметить, что все кости, кроме черепа и ног, прятали в стороне от кладбища, а сам череп также часто отделяли от туловища. Оставление на могиле и в жертвенных местах черепов оленей, являвшихся, по всей видимости, заменителями целого оленя, считается распространенным обрядом у северных хантов и ямальских ненцев (Грачева, 1971).

Из других западносибирских археологических материалов обычай хоронить голову отдельно известен в Тимирязевском и, по всей вероятности, в Утузинском могильниках (Плетнева Л. М., 1976; Могильников, 1973). В других памятниках сведения на этот счет не детализированы.

В Рёлке есть лишь один случай, где череп и конечности лежат вместе (курган 1, могила 17). Однако расположение костей явно не соответствовало чучелу лошади, как это практиковалось у тюрков. Здесь шкура коня была положена кучкой. Конечности оказались под черепом.

Среди археологических материалов подобные факты имеются, правда в значительном удалении от Рёлки — могильники Большие Тиганы и Танкеевка в Среднем Поволжье (Халикова, 1972, 1976) и во всех венгерских могильниках этого времени (Балинт, 1972). В могильниках верхней Оби одинцовского и переходного этапов помимо целого скелета коня находили кости конечностей и черепов (16 случаев). Но, к сожалению, положение их in situ не известно и только в одном случае указывается, что череп лежал отдельно от конечностей (Грязнов, 1956, с 102). Но уже этот единичный факт дает возможность предполагать, что подобный обычай на верхней Оби был известен.

Изолирование черепа от шкуры в археологических памятниках известно пока только в Западной Сибири. В более поздний период в Притомье распространяется несколько отличный обряд — клали чучело лошади с головой и конечностями (Басандайский могильник). Однако это еще не погребение коня полностью, как это характерно для тюрок Алтая и Южной Сибири. Только Еловский могильник фиксирует типично тюркское погребение с конем (Матющенко, Старцева, 1970).

В могильнике Рёлке вместе с остатками коня, видимо, бросали упряжь (в кургане 1, могиле 11, найден блок от

аркана, а в могиле 5 — подпружная пряжка). Посуду, использованную для приготовления поминальной пищи, оставляли здесь же.

Культ коня у рёлкинцев выразился не только в его жертвоприношении, но и в специальном изготовлении бронзовых фигурок лошадей. В одном случае это был верховой конь со всадником, в другом — только лошадка мелкой породы, изображенная в обычной для этого времени манере. Обряд погребения с конем южного происхождения. Верхнеобским населением он заимствован еще у ранних кочевников. В условиях Верхнего и Среднего Приобья этот обряд подвергся трансформации и приобрел местные особенности.

Дифференцированный подход к образу коня в погребальном обряде говорит о его различных функциях в быту. Его использовали в пищу и для верховой езды. Понятие о коне как спутнике всадника отразилось в изображении воина-всадника, находках в специфических условиях (с оружием) предметов верховой упряжи. Вполне возможно, что в это время зарождается представление о всаднике-богатыре, который у селькупов, например, был сыном Нума и считался основоположником рода (Прокофьева, 1952, с. 100).

В то же время некоторые детали жертвоприношения лошади свидетельствуют об анимистических верованиях, распространившихся и на это животное (отчленение и захоронение отдельно головы, изображение лошади). В этом плане интересные данные сообщает Н. Ф. Прыткова (1949). У угров (хантов и манси) существовали покрывала-накидки для жертвенных животных. Одно из них она описала. Среди прочих деталей на нем были изображения всадников, которые у хантов считались посредниками между людьми и небесными богами.

Жертвоприношение собаки относится к одной из особенностей могильника. В генеологической мифологии и тотемических верованиях азиатских народов культ собаки широко распространен. Обычно в легендах собака является прародителем человека или во всяком случае указывается, что собака тоже была человеком, например, у хантов и селькупов в сказке «От чего собака произошла» (Пелих, 1972, с. 119; Кулемзин, Лукина, 1973, с. 25).

Жертвоприношение собаки как важного момента погребального обряда известно народам Северной Азии: восточным палеоазиатам (Вдовин, 1971, с. 297), уграм (Чернецов, 1959, с. 146), селькупам (Пелих, 1972, с. 87). Трактовка обряда

неидентична и не всегда понятна. Чаще всего исследователи лишь сообщают, что собака являлась жертвенным животным. К. Карьялайнен высказывался более определенно относительно жертвоприношения собаки при похоронах. Он писал, что «у них (лозьвинских манси, — *Л. Ч.*) есть обыкновение с хорошими охотниками класть собак» (взято по В. Н. Чернецову, 1959, с. 146). Вероятно, в данном случае отражается охотничье-промысловое значение собаки. Интересное свидетельство есть у Д. Н. Анучина (1890, с. 99): «эскимосы при похоронах умерщвляли собаку и ее голову клали в могилу, чаще всего детей. Дух этой собаки служил проводником на тот свет души ребенка».

В период существования могильника Рёлки обычай приносить в жертву собаку (как правило, голову) широко распространился среди народов Средней, Центральной и Северной Азии. Он отразился в культе о собаке-предке. В погребальном обряде племен ухуань и сяньби особая роль принадлежала собаке. Она являлась проводником души в загробный мир, она приобщала душу умершего к духам предков (Викторова, 1974, с. 214). У киданей существовали специальные праздники — «песьи дни», «собачья голова». В могилах тюркского времени в Восточном Казахстане есть случаи погребения собаки, обычай, известный здесь еще с предтюркских времен (Арсланова, 1969, с. 51).

В Приобье культ собаки был известен задолго до появления могильника Рёлка. В Еловском II могильнике (XII—VIII вв. до н. э.) обнаружено три скопления-жертвенника, где кроме прочих костей животных были кости собаки (Матющенко, 1974, с. 125). В эпоху раннего железа черепа собак были найдены в жертвенных комплексах Саровского и Усть-Полуйского городищ и в могильнике Каменный Мыс.

Стабильное использование в Приобье собаки как жертвенного животного на протяжении тысячелетия свидетельствует о глубокой традиционности данного обряда в могильнике Рёлка. Однако смысл его, по имеющимся в могильнике данным, определить не удается.

В свете анимистических представлений рёлкинцев обращает внимание еще одна яркая особенность в обряде — захоронение голов человека и человека без головы. Находки черепов в могильниках Среднего Приобья — явление не новое. Впервые захоронения черепов были обнаружены в Самусьском могильнике (Матющенко, 1973). В последующие эпохи этот обычай был зафиксирован только в Еловском могильни-

ке II. Это объясняется отчасти недостаточностью археологических данных о погребальных обрядах, особенно в Нарымском Приобье.

Особый обычай, связанный с почитанием головы, прочно вошел в поздние похоронные обряды и верования самодийцев и угров и объяснялся довольно единообразно — верой в возрождение души (реинкарнация). После смерти человека одна из душ, обитающая обычно в голове, в волосах, переходит в тело новорожденного ребенка, принадлежащего тому же народу. Лишить человека головы — значит не дать возродиться новой душе.

Предания хантов и селькупов гласят о том, что обычно головы отрубали тем, кто был связан с нечистой силой. В сказке «Альвали и дочери Сэвсики» Альви отрубил головы дочерям Сэвсики (черта), чтобы уничтожить их род. Любопытные детали обряда дает другая сказка — «Золотоволосая девочка». У стариков родилась необычайная девочка: у нее волосы были — одна половина простая, другая золотая. Отец сказал: «Эту девочку не надо ро́стить, от нее нам неприятности будут. Надо отнести ее в ту стороны, где людям головы отсекают». Мать и брат пожалели девочку, что привело к гибели брата, ибо сестра оказалась связанной с нечистой силой (Кулемзин, Лукина, 1973, с. 79, 37).

В селькупских сказках также есть указание на отсечение голов у людей (взрослых и детей). В отличие от хантыйских, в селькупских сказках это делает лоз (черт), дающий обычно взамен обезглавленной женщины и детей свою дочь в жены охотнику. Примечательно, эта новая жена не должна была говорить (чтобы не выпустить душу? — *Л. Ч.*) до появления первого ребенка. Нарушение запрета влекло за собой гибель рода (Пелих, 1972, с. 331).

Обычай отделять у покойников головы отразился и в погребальном обряде и в предметах шаманского ритуала. Безголовые люди изображались как духи нижнего мира на деталях костюма селькупского шамана — поясе, косе, подоле парки (Прокофьева, 1949 а, с. 341, 364). Г. И. Пелих отмечает, что если селькупы предполагали, что в черепе покойника находится не кэдо, а кава-лоз (черт), надо было постараться его не удерживать в черепе, а, наоборот, уничтожать. Для этого голову отсекали (Пелих, 1972, с. 117).

Верой в возрождающуюся душу, возможно, объясняется находка в женской могиле 1 кургана 5 полой пронизки с изображением совы и медведя. Пронизка лежала под пояснич-

ными костями примерно в том месте, где кончается коса. В. Н. Чернецов (1959), говоря о реинкарнирующейся душе у угров, указывал, что эта душа («маленькая душа») обычно имела облик птицы (или животного) и обитала в теле человека, в частности, на концах волос. Женщины, как правило, на концах кос носили украшения с изображением морянок и чернядей (породы уток). В могильнике есть и другие изображения птиц, которые могут иметь подобную трактовку. Но не только с этой душой связывался у сибирских народов образ птицы. У угров и селькупов наделялись птичьими чертами и другие души («покидающая» и «приходящая»). У хантов души «урт», «улем» принимают вид глухарки или другой какой-либо птицы, чаще кукушки (Чернецов, 1959). У селькупов душа «ил» представлялась в виде птицы с человеческим лицом или человека с крыльями (Прокофьева, 1961). Чтобы удержать душу в теле или уберечь ее от опасностей, обычно делали изображение птицы (у манси татуировалась). После смерти человека эти изображения идут с ним могилу.

Невозможность точной привязки рёлкинских предметов к месту, общая неполнота информации об обрядах затрудняют трактовку образов птиц. У западносибирских народов сохранилось немало различных похоронных обычаев, связанных с птицами. Среднеобские угры при похоронах на крышке гроба изображали птицу (тетерю, трясогузку и др.), которая должна была крепче привязать душу покойного к месту погребения. Манси считали, что душа умершего на спине утки отправлялась к холодному морю (Чернецов, 1959, с. 144, 151).

Любопытно остановиться еще на одном наблюдении. В двух могилах, где были детские погребения (курган 2, могила 2; курган 4, могила 2), найдены изображения птиц, в одном случае — журавля, в другом вид определить не удалось. У угров существовал интересный обычай изображать птиц на люльках детей или на детских наколенниках для того, чтобы они лучше спали (Прыткова, 1953, с. 223; Чернецов, 1959, с. 134). Возможно, что рёлкинские птички также были вместилищем для одной из душ ребенка.

Заканчивая анализ погребального обряда рёлкинцев, необходимо остановиться на изображении композиции с «ящером». Напомню, что на подвеске изображены в геральдических позах два «ящера», две змеи, над которыми возвы-

шалась личина еще одного существа, медведя или выдры (27, рис. 27, 7; 35, 3).

В Западной Сибири среди материалов средневековья подобные изображения не известны, зато широко распространены в Прикамском художественном литье. Семантику «ящеров» пытались определить все исследователи, занимавшиеся пермским звериным стилем. Под «ящером» видели самых разнообразных животных, относящихся к местной фауне (волка, лося, медведя, выдры, собаки и даже неизвестных в этих краях кабана и крокодила и др.). В итоге все исследователи сходились на том, что «ящер» — собирательный образ, олицетворявший подземный и подводный мир.

Интересную трактовку «ящерам» дал С. В. Иванов (1949, с. 134, 153), считавший его мамонтом. У народов Сибири представления о мамонте, основанные на находках останков этого животного, были широко распространены, носили ясно выраженную религиозную окраску, вошли в шаманизм.

Каждый народ это животное представлял по-своему, но далеко от реального образа. Чаще всего появление мамонта связано с перевоплощением других животных (лося, медведя) или щуки. У хантов «мы-кар» — земляной бык (по С. В. Иванову) или «мув-хор» — земли-олень-самец (по В. В. Сенкевич-Гудковой), обычно состарившийся олень, лось, медведь. У нарымских селькупов мамонт — «козар» — делился на два вида — мамонт-зверь и мамонт-рыба.

Селькупы в мамонте видели животное, охраняющее вход в подземный мир — «землю покойников». Охранитель земли умерших назывался «покойников землю охраняющий медведь». Медведь был главным духом подземного мира. Но селькупы мамонтом называли не только подземного мамонта-медведя. По их поверьям, считалось, что в глухих озерах живет «кощар пиччи» — «мамонт-щука», превратившаяся в мамонта от старости. Озера, где жил мамонт-щука, называли «лозыль-то» — «чертово озеро».

В отличие от хантов селькупы с мамонтом не связывали лося или оленя. Олень и лось считались животными небесного, светлого мира, а это представление несовместимо с представлением о мамонте, жителе темного подводного или подземного мира.

Рёлкинская подвеска изображает целую картину, образы которой должны были передать какой-то единый идеологический сюжет. Вероятнее всего, его надо связать с пониманием

нижнего мира[21]. Изображенные на подвеске образцы передают аллегорию подземного мира. Действительно, «ящер» олицетворяет «хранителя земли, моря, мертвых». Около него находятся змеи, которые считались проводниками в загробный мир (Прокофьева, 1949 а, с. 344). Трактовка личины осложняется тем. что привязка к конкретному образу предположительна — либо медведь, либо выдра. Однако ни тот ни другой образ в целом не противоречат общему замыслу древнего ваятеля. Медведь считался у селькупов хозяином земли и главным духом подземного мира. Выдра также в их поверьях связывалась с морем мертвых. Она являлась главным духом-помощником мамонта, нередко ее даже называли мамонтом (Прокофьева, 1949, с. 159).

В результате систематизации археологических данных могильника Рёлки выясняется, с одной стороны, наличие стандартных обрядовых форм, с другой — многообразие ритуальных действий. Устойчивые формы захоронений свидетельствуют об оформившейся системе культов, основанных на представлении людей об окружающем их мире. В свою очередь, разнообразие обрядовых действий отражает своеобразное понятие о смерти. Из проведенного анализа становится очевидным, что рёлкинцы не считали смерть прекращением существования человека. Смерть в их понимании рассматривалась как переход в новое состояние, в иной мир, который представлялся как нечто сходное с земным. Отсюда необходимость помочь предку переселиться в новый мир — создание необходимых условий, снабжение всем необходимым (одеждой, инвентарем, пищей, транспортом, жилищем и т. д.).

Умершие продолжали поддерживать связь с живущими, и эта связь не всегда была безобидной. Чтобы оградить себя от возможных неприятностей, живые сородичи принимали защитные меры (создавали вместилища душ, портили вещи, проводили очищение огнем, отсекали головы и т. д.). Разнообразие обрядов зависело и от того, в каких условиях наступала смерть — дома или на чужбине, летом или зимой, была она естественной или насильственной. Несомненно, роль играли пол и возраст умершего, его общественное положение.

---

[21] Следует подчеркнуть, что рёлкинцам мамонт по сохранившимся останкам был известен. В кургане 8 рядом с погребением была «вымостка» из расколотых крупных костей мамонта.

ГЛАВА VI

КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОГИЛЬНИКА

Вопрос об археологической культуре 1 тыс. н. э. на территории Среднего Приобья поднимался неоднократно. Впервые частные замечания о существовании своеобразной культуры на территории Притомья высказал М. П. Грязнов (1956, с. 134), давая характеристику верхнеобской культуры. Он отмечал, что «на север и на северо-запад распространены памятники, сходные с верхнеобскими. Некоторые настолько сходны с фоминскими, что трудно пока решить, принадлежат ли они по представленной ими культуре одной этнической группе с населением верхней Оби или к другой, ему родственной. Однако имеющиеся некоторые отличия в составе погребального инвентаря и отдельных деталях керамики не позволяют пока включить памятники района Томска в одну группу с памятниками фоминского этапа на верхней Оби». М. П. Грязнов рассматривал материалы Притомья со своих позиций на хронологию верхнеобской культуры, в которой он, как известно, выделил три последовательных периода: одинцовский, переходный и фоминский. Однако принятая им хронологическая последовательность этапов, как можно было видеть в разделе «Хронология», не отвечает современным требованиям. Фоминский этап предшествовал одинцовскому и переходному, последние были с ним связаны генетически. Значительное сходство фоминской керамики с томской более позднего периода (синхронной верхнеобским одинцовским и переходным) объяснялось общностью происхождения. Отмеченная же М. П. Грязновым специфика томских памятников в свете последних данных получает новые доказательства.

О существовании своеобразной культуры в Нарымском крае говорил В. Н. Чернецов (1957, с. 238). Определяя границы нижнеобской культуры, он указывал, что на востоке эта

граница проходит по Нарымскому краю, откуда выше по Оби простиралась территория древнеселькупской культуры, родственной нижнеобской. На рубеже нашей эры эта культура стала обособляться от нижнеобской в отдельную культуру со своими закономерностями в развитии. Однако из-за отсутствия материалов. В. Н. Чернецов не мог дать обзор древнеселькупской культуры.

Значительно подробнее на характеристике культуры населения Среднего Приобья в I тыс. н. э., в основном южных районов, останавливался В. А. Могильников (1964 а). Среднее Приобье им было поделено на два историко-географических района с определенными формами материальной культуры. Это Притомский район, охватывающий территорию от Новосибирска до устья Чулыма, и Нарымский — от устья Чулыма к северу до р. Тыма. Они были близки между собой и составляли единую культуру I тыс. н. э. Она сложилась на базе культуры населения Притомья I тыс. до н. э. В связи с задачей своей работы В. А. Могильников основное внимание уделял Томскому Приобью. Нарымский край, в культурном отношении тесно связанный с Томским, в работе рассматривался кратко.

Исследования последних лет позволили расширить наши представления о культуре этого времени. Могильник Рёлка в предварительной публикации был отнесен мною к культуре раннего средневековья Томско-Нарымского Приобья (Чиндина, 1967, 1974). С тех пор за ней утвердилось название рёлкинской.

Общепринятыми критериями при определении культурной принадлежности памятника, как и при выделении археологической культуры, являются керамика (форма и орнаментация) и погребальный обряд. При этом необходимо учитывать не отдельные особенности, а комплекс признаков того или иного явления. При определении культурной принадлежности показательным признаком в конкретном случае может служить бронзовое художественное литье. Оно настолько специфично, что в комплексе с основными признаками культуры еще ярче подчеркивает ее своеобразие.

В керамике существуют два признака: форма и орнамент. При этом последний имеет ведущее значение. В форме меньше возможности вариаций в сравнении с орнаментом, поэтому чаще элемент совпадений. Это объясняется сходством хозяйственного уклада в результате развития тех или иных сравниваемых культур в сходных естественногеографических

и исторических условиях. В поисках специфических черт данного признака возрастает роль частных деталей. Например, строение венчика, конфигурация тулова, шейки, т. е. элементы, которые в меньшей мере зависят от производственного назначения. Орнамент, выполнявший декоративную и семантическую функцию, отражает прежде всего генезис явления, и совпадения здесь почти исключены. Если же сходство орнаментов различных культур все-таки обнаруживается, то причину следует искать в общем этническом пласте, контактах, миграциях и т. д. Однако отделять в керамике форму и орнамент нельзя. Необходимо учитывать сочетание признаков, т. е. оперировать выявленным типом.

То же самое можно сказать и о погребальном обряде. Необходимо исследовать все черты этого обряда и сравнение проводить по всем признакам. При этом ориентация умершего хотя и важный признак, не должна являться определяющим, так как возможность вариации ориентации ограничена пределами четырех направлений, пусть даже с отклонениями. Здесь элемент случайного совпадения вероятен. Комплекс же всех возможных признаков (положение скелета, рук, ног, расположение и состав вещей при определенной ориентации) снижает эту возможность. В кремации необходимо учитывать ее разновидности (на месте, на стороне, полное, частичное), степень оснащенности инвентарем, его виды и т. п.

В могильнике Рёлке четко выделяется три типа керамики, характеризующиеся определенными устойчивыми признаками. Из статистических данных и особенно наглядно на графиках видно, что типы в курганах распределялись неравномерно. III тип в ряде курганов отсутствовал вообще (табл. 8, 16). В некоторых случаях в распределении типов заметна прямая зависимость их друг от друга: чем больше I типа, тем меньше II типа, и наоборот (курганы 4, 5, 6, 7, 27). В то же время I и II типы идут параллельно, хотя в различных количествах. Внутри типов отдельные варианты также неодинаково оседали в курганах, некоторые из них в ряде курганов отсутствовали совсем (табл. 15).

Причины различий между типами, их неравномерного распределения по объектам можно искать в двух источниках: 1) хронологической разнице, 2) культурных особенностях (обрядовые, семейно-брачные, локальные, этнические, функциональные).

Материал могильника для хронологической характеристики, к сожалению, мал и не дифференцирован. Для курганов

Распределение вариантов орнамента в курганах

Таблица 15

Курган	Разный	Ямочно-гребенчатый	Гребенка	Жемчужно-гребенчатый	Фигурная гребенка	Гребенчато-штамповый	Фигурные штампы	Валиковый	Итого
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	7 19,3	16 27,6	8 34,7	10 18,6	8 22,2	11 46,1			60
6	8 22,2	10 17,2	4 17,4	16 29,1	1 2,9	1 4,1	1 16,4	24 80,0	63
27	3 8,31	4 7,01	6 26,0	9 16,7	7 19,3		2 33,4	2 7,0	33
4	1 2,8	2 3,4	4 17,4	4 7,5	5 13,9	2 8,3	1 16,6	3 10,0	22
5	2 8,3	4 7,0		6 11,2	9 25,0		2 33,4		24
7	8 19,2	7 12,0		2 3,8	2 5,6	2 8,3			20
2	4 11,1	12 20,7		3 5,6	4 11,1	5 20,8			28

Продолжение табл. 15

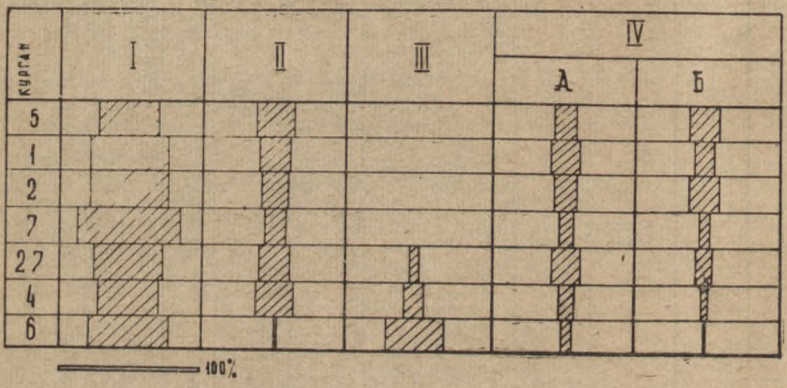
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
9	1 2,8			2 3,8		1 4,1			4
10	1 2,8		1 4,3	1 1,8					3
38		2 3,4		1 1,8					3
3	1 2,8	1 1,7				1 4,1		1 3,0	4
8						1 4,1			1
37					1 2,9				1
Итого	38	58	23	57	37	24	6	30	270
%	14,1	21,5	8,5	20,3	13,7	8,9	2,2	11,1	

Примечание. В сетке — количество случаев и % от общего числа вида орнамента; внизу — % вида орнамента от 270 случаев.

отсутствуют узкие датировки, все они идут в пределах VI—VIII вв. (табл. 10). Попытки сопоставить могильные комплексы также мало проясняют картину. Датированных могил, где встречается керамика, немного. В них есть керамика только I и II типов. Они сочетаются с датирующими комплексами VI—VIII вв. Правда, интересно обратить внимание на одну деталь. II тип найден в 5 датированных могилах. В двух случаях хронология дана по общераспространенным сериям (оружие, поясные наборы) и здесь рамки сужаются в пределах VII—VIII вв. (курган 1, могилы 5 и 7). Три другие могилы датированы по местным сериям VI—VII вв. (курган 5, могила 2) и VI—VIII вв. (курган 5, могилы 1 и 6). Если допустить хронологическую подвижность местных серий, то II тип керамики можно было бы уложить в рамки VII—VIII вв. Однако материал для этого крайне невелик.

Таблица 16

Распределение типов керамики в курганах



Возможно, неравномерность распределения типов в курганах могильника отражала способность керамики более тонко улавливать хронологические изменения, но пока у нас нет для этого доказательств. Скорее всего процесс изменений можно будет проследить на внутренней динамике типа, т. е. в распределении вариантов. Сам же тип в пределах существования культуры был более статичен, а взаимоотношения типов больше свидетельствовали о культурных сдвигах. Тем не менее вступление в контакты различных типов керамики проходило в какие-то сроки и уловить этот момент крайне важно. К сожалению, Рёлка точной даты нам не дает.

Трудность хронологического членения керамики заключается еще в том, что Рёлка, вероятно, отражала не весь период существования культуры, и типы могли появиться до возникновения памятника и исчезнуть после прекращения функционирования могильника.

Выделенные типы — не частное явление, характерное для могильника Рёлки. Все они в том или ином соотношении представлены на поселениях и городищах Томско-Нарымского Приобья, равно как и в других могильниках (рис. 40).

Картографирование типов керамики по региону в силу крайне неравномерной изученности полной картины не дает. Но некоторые закономерности отметить все-таки можно. Четко прослеживается ареал II типа: он сосредоточивался только в Нарымском Приобье. Границы I типа намного шире, но процент его в отдельных локальных районах различен. Основным он был, видимо, в Томском и Новосибирском Приобье, чем дальше на север, тем его меньше. В Нарымском Приобье он занимает значительно меньше места, чем II тип. Здесь происходит своего рода превращение простых гребенчатых мотивов и композиций в адекватные, но уже из фигурной (пильчатой) гребенки. Появляются признаки, не известные керамике I типа, характерные для II типа желобки, абсолютно исчезает жемчужник, орнамент наносится со свойственной типу тщательностью и аккуратностью.

Керамика могильника с фигурно-штамповой орнаментацией полностью входит в малгетско-рёлкинский тип керамики, выделенной автором в Нарымском Приобье (Чиндина, 1970, 1973, 1976). Теперь известны некоторые хронологические варианты этой керамики. Абсолютной хронологии типа и его вариантов пока не установлено. Разработана частично лишь относительная смена одного варианта другим (Чиндина, Балакин, 1976). Мною было высказано предположение, что керамика малгетско-рёлкинского типа в основном закончила свое существование в VII в. (Чиндина, 1970). Основанием послужило сопоставление керамических комплексов Рёлки и могильников Притомья, в которых нет фигурно-штамповой керамики. Последние исследования показывают, что необходимы коррективы ранее высказанного предположения. Отсутствие II типа в Томском Приобье объяснялось культурными отличиями, а не хронологическими. Кроме того, последние раскопки Малгетских литейных мастерских дали керамику II типа в комплексе с бронебойной стрелой и панцирными пластинками. В таком же сочетании есть керамика

II типа и в Рёлке. Названные серии характерны более позднему времени — концу VII—IX вв. Таким образом, предоставляется возможность продлить срок существования малгетско-рёлкинской керамики. Однако четкой границы ее существования пока нет.

Детальное исследование керамики I типа в Томском Приобье не проводилось. В литературе известна керамика в основном из могильников и она вполне укладывается в рёлкинский I тип. Поселенческие комплексы, вероятно, несколько отличались от погребальных, но на уровне отдельных деталей признаков: больших размеров, более высокой техники производства, разнообразия элементов орнамента. Среди последних нередко встречаются фигурные штампы (пос. им. Дзержинского, городище Тимирязевское), но они полностью согласуются с общим набором признаков I типа. Изредка орнаментация фигурным штампом (уточка, ромб) встречается в могильниках (Красный яр, Тимирязевский), но она также лишь разнообразит керамику I типа. В пределах Среднего Приобья эта керамика также была отнесена автором к малгетско-рёлкинскому типу как вариант с простой гребенчатой орнаментацией. Теперь есть основания и необходимость разделить этот тип на два, отождествив их с типами могильника: рёлкинский — с простой гребенчатой орнаментацией — I тип, малгетский — с фигурно-штамповой орнаментацией — II тип. Рёлкинский тип, судя по материалам Притомья (Могильницкий и Басандайский могильники), существовал до IX в.

Валиковая керамика (III тип) известна в Томском и Нарымском Приобье. В зависимости от региона внутри типа выделяются два четких варианта. Чем дальше на север, тем больше нивелировка специфических типологических черт и внедрение в этот тип особенностей фигурно-штамповой керамики II типа (малгетской). Различия эти достаточно велики и, возможно, в дальнейшем их придется разделить.

Пока есть смысл говорить о северном и южном вариантах.

Вопрос о хронологии III типа остается открытым, в Рёлке с датирующими вещами его нет. В могильнике найдена обычная бытовая валиковая керамика и изготовленная специально для погребения (характерный обычай для могильника). Обычно это маленький сосуд, но в нем отражены почти все типологические черты. В случае с валиковой керамикой несколько отличается технология теста и вместо ямок по венчику нанесены жемчужины, что крайне редкое, но не един-

ственное явление для III типа в Архиерейской заимке, судя по рисунку А. А. Спицына, был такой же сосуд [22] в комплексе с кыргызским наборным поясом VIII—IX вв. В Томском Приобье эта керамика известна на поселениях и городищах (Иринский Борик, Оськино, Басандайка, пос. им. Джержинского), но они тоже не имеют абсолютных дат. Этот тип встречается здесь параллельно с I типом. В Рёлке III тип найден не во всех курганах, что может свидетельствовать, кроме культурных особенностей, либо о более раннем, либо более позднем появлении его в памятнике. Скорее всего рёлкинцы стали изготовлять посуду III типа позднее первых двух, так как в Архиерейской заимке она известна в позднем комплексе. Это предположение как будто подтверждается и относительной хронологией керамики поселения с р. Шудельки (Чиндина, Балакин, 1976). Поселение Круглое озеро II, содержавшее керамику III типа (северный вариант), появилось позднее поселений Круглого озера I, Гришкиного, основного комплекса Малгета, где господствовала керамика II типа.

Картографирование и сопоставление рёлкинских типов с керамикой из Среднего Приобья приводят к выводу об их относительной синхронности и сравнительно четкой локализации.

В могильнике, как известно, эти типы идут параллельно совместно в одних курганах, керамика I и II типов в двух случаях в одной могиле (курган 1, могилы 5 и 7). Однако типы фактически не смешиваются между собой, за исключением форм в IV типе.

По-видимому, в Среднем Приобье в VI—VIII вв. существовала культурная общность с определенными локальными вариантами, о чем свидетельствуют не только керамика, но и погребальный обряд. По комплексу этих двух признаков удается выявить пока два локальных района: Томский и Нарымский.

Для Томского Приобья, как мы видели, не характерна керамика II типа, III тип встречается в южном варианте. В погребальном обряде тоже есть различия с Рёлкой. Особенно подробно на этом моменте остановиться невозможно, так как сведения о погребальном обряде могильников Притомья и Новосибирского Приобья отрывочные, неполные,

---

[22] В коллекции могильника этот сосуд сохранился частично, шейка утрачена. Фонды ГИМ, колл. № 37 729.

без важной в данном случае детализации. По имеющимся данным удается выяснить, что в Рёлке не было слоя пепла под погребениями, характерного для Тимирязевского могильника, или углистого грунта в засыпке могил, как в Красном Яре. В последнем могильнике меняется ориентация умершего — наблюдается тяготение к северо-восточному направлению (Троицкая, 1963, 1973). По другим показателям обряды совпадают.

Возможно, в дальнейшем, когда появится больше материалов, возникнут основания для выделения более мелких обособленных группировок в рамках единой культурной общности. Сейчас на эту мысль наталкивает несходство керамики в ряде районов Нарымского Приобья. Керамика с Васюгана (Лисий Мыс, Тух-Эмтор IV), Тыма (Могильный Мыс, Напас) и Приобья между устьем рр. Чулыма и Парабели (Малгет, Новиково, Тришкино озеро, Рёлка и др.). имеет в каждом районе свою специфику в рамках единого типа. Степень ее установить пока нельзя в силу неравномерной представленности материалов — с Васюгана и Тыма есть только сборы.

Основа культурного единства среднеобского населения в интересующее время сложилась значительно раньше — в эпоху кулайской культуры, локализовавшейся в Нарымско-Сургутском Приобье. Судя по керамике, примерно в III в. до н. э. начинается инфильтрация кулайцев на юг и запад. На саровском этапе[23] сегментация культуры усиливается и идет во всех направлениях. Отделившиеся дочерние группы на новых территориях какое-то время поддерживали тесную связь с культурой метрополии. Но соприкосновение с новыми условиями, контакты с местным населением приводили к тому, что отделившиеся группы становились все более самостоятельными, в ряде мест формируясь в самостоятельные культуры (среднеиртышская, нижнеобская).

Томское и Нарымское Приобье сохранили тесные контакты и в эпоху раннего средневековья и составили единую рёлкинскую культуру.

От кулайской культуры она унаследовала сложившуюся еще в эпоху бронзы многокомпонентность.

---

[23] Вопрос о том, представляла ли саровская керамика следующий этап кулайской культуры или образовавшуюся на ее основе новую, остается пока открытым.

Генетическая связь выразилась в сохранении древних неолитических, самусьских, еловских, андроновских и ирменских традиций в орнаментах и элементах погребального обряда. На рёлкинской посуде сохранились паркетные и меандровые мотивы, часть которых превратилась в штампы, заполнение орнаментального поля горизонтальной елочкой, вертикальными и горизонтальными оттисками гребенки, полными и усеченными зигзагами, дополненными ямочками и жемчужными элементами.

В погребальном обряде труднее уловить древние черты в силу недостаточности погребальных источников на разных этапах древней истории Среднего Приобья. К древним традициям следует отнести систему нескольких захоронений под одной курганной насыпью, повторные захоронения, специфическую форму кремации, отдельное захоронение черепов умерших, жертвоприношение лошади.

Связь с предшествующими культурами прослеживается и по художественному литью. Сохраняются традиционные образы в изображениях, возникшие также в древности (лось, медведь, птицы) и специфика трактовки антропоморфных сюжетов. Это крупноголовость в человеческой фигуре, рубчатый головной убор личин, трехпалость конечностей, нанесение «линии жизни». Единая сюжетная линия наблюдается в образах птиц с распластанными крыльями и личиной на груди. К числу древних традиций можно отнести изображения животных на керамике. В Рёлке есть половинка ладьевидного сосуда, у края венчика которого, на «носу», вылеплена скульптурная головка соболя (рис. 39, *2*).

Таким образом, рёлкинская культурная общность возникла на базе предшествующей кулайской, вобравшей в себя традиции бронзовых культур. В Томском Приобье она просуществовала, вероятно, до времени интенсивной тюркизации (Басандайский и Еловский могильники). В Нарымском Приобье культурная смена произошла где-то в это же время, но здесь этот процесс происходил прежде всего за счет внутреннего развития. Новая культура сохранила, судя по керамике, рёлкинские традиции (поселение Малгет, Юторское городище, Кустовский могильник, Иванкинские юрты).

Полного представления о социально-экономических особенностях рёлкинской культуры по одному могильнику составить нельзя, так как это единичный факт. Кроме того, в силу традиционных, ритуальных особенностей могильников часто отдельные элементы материальной культуры в подобных

памятниках, а Рёлка не исключение, утрировались или умалялись. В данном случае ставится более скромная задача — попытаться выявить те признаки, которые в какой-то мере характеризуют хозяйство, быт, общественную организацию и историко-культурные связи рёлкинцев.

ХОЗЯЙСТВО

Хозяйство среднеобского населения было, по-видимому, комплексным с основным рыболовецко-охотничьим направлением. Уже сами природные условия заставляют предполагать такую форму, кроме того, должны были сказаться древние традиции. На это указывает, хотя и скудно, инвентарь могильника. Несомненно, что при наличии единой культуры основные виды промысла, на которых базировалось хозяйство, развивались неодинаково на этой обширной территории. В Нарымском Приобье господствовало традиционное рыболовецко-охотничье хозяйство, в Томском Приобье наряду с охотой и рыболовством продолжало развиваться скотоводство в большей степени, чем в северных районах. О занятии рыбоводством в могильнике очень мало свидетельств. Единственным указанием на то, что рёлкинцы ловили рыбу и употребляли ее в пищу, являются находки рыбьих костей в двух кострищах кургана 1. Однако раскопки поселений, одновременных могильнику, дают возможность составить более реальную картину значимости рыболовства в экономике среднеобского населения (Чиндина, 1976). Река играла важную роль, она была кормилицей и главным путем сообщения. Основным средством передвижения была лодка. Выше говорилось о глиняных моделях лодок, играющих особую роль в погребальном обряде. В могильниках Тимирязевском и Рёлке имеются орудия для изготовления лодки-долбленки — топоры-тесла. Некоторые из них специально приспособлены для этой цели: рабочая часть слегка вогнута внутрь, лезвие округленное. Такой топор, насаженный на древко, не врезался в дерево, а плавно скользил вдоль волокон ствола. Подобные топоры-тесла у населения средней Оби бытуют до до сих пор для изготовления обласков.

Об охотничьем промысле можно судить прежде всего по инвентарю могильника — большому количеству костяных наконечников стрел. Они различались по форме и величине: дифференциация определялась, по-видимому, их охотничьим назначением на конкретные виды добычи. Однако определен-

но судить об объектах охоты трудно. Среди остеологического материала могильника имеются кости домашних животных и птиц. Птицы были водоплавающие. Немногочисленные изделия из рога также свидетельствуют о возможной охоте на оленей или лосей. Косвенным указанием на объекты охоты может служить изобразительное искусство, большое место в котором занимают образы промысловых животных (лось, медведь, соболь) и водоплавающей и боровой дичи (утка, гусь, глухарь). Остатки меховых и кожаных изделий в погребениях также свидетельствуют о развитии охотничьего хозяйства. Кроме того, не следует забывать, что вторая половина 1 тыс. н. э. — период сложных историко-культурных изменений на юге, оказавших влияние на экономику таежного населения. В частности, усиливается роль промысловой пушной охоты, вызванной расширением торгового обмена.

У рёлкинских племен продолжало сохраняться скотоводство, достаточно хорошо развитое в древности. Очевидно, важнейшим домашним животным была лошадь. Об этом свидетельствуют захоронения лошади с умершим и верховая упряжь в могильниках Притомья и в Рёлке. Коневодство у населения Западной Сибири в более позднее время было обычным явлением. Разводились особые породы типа «вогулок» и «нарымчанок», хорошо переносивших специфические таежные условия. К сожалению, данных о породе лошадей из Рёлки нет, поэтому о специфике этой отрасли хозяйства конкретно трудно что-либо сказать.

В хозяйстве населения имели место различные ремесла — гончарное, ткацкое, обработка шкур, кож, дерева, все они носили, по-видимому, характер домашнего производства, за исключением двух последних. Открытие в 1973—1975 гг. на поселениях Малгет и Круглое озеро I литейных и кузнечных мастерских позволяет говорить об этих ремеслах как специализированных. Об этом же свидетельствует значительная стандартизация отдельных видов, тонкость и высокое качество бронзовых изделий, которое могло быть достигнуто лишь лицами, обладавшими рядом определенных, сравнительно сложных, практических навыков литья.

ОБЩЕСТВО

По способам захоронения и сопровождающим материалам заметны значительные различия между умершими. Они носили хронологический, обрядовый, этнический и социальный

характер. Провести четкую грань между ними чаще всего очень трудно. Каждый из этих признаков в той или иной мере присутствовал в большинстве обрядовых действий.

Половозрастные отличия касались оружия, украшений и деталей костюма. В женских могилах найдены только маленькие бронзовые пряжки, нет боевого оружия, кроме одного случая — в кургане 3, в могиле, был костяной наконечник стрелы. В детских могилах ни разу не встречены детали от пояса. Анализ всего имеющегося в могильнике материала по поясам свидетельствует, что пояс имел не только чисто утилитарное значение. Вероятно, пояса делились на мужские и женские. Детям до наступления определенного возраста они вообще не полагались. Можно думать, что эта деталь костюма имела отличительное свойство при обряде типа инициаций. Но и у взрослых членов общества пояс был показателем каких-то особенностей. Обращает на себя внимание закономерность присутствия поясов в некоторых скоплениях. Видимо, они могли служить как особенный дар. Ярко проступает отношение к поясу как знаку отличия на антропоморфных фигурках. Во-первых, пояса все различны: простые, наборные, одинарные, двойные; во-вторых, они есть не на всех изображениях; в третьих, очевидно, нарочитое подчеркивание пояса (занимает ненатурально много места, выходит за пределы фигуры). Самый богатый двойной пояс у воина (3; рис. 34, *3*; 44). Один, видимо, был наборный, другой — гладкий, только с пряжкой и обоймой для подвешивания меча. Последний пример наиболее ясно указывает на дифференциацию среди рёлкинцев. В период существования могильника особое значение поясу придавалось повсеместно. В южных районах пояса стали признаком воинской доблести, общественного положения, славы. Вполне возможно, что подобные явления наблюдались и у рёлкинцев.

Сожжение после смерти, кроме обрядовых моментов, свидетельствовало о каком-то особом положении умерших. Трудно утверждать, кто были эти люди. Ясно два факта: сжигание трупа проводилось чрезвычайно редко (известно 5 случаев из 58) и кремированный имел непосредственное отношение к отборному оружию, так как почти все боевое оружие могильника (защитное и наступательное) находилось в этих могилах. Учитывая сложную обстановку в это время и состав инвентаря, вполне целесообразно предположить, что это были воины. В Архиерейской заимке в могилах с полным

сожжением набор предметов аналогичен рёлкинскому, только там богаче наборные пояса.

В период частых военных столкновений отдельные личности выделялись храбростью, военным талантом и удачей и им, естественно, делалось предпочтение. Это могли быть и представители родовой знати. Во всяком случае полный набор военно-технических средств был под силу только избранным единицам. Даже в среде степных кочевников, у которых война была одним из основных занятий, полный боевой доспех имели лишь отборные воины и знать (Гумилев, 1967). Наличие в рёлкинских погребениях такого оружия с особым обрядом погребения свидетельствует о высокой степени социальной организации и развитой системе почитания определенной части общества — воинов.

По-видимому, в этот период зарождается эпос и обожествление всадника-богатыря, которое четко прослеживается в верованиях западносибирских народов. Угры считали всадника-воина проводником душ на небо. У селькупов один из родов вел свое начало от героя-богатыря. Особенно ярко военная героика проявляется в шаманских обрядах. Гр. Новицкий (1884, с. 44) писал об остяках: «...обаче знамения воинских дел: шабель, панцеров множество обретаются, но вся сил ветхая, а наипаче при кумирах, а откуда является, что древних лет народ сей упражняшеся воинскими делами». О том же обычае сообщал К. Доннер (1926, с. 47): «В избушке для богов... находился бог из дерева со своей женой... их защищало оружие... У входа еще одна фигура часового, на которой висела сабля и в другой руке держал меч». Нарымские шаманы, как впрочем шаманы и других районов, при камлании использовали оружие. В руках они держали стрелы (Костров, 1872, с. 53), на шаманских шапках крепились ножи «сомпыль нита» — шаманская сабля. Этими ножами шаман разрезает облака при подъеме на небо и сражается с враждебными духами (Прокофьев, 1949 а, с. 370).

С. К. Патканов (1891, с. 26), анализируя остяцкий фольклор XIII в. и арабские летописи XI в., дает интересное описание вооружения остяцких князей. Непременной принадлежностью князя как на войне, так и в доме, были кольчуга и меч, лук и стрелы. Кольчуга имела форму остяцкого «гуся», т. е. с рукавами и шлемом. Она пользовалась большим почетом. Ее называли «одеждой, спасающей душу», «внушающим страх одеянием из полотна многих земель».

Здесь отмечено два интересных момента: оружие характерно для князя, оно привозное. Иноземного происхождения были мечи. Арабские источники указывают, что волжские булгары вели на севере с югрою торговлю, причем меняли меха на острые железные предметы.

Среднеобское население в раннем средневековье получало боевое оружие, по всей вероятности, от южных соседей. Типы рёлкинского боевого оружия, Архиерейской заимки и Елыкаевского клада аналогичны распространенному в то время среди евразийского кочевого мира. Южное происхождение подчеркивается своеобразным, но чуждым для Приобья декоративным оформлением деталей оружия (оправа ножен в Рёлке).

Однако преувеличение импорта вооружения вряд ли будет правильным. Кузнечное дело у среднеобского населения было развито достаточно хорошо. В Архиерейской заимке, в погребении 5, совершенном по обряду сожжения, кроме оружия (стрелы, кинжал, нож, панцирные пластинки), поясных наборов, глиняного сосуда, птицевидного идола и бронзовой чаши был еще инструмент кузнеца — щипцы. В Малгетских литейных мастерских этого времени найдены наконечники стрел, панцирные пластинки.

В погребениях с трупоположением также заметна дифференциация. Здесь показателем неоднородности являлась погребальная жертва — лошадь, которая была далеко не во всех могилах. Половозрастными особенностями этот признак не объясняется, так как погребения с лошадью есть в мужских, женских и детских могилах. Из 25 могил, имевших краниологический материал, в 8 — захоронение с лошадьми[24], из них в 11 женских могилах[25] — 3, в 6 мужских — 3, в 6 детских—2.

В Рёлке выделяется категория умерших, захороненных без вещей. Речь идет не о разрушенных могилах, а о тех, где нет ни одного предмета, способного долго сохраняться в земле (курган 1, могила 3; курган 2, могила 6; курган 8; курган 10, могила 2). Причины такого явления неясны. Роли не играли половозрастной признак и форма погребения, есть

---

[24] Всего в могильнике 19 погребений с конем. Из 12 захоронений, оставшихся неопределенными, можно исключить детские.

[25] Могилы с парным или групповым захоронением не учитывались, чтобы не вносить путаницы.

могилы грунтовые, наземные с повторными захоронениями, мужские, женские, детские.

Возможно, умершего полагалось хоронить в могиле без вещей, а вещи класть где-нибудь рядом, как это было, например, у селькупов позднее в сидячих захоронениях. «В могилу садили завернутый в бересту или шкуры труп. С покойником в могилу не полагалось никаких вещей... рядом закапывали в землю принадлежащие ему вещи» (Пелих, 1972, с. 70). Косвенным свидетельством этого предположения могут служить вещи, которые постоянно встречаются в насыпях курганов. Связать могилы со скоплениями трудно, так как последние есть и в тех курганах, где нет погребений без вещей, а там, где встречаются совместно, они расположены далеко друг от друга. В то же время вещи из насыпей необязательно могли принадлежать конкретно данному погребению.

Другое объяснение данному факту следует искать в понимании рёлкинцами непосредственной ценности имущества и значение его как отличительного признака. В таком случае они выделяли людей, которым после смерти вообще не полагалось имущества, т. е. они должны были жить в загробном мире в таком же состоянии, как и на земле. Это могли быть пленники, принятые в коллектив, но без прав на собственность, или провинившиеся члены общества, лишенные родовых прав, вплоть до имущественного наказания.

Общественные взаимоотношения рёлкинцев проявились и в других особенностях погребального обряда. Почти каждая курганная насыпь могильника скрывала несколько погребений, являясь микрокладбищем определенной группы людей. Это заметно уже по тому, как старались захоронить именно на этом месте: из-за ограниченности территории могилы располагались ярусами.

Специфику связей между курганами можно уловить при наблюдении за распределением в них керамики. Сопоставление типов в данном случае не годится. Типы представляли обобщенный облик керамики всей культуры и являлись показателем общих хронологических и этнокультурных изменений. Для внутрикультурной динамики типы были менее чуткими индикаторами. В интересующем нас вопросе предпочтение следует отдать орнаментации керамики.

Орнамент в целом и керамический, в частности, выполнял различные функции. С одной стороны, он играл изобразительную роль, удовлетворяя эстетические потребности людей и раскрывая их художественные способности. С другой сторо-

ны, через орнамент в отвлеченной форме древние мастера пытались передать понимание конкретной действительности. Благодаря этим качествам орнаментов, удается иногда проследить эндогенные и экзогенные процессы, происходящие в обществе.

В Рёлке орнаменты систематизировались в 8 групп (табл. 4). Первая группа условная, она объединяла различные орнаменты, восьмая полностью ассоциируется с III типом, поэтому в дальнейшем использоваться не могут в силу недифференцированности. Следующий этап работы заключался в отборе орнаментов из 6 групп, характерных I и II типам. Выяснилось, что 2-я (ямочно-гребенчатый), 4-я (жемчужно-гребенчатый) и 5-я (фигурная гребенка) группы орнаментов были распространены во всех исследуемых курганах[26] и естественно из систематизации выпадают. Остаются орнаменты — простой гребенчатый (3-я группа), гребенчато-штамповый (6-я группа) и фигурный штамп (7-я группа). По встречаемости этих орнаментов курганы составили три группы. Связующими для всех групп являлись курганы 4 и 6 (схема 2).

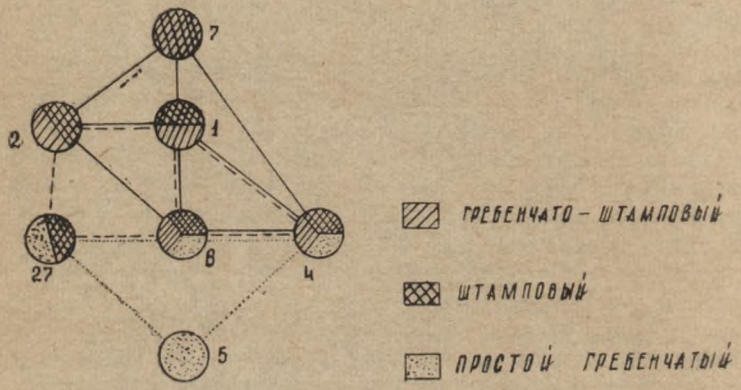


Схема 2. Взаимосвязь курганов по группам орнамента

Дальнейшее дробление орнаментов проведено на элементы. Здесь для сопоставления оказались пригодными только фигурные штампы. Остальные элементы частично вошли

[26] Сравнение проводилось только в семи курганах (1, 2, 4, 5, 6, 7, 27), так как в других выборка керамики крайне мала. В этих случаях лишь констатируется факт наличия фигурно-штамповой керамики. Ее нет только в трех маленьких курганах, где по одному погребению (табл. 15).

в первый этап (ямки, жемчужины), другие в силу всеобщей распространяемости оказались индифферентными в корреляции.

Штампы, встреченные на керамике Рёлка,— уточка, ромб, елочка, треугольник. Распределялись они в курганах таким образом, что в некоторых из них преобладал один штамп, в некоторых — другой. По однородным штампам курганы также объединяются в три группы (схема 3).

В отличие от первой системы здесь нет ни одного кургана, где бы встретились все имеющиеся в могильнике штампы.

Из сравнения двух систем становится очевидным, что курганы стабильно делятся на три группы, причем эти группы почти полностью состоят из одинаковых курганов. Объединения по группам орнамента крупнее, чем по элементам орнамента, и это вполне закономерно, так как в первом случае систематизирующую роль выполняют уже внутренне связанные блоки, а во втором — только элементы, зато здесь четче проступает система доминанты какого-то орнамента.

Обрядовые различия погребений и половозрастные признаки не объясняют причины господства в каждом кургане однородных орнаментов. Керамика с одинаковыми штампами, например, найдена в могилах с сожжением и трупоположением в детских, женских и мужских могилах.

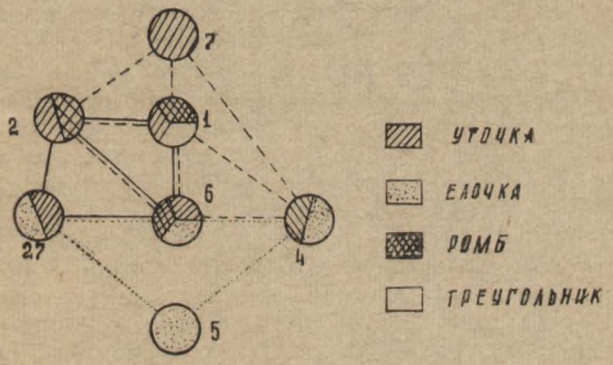


Схема 3. Взаимосвязь курганов по фигурным штампам

Доминирование отдельных штампов в пределах общего типа четко проявилось на керамике поселений из Нарымского Приобья (Чиндина, 1976). Могли ли играть роль в распреде-

лении орнаментов хронологические причины? По всей видимости, да. Если обратиться к истории возникновения и развития фигурных штампов на керамике, то становится очевидным их неодновременное появление. Во второй половине I тыс. до н. э. повсеместно господствовал штамп уточка, заметное место занимали треугольники, но их начертание было отличным от поздних.

К середине I тыс. н. э. количество форм фигурных штампов резко увеличивается и, как уже отмечалось, происходит «оседание» отдельных видов на поселениях. Мною проводилась попытка дать относительную хронологию поселений на р. Шудельке (Чиндина, 1976). В абсолютных числах выразить ее вряд ли удастся, так как вновь появившиеся штампы обычно сосуществовали с ранее известными. В курганах Рёлки проследить хронологическую разницу оказалось еще труднее. Сложность хронологической градации орнаментов заключается в том, что их появление определялось не только простым развитием художественных форм, а их смысловым содержанием. Это обеспечивало длительность, устойчивость сосуществования и закономерность распределения орнаментов на конкретных предметах различных периодов.

Семантику фигурных штампов подчас удается расшифровать. В свое время В. Н. Чернецов (1953, с. 69) указывал, что фигурные штампы на бересте, керамике являлись изображениями животных, птиц (или их следов), деревьев или их ветвей. Эту же мысль поддержал С. В. Иванов (1963, с. 116—117), правда, уточняя, что не обязательно все штампы — следы. Во всяком случае оба автора ряд штампов, оттиснутых обскими уграми и селькупами на бересте, прямо связывают с изображением птиц, животных и деревьев. В частности, веерные орнаменты, подобные штампам на посуде поселений, синхронных Рёлке, Гришкино и Круглому озеру I, изображают следы медведя; ромбы (Малгет, Гришкино, Рёлка) — следы лисицы; елочка (Круглое озеро I, Гришкино, Малгет, Рёлка) отождествлялась селькупами со священным деревом — кедром, изображенным обычно с корнями и шишками (Иванов, 1954; 1963, с. 117—118, рис. 66—67). Определение штампа уточки в этнографической литературе не встречалось.

В. Н. Чернецов (1948, с. 148) указывал, что орнамент в ряде мест, кроме декоративного значения, служил отличительным признаком принадлежности к тому или иному роду. На этом основании он предполагал, что в прошлом орнамент

был связан с изображением родового тотема. Ханты Югана (женщины) на нижней части голенища обуви делали орнамент, символизирующий принадлежность к определенному роду. Баишенские селькупы прибивали над дверью орнаментированную дощечку, являющуюся родовым узором (Прокофьева, 1950, с. 32). Вполне возможно, что стремление выделить свой отличительный символ, выразившийся в господстве отдельных штампов в орнаменте посуды на памятниках раннего средневековья, объяснялось также особенностями социальной организации того времени. Из общего арсенала существовавших орнаментов присваивался какой-то один, главный для данной группы. По традиции он, вероятно, имел сакральный смысл.

В плане общественной организации рёлкинцев интересно рассмотреть предметы художественного литья. Возможные варианты толкования с религиозных позиций этих своеобразных изделий уже приводились, но некоторые изображения скорее всего свидетельствовали о своеобразии общественных отношений между людьми. В особенности это относится к группе сложных образов. Сложные изображения представляют какой-то общий сюжет и рассматривать их необходимо в единении. В подавляющем большинстве исследователи связывают сложные сюжеты пермского и сибирского звериного стиля с древней идеологией человека — тотемизмом.

В Рёлке сложные образы распадаются по сюжету, манере подачи каждого образа, технике исполнения на три группы: 1. Обычно сочетаются два конкретных образа. В литературе они известны как «Борьба животных»: орел на голове лося, на медведе, соболь на голове лося, медведь на лосе. Литье полое, объемное, плоское. 2. Птица или медвень с личиной на груди. 3. Два изображения — «сулде» и «ящер» и два изображения с тремя медведями.

Рёлкинские сложные изображения состоят, как правило, из разных компонентов. В целом среди собранного в могильнике литья выявляются какие-то образы, которые чаще фигурируют в композициях, другие — реже. Удается проследить некоторую закономерность: из всего многообразия сочетаний выделяются образы, к которым присоединились другие. Самыми распространенными образами были медведь, лось, орел. Они сочетались между собой, но только по два, ни разу не встречены они на одном изображении все вместе. Каждый из них составлял композицию с каким-то другим видом.

Состав сложных образов на изображениях из Рёлки в сочетаниях выглядел следующим образом:

медведь	орел	лось
орел	медведь	медведь
лось	лось	орел
сова	солнце	соболь
мужчина		человек

Причем все сочетания только из двух образов. На графике эти сочетания смотрятся нагляднее (схема 4).

В курганах сложные образы, как выяснилось, распределялись не беспорядочно, а по определенной системе: выделилось четыре группы. Сюжеты с медведем объединяли курганы 1, 2, 5, 7; с орлом — 1, 6; с лосем — 1, 2, 6; с совой — 5, 6, 9 (схема 5). Каждому кургану свойственны свои сочетания, которые не известны в других. Исключение составляют курганы 6 и 9, где найдены изображения сов с личиной на груди. В одном кургане одинаковые сочетания встречались не раз (курганы 1 и 7).

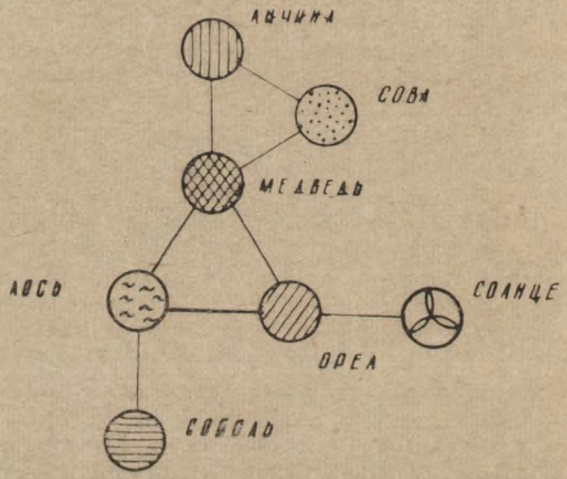


Схема 4. Взаимосвязь образов на сложных изображениях

Строгое разграничение круга животных существ в изображениях, по-видимому, определялось четкими представлениями

рёлкинцев о связи с природой и совершенно конкретными ее представителями, а также свидетельствовало об отработанной форме социальной структуры общества. Получалось как бы деление на два круга по степени общности образов: большой, который объединял значительные группы по образам лося, медведя, орла, и малый, в состав которого входили различные образы.

Таким образом, по орнаментации керамики и особенностям изображений выясняется, что могильник Рёлка был оставлен людьми какой-то значительной родственной общности. По степени родственной близости вначале идут отдельные курганы. Часть курганов по одинаковым орнаментам и зооморфным сюжетам объединялась в родственные группы, представлявшие более крупные родственные объединения.

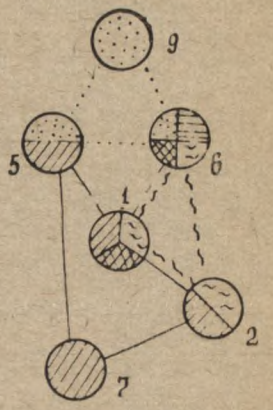


Схема 5. Взаимосвязь курганов по сложным образам

Анализируя материалы синхронных поселений из Нарымского Приобья (Чиндина, 1976), удалось установить, что эти поселения объединяли несколько хозяйственных комплексов, являвшихся, вероятно, отдельными семьями. В целом они составляли семейную общину на поселении. Семьи были самостоятельными экономическими единицами, что позволило по мере естественного разрастания семейной общины выделяться этим семьям. Дочерние семьи давали начало новому поселению. Им были присущи какие-то индивидуальные черты, например, свои особенности ориентации, своя символика. Они приобретают новые, брачные связи, что выразилось в появлении новых зооморфных образов, в сложных сюжетах при наличии общих для всего более крупного родственного объединения. Несколько общин имели общее кладбище с единым обрядом погребения и однотипным инвентарем. Но на нем имелось определенное место для каждой семьи, что еще раз подчеркивало ее экономическую самостоятельность.

Полного представления о характере взаимоотношений внутри объединений и между ними на материалах могильника составить нельзя. Но очевидно, что имущественная дифференциация проявилась достаточно заметно. Она выразилась в особом почитании воина, а, возможно, даже

9. Заказ 6194.

военачальника, отсутствии богатой жертвы в ряде погребений или полностью имущества. О процессе разложения родовых отношений свидетельствует выделение мелких родственных групп, образовывавших новые поселки, имевших собственные усыпальницы на общеродовом некрополе.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Рёлкинская культура, складываясь и развиваясь на местной основе, находилась в постоянном контакте с соседними культурами, являлась активной участницей общеисторических процессов сибирских народов в раннем средневековье. Эти контакты имели разнообразные формы, возникали в разное время. Некоторые из них имели длительную и сложную историю, другие появлялись неожиданно и ненадолго. Наличие общих форм изделий является свидетельством обмена между отдельными областями. При подборе аналогий вещам из могильника Рёлка уже приходилось останавливаться на широком ареале распространения некоторых видов изделий. Связи осуществлялись во всех направлениях. Общие черты в некоторых обрядах и элементах материальной культуры рёлкинцев и их соседей дают основания для поисков более глубоких контактов, чем простой товарообмен и заимствования.

Прочные экономические и этнокультурные связи установились у среднеобского населения с югом задолго до появления Рёлки. Начиная с III в. до н. э., кулайские племена интенсивно проникают из Нарымского Приобья на юг (Троицкая, 1971, с. 95; Могильников, 1973, с. 181). На саровском этапе связь северных и южных групп кулайцев продолжает существовать (Чиндина, 1973, 1973 а). Но одновременно пришлые группы усваивают культурные традиции вновь освоенных территорий, становясь посредниками в передаче этих традиций на север. Позднее, в раннее средневековье, на территорию Притомья и Причулымья проникают с юго-востока какие-то группы населения, принесшие с собой валиковую керамику (III тип). В отличие от I и II типов валиковая керамика не имеет местных истоков. В эпоху раннего железа валиковая керамика, типологически близкая среднеобской, была распространена в Восточной Сибири, где она генетически связана с предшествующей керамикой эпохи бронзы. На это сходство указывал еще К. Э. Гриневич (1947, с. 145, 147), рассматривая басандайскую керамику.

Исследования стоянки Казачка на р. Кане и памятников на р. Вилюе свидетельствуют о чуждом происхождении валиковой керамики на средней Оби, хотя здесь она уже подверглась определенной местной переработке. Хронология валиковой керамики в Восточной Сибири пока что не определена. Первый слой стоянки Казачка исследователи относят к эпохе железа (Савельев и др., 1976, с. 30). Несколько конкретнее «ранним железным веком, т. е. серединой I тыс. н. э.», датируется верхний слой с валиковой керамикой стоянки Тумул (Федосеева, 1968, с. 90).

Рёлкинский вариант валиковой керамики отличался устойчивым сочетанием ряда признаков — вытянутой мягко профилированной формой сосудов, орнаментацией горизонтальных и вертикальных налепных валиков с насечкой гладким или гребенчатым штампом. Именно эти признаки были наименее подвержены изменениям. Примечательно, что дополнительные орнаменты местного происхождения как бы прививались на имеющуюся основу и их перечень зависел от того региона, куда попадала валиковая керамика: на юге это обычно гребенчатые и вафельные штампы, на севере — уточка, ромб, розетка.

Слабая изученность валиковой керамики, отсутствие прочных датировок затрудняет решение ряда вопросов: когда появилась эта керамика в Среднем Приобье, что послужило причиной миграции населения из восточных районов на запад, кто были носители этой керамики. Это могло произойти в период Великого переселения народов, когда многие группы, подхваченные общим потоком, перемещались в другие места. Возможно валиковую керамику принесли люди, вытолкнутые из родных мест и вынужденные искать счастья на чужбине, в результате непрерывной борьбы кыргызских каганов с различными государственными и племенными объединениями Тюркского каганата.

Рёлкинское население жило в сложный культурно-исторический период VI—VIII вв. В степях Евразии и соседних лесостепных областях завершается распад первобытнообщинных отношений и зарождаются новые — феодальные. Специфика кочевого и полукочевого хозяйства определила и своеобразные политические формы организаций и взаимоотношений с различными исторически сложившимися культурными общностями. В VI в. образовался Великий Тюркский каганат. Его появление сыграло огромную роль в истории соседних племен и, в частности, среднеобских. Наличие силь-

ного соседа требовало усиления военного потенциала, с другой стороны, укрепляло и стабилизировало торговые связи И то и другое, как можно было видеть, влекло к резким изменениям в экономике, к социальным сдвигам.

Судя по материалам могильника Рёлки, товарообмен с югом шел интенсивный. Оттуда поступала медь, готовые бронзовые и железные изделия, украшения, ткани. В могильнике (курган 5) обнаружены остатки шелковой ткани тафтяного плетения, из которой был сделан головной убор женщины. К предметам ввоза следует отнести основные виды боевого и оборонительного оружия и, по-видимому, конского снаряжения всадников. Охотно брали в обмен бусы, некоторые детали поясных наборов, бронзовые сосуды, благодаря их художественной и материальной ценности. Большинство товаров поступало с юго-запада, так как на привозимых изделиях ощутимо чувствовалось художественное влияние Среднего Востока. Особенно красноречиво об этом свидетельствует торевтика из Рёлки, Архиерейской заимки и Васюганского клада и оправы ножен рёлкинских мечей. О том, на что вели обмен среднеобские племена, можно только догадываться, так как материалов пока нет. Скорее всего основным товаром были меха, высоко ценившиеся на рынке между Востоком и Западом.

На первых порах взаимоотношения с югом складывлись, по-видимому, мирно. Занятые улаживанием своих дел на Западе и Востоке, тюрки не собирались воевать с северными соседями, тем самым наживать лишнего врага. Кроме того, тюркская армия, состоявшая из конницы, не годилась для военных действий в лесах. Поэтому было выгоднее поддерживать дружелюбные контакты. В VII в. границы Тюркского каганата достигают максимальных размеров. В результате расширения их владений перестала существовать родственная рёлкинской верхнеобская культура. Ее территория с частью населения была включена в состав тюркского государства, часть племен продвинулась на север. Возможно, с ними пришел обычай хоронить с конем, заимствованный еще у ранних кочевников, так как параллели носили архаичный характер, отличный от обычаев тюрок, современных верхнеобским племенам.

В связи с южным влиянием на среднеобское население есть смысл еще раз вернуться к бронзовым изображениям фигур человека. По всем признакам это традиционные западносибирские изделия. Но на них есть ряд черт, не свой-

ственных местному стилю. Стремление обязательного отображения воинских реалий с характерной системой их расположения, статичность и монументальность поз недвусмысленно напоминают каменные изваяния южных степей. Скорее всего это было простое подражание, вызванное соседством могущественного военного объединения. Ведь у тюрок в значительной степени заимствовался и тип вооружения. Однако не исключено, что в дальнейшем удастся обнаружить и более глубокие связи.

В VIII в. юго-западный связи начинают ослабевать и перемещаются на юго-восток. В могильниках у Архиерейской заимки и д. Могильники появляется все больше вещей тюркского и кыргызского происхождения. В это время усиливается древнехакасское государство, которое, победив тюрок, одновременно устанавливает торговые и дипломатические контакты со своими соседями.

Торговые связи среднеобского населения на западе доходили до Урала, а возможно и дальше. К сожалению, Рёлка и другие памятники дают фрагментарный материал, по которому трудно выявить предметы экспорта и ввоза. На археологическом материале об обмене между двумя конкретными сторонами можно судить в том случае, когда безусловно, известно точное производство вещей в этих областях. Товары далекого импорта без дополнительных данных не могут быть бесспорным показателем направления торговых связей. Например, бронзовые чаши из Рёлки, Васюганского клада и Архиерейской заимки могли попасть туда необязательно прямым путем с юга, а кружным, и, вполне вероятно, через западные связи. Именно художественный металл Востока наряду с тканями занимал доминирующее место в торговле с волжскими булгарами и финно-угорскими племенами (Даркевич, 1976, с. 6).

К предметам, поступившим в Среднее Приобье с запада, следует отнести найденные в Рёлке, Архиерейской заимке и Могильниках подвеску с изображением сулде, эполетообразную застежку и трехрогие поясные бляхи. Широкие пояса с крупными застежками были нехарактерны для Приобья и попадали туда с Урала и Прикамья, где они являлись показателем культурных особенностей. Как уже отмечалось, подвеска с изображением сулде (28; рис. 34, *12*) — уникальная находка в Западной Сибири, и ее появление в Рёлке может свидетельствовать о несомненных связях с Приуральским

Западом. Правда, они могли осуществляться необязательно непосредственно, а через страны-посредники.

Взаимоотношения с непосредственными соседями на северо-западе были более сложные и не ограничивались простым обменом. На саровском этапе кулайской культуры наблюдается интенсивная инфильтрация среднеобского населения далеко в глубь таежных северо-западных территорий. Там они постепенно смешиваются с местным населением и возникает новая культура эпохи раннего средневековья — нижнеобская. По-видимому, в это время происходит обратный процесс миграции. В верховьях Васюгана и на Вахе обнаружены памятники, содержащие керамику оронтурского типа (Посредников, 1969; Кирюшин, 1976). Вполне возможно, что это начало процесса проникновения древнехантыйского населения в Васюганье и на юг Сургутского Приобья, зафиксированного лингвистами и этнографами (Калинина, 1959, 1961; Беккер, 1968; Лукина, 1972).

Вопрос об этнической принадлежности населения Среднего Приобья исследователями поднимался неоднократно. М. П. Грязнов (1956, с. 134), характеризуя верхнеобские племена, определил их как угорские. Относительно племен севера и северо-запада он указывал, что «пока трудно решить, принадлежат ли они по представленной ими культуре к одной этнической группе с населением верхней Оби или к другой, ему родственной». В. Н. Чернецов (1969) высказывался на этот счет более определенно. Территорию между средним Иртышом и Енисеем он предложил рассматривать как место формирования древнесамоедской группы. В Среднем Приобье им была выделена культура, родственная нижнеобской, хантыйской, но принадлежащая другой этнической группе — древнеселькупской (Чернецов, 1957, с. 238). Последняя точка зрения была поддержана исследованиями М. Ф. Косарева (1969, 1974, 1974а), В. А. Могильникова (1969, 1976) и Л. А. Чиндиной (1967, 1970, 1973). Не останавливаясь сейчас на этногенезе самодийцев, необходимо еще раз отметить, что рёлкинская культура была неоднородна, она перерабатывала многокомпонентность кулайской культуры, которая в свою очередь унаследовала ее с эпохи бронзы. Основной же компонент принял участие в формировании древних селькупов и начало этого процесса, по-видимому, падает на время рёлкинской культуры. Для аргументации высказанной точки зрения вернемся к материалам могильника.

Могильник Рёлка находился на территории, где в XVII в. существовала Кортульская инородческая волость. В ней проживали остяки-селькупы (Бояршинова, 1950; Долгих, 1960). Здесь мы имеем удачную возможность сравнить погребальный обряд и другие элементы культуры с материалами этнически определенных археологических памятников. В Нарымском Приобье известны могильники XV—XVII вв., которые были оставлены селькупами, — Остяцкий, Пачангский[27], Пудангский и Тискинский (Дульзон, 1955; Чиндина, 1975). К сожалению, между поздними археологическими могильниками и Рёлкой большой хронологический разрыв, а непрерывного ряда памятников, по которым можно проследить эволюцию развития материальной культуры, пока нет. Известны только два могильника, относящиеся к первой четверти II тыс. — Кустовский и Бедеровский, но сведения из них чрезвычайно скудные, особенно из последнего (Кутафьев, 1938; Дульзон, 1956). Поскольку материалы этих памятников почти не известны, есть необходимость охарактеризовать их подробнее.

Кустовский курганный могильник расположен на р. Кенге. П. И. Кутафьев раскопал 4 кургана из 15. Под насыпью курганов было по одной-две могилы. Существовало трупоположение и сожжение. Погребенные лежали на спине, руки сложены вместе, ниже живота. Ориентированы головой на юг и юго — юго-запад. Один курган был, по-видимому, кенотафом, так как в нем вместо скелета человека обнаружена деревянная чурка, снабженная по аналогии с умершим всем необходимым. В могилах собран различный инвентарь — ножи, наконечники стрел, огниво, пряжка, лапчатые подвески. Во всех могилах найдены глиняные сосуды, стоявшие обязательно в ногах, как в поздних могильниках и у селькупов, по данным этнографии (Пелих, 1972, с. 76). Могильник отнесен А. П. Дульзоном к периоду до XIII в. Дату можно несколько конкретизировать. Могильник мог возникнуть значительно раньше, так как лапчатые подвески, которыми была украшена сумка, появились и распространились в X—XI вв. Тогда же существовали и плоские черешковые наконечники стрел с шипами. Примерно к этому же времени или чуть позднее относился

---

[27] Эти два памятника находились рядом с Рёлкой. Пачангский могильник и Рёлка располагались против друг друга на противоположных берегах р. Пачанги.

Бедеровский могильник, Юторское городище и Иванкинское поселение.

Посуда этих памятников по форме и орнаментальному стилю ближе к керамике поздних могильников. Однако композиция узора еще сильно перекликается с орнаментацией рёлкинского (I) типа. Изредка встречается штамповая орнаментация или подражение ей — из простых элементов (гребенки, гладкого штампа, ямок) составлялись уточки, ромбы. Но эти два направления в орнаменте, прежде так четко разграниченные, теперь смешиваются.

В поздних могильниках выявляется комплекс общих признаков, адекватных селькупскому погребальному обряду, которые отличают его от обряда чулымских тюрков, кетов и хантов (Чиндина, 1975). К ним относятся захоронения в курганах со специфической системой насыпи с n-количеством погребений, неглубокие захоронения и захоронения на поверхности, положение умершего на спине, ориентация в юго-восточном направлении, наличие в могиле глиняной посуды.

В Кустовском могильнике имеется такое же сочетание признаков, за исключением отклонения от характерных для поздних погребений норм ориентации. Здесь наблюдалось тяготение к юго-западному направлению.

Сопоставление материалов Рёлки с поздними археологическими и этнографическими данными дает большое число параллелей и значительно расширяет круг признаков, которые были выделены для поздних могильников.

Могильник Рёлка курганный. Высокие насыпи курганов возводились постепенно по мере новых захоронений. Как правило, под одной насыпью было несколько могил, причем все они сооружены на различном уровне, часто находят одна на другую. Такая система захоронений была широко распространена среди населения Нарымского Приобья и в более позднее время. «Прежде у отцов наших был обычай погребать мертвых на поверхности земли. Покойника клали в гроб, с ним вместе клали еще кое-что — одежду, лук, стрелы, топор, нож, ложку, котел и т. д. На все это наваливали земляной холм... А так как гробы, по рассказам, ставились не рядом, а один над другим, то холм мало-помалу возрастал до необыкновенной высоты» (Костров, 1872, с. 62). В поздних могильниках (Остяцкий, Пачангский, Пудангский и Тискинский) этот признак прослеживается очень четко.

Более того, территорию, где предполагалось хоронить определенной группе, ограничивали рвом или оградой и при последующих захоронениях старались не выходить за ее пределы (Пудангский, Тискинский могильники). В Рёлке такими ограничителями служили естественные всхолмления. Возможно, были еще дополнительные сооружения, которые проследить не удалось.

В погребальном обряде Рёлки существовал подобный поздним могильникам ритуал трупоположения и частичного сожжения с преобладанием первого. В могильнике обнаружена одна могила (курган 5, могила 3), где форма захоронения с сожжением детально повторяется в поздних могилах (обжигание покойника сверху). Огонь применялся для обжигания места погребения в особых случаях как в Рёлке, так и в поздних могильниках и селькупских захоронениях (Пелих, 1972, с. 73). Погребения совершались на поверхности или в неглубоких могилах, на спине, с преобладанием юго-восточной ориентации. В могилу клали глиняную посуду. Правда, в расположении ее в могилах есть отличия. В Рёлке она встречается в ногах, головах, сбоку. В поздних могильниках, начиная, по-видимому, уже с XI в., сосуды ставили почти всегда в ногах, хотя и там допускались исключения. Любопытна одна деталь — в Рёлке (курган 1, могила 13) и Тискинском могильнике (курган 1, могила 3) в сосудах лежали костяные наконечники стрел.

Преемственность с поздними памятниками особенно ярко отразилась в посуде. В поздней керамике сохраняются ранние черты не только в орнаменте, но и в форме сосудов. В могильнике Рёлке есть небольшая группа сосудов с «воротничковым» венчиком. Эта форма на поздних этапах является основной. В ранних памятниках она только зарождается. Своеобразной деталью является сохранение в посуде ладьевидных форм. На автохтонное происхождение орнаментов на поздней посуде обращали внимание все исследователи Приобья, справедливо видящие в нем основной этнокультурный показатель. В поздней керамике развиваются древние традиции, возникшие еще в эпоху бронзы. Сохраняется заполнение орнаментального поля горизонтальной елочкой, вертикальными и горизонтальными оттисками гребенки (или гладкого штампа), чередующимися иногда с ямками, наличие полных или усеченных зигзагов, дополненных ямочными элементами. В Рёлке это гребенчатая орнаментация I и II типов. Позднее меняется лишь стиль (другой тип гребенки, замена

его гладким штампом) и наблюдаются некоторые отклонения в композиции (орнаментация всего сосуда). Рёлкинская керамика, несомненно, разнообразнее поздней нарымской. Последнюю отличает четкая стандартность форм и орнаментов, ограниченных вышеперечисленными признаками. Разнообразие улавливается лишь в редком появлении орнаментации уточкой как отголоска рёлкинских фигурных штампов. Этот факт весьма показателен и объяснялся тем, что в рёлкинской культуре еще сильно сказывались различия древних традиций, дополненные новыми воздействиями. К XVI—XVII вв. эти различия значительно трансформировались и выработались стабильные признаки, выразившиеся в большем однообразии погребального обряда и стандартности посуды.

Материалы Рёлки во многом сопоставимы с этнографическими данными селькупов. Это уже упоминавшиеся захоронения без черепов или только черепов, особая система повторных погребений. Правда, эти два признака можно найти и в угорской этнографии, на что уже выше указывалось. Однако отдельные мелкие детали (например, захоронение не на помостах-лабазах, а на деревьях) придают им специфический, близкий селькупскому облик.

Рассматривая вопрос сохранения рёлкинских традиций в культуре селькупов, интересно обратиться к ладьевидным сосудам. Всего их в могильнике 11 экземпляров, но только 2 целых. Эти два сосуда — явно модели лодок, совершенно аналогичных поздним селькупским лодкам-долбленкам второго типа — ронтык (по классификации Г. И. Пелих, 1972, с. 15). Ронтык отличается рядом особенностей. У нее сильно закруглено дно, низкие борта, круто обрезана корма, а закругление к носу начинается чуть ли не с середины длины лодки, нос и корма высокие и заканчиваются своеобразными головками. Такие лодки не встречены ни у одного народа Западной Сибири, кроме селькупов (Лукина, 1966; Пелих, 1972). Е. Д. Прокофьева (1961, с. 60) относит их к «шаманским лодкам».

Одной из особенностей селькупов является сохранение в религиозных верованиях солярного культа в большей мере, чем у других западносибирских народностей. У них существовал определенный комплекс представлений, связанный с почитанием солнца, причем солярный культ представляется более древней формой верований, чем шаманство (Пелих, 1964, с. 144). В памятниках рёлкинского типа он также

проявляется довольно четко, особенно в самом могильнике. Прежде всего это распространенное изображение орла, птицы, наиболее почитаемой селькупами. С ним связано представление о небе, о солнце. Шаманы его называют «эсыныль сурык» — птица-солнце (Прокофьева, 1952, с. 98). В могильнике орел изображался с лосем, с медведем. В связи с солярным культом особый интерес представляет ажурная бляха с крестом в центре и с четырьмя орлами на внешней стороне круга (рис. 21, *15*, *35*, *7*, *50*). На этой бляхе каждая деталь, на наш взгляд, связана с солярными, космогоническими представлениями людей, оставивших могильник. Круг и крест — изображение солнца, характерное для большинства первобытных народов, распространено оно было и у селькупов. Выпуклины на кресте, окаймленные жгутовым, завихряющимся орнаментом, меандры — все это попытка передать «вечное движение, вечную жизнь» (Кочешков, 1966). Завершают всю композицию изображения орлов — еще одно свидетельство связи с небом, с солнцем.

Солнечные знаки мы находим и на других предметах — пряслице, керамике. Как говорилось раньше, на пряслице с одной стороны крест, символизирующий солнце, с другой — поперечная полоса (диаметр) — месяц (луна). На солнечной стороне изображено дерево и овал. Изображением в миниатюре передаются все детали рисунков на селькупском шаманском бубне (Прокофьева, 1949а, с. 342). Тот же крест, дерево, зигзаговая орнаментация, только на пряслице нет фигурок человека. Конечно, сам по себе символ солнца в виде орла или креста — явление, весьма распространенное не только у селькупов (Анучин В. И., 1914). Но рисунки дерева и овала — детали, которые позволяют с большей долей вероятности связывать его все-таки с поздними селькупскими солярными изображениями. Известно, что эти сюжеты у них являлись сакральными знаками. Овал (круг) с точкой в центре, дерево с диском солнца или месяца были солярными изображениями. Подобные солярные символы были чрезвычайно редки среди тамгообских угров, их нет совсем среди кетских. Много их у нарымских ясачных людей, селькупов (Симченко, 1965, с. 127, 136—138).

Перечисленные сходные признаки Рёлки, поздних могильников селькупов (орнамент, погребальный обряд, религиозные верования), относились к различным сферам культуры, что является достаточно убедительным свидетельством их генетической связи. Интересные и важные для нас исследо-

вания были проведены антропологами: сравнены черепа VII—X вв. с черепами современных селькупов, чулымцев и томско-чулымских тюрок (Розов, Дремов, 1966).

Серия черепов из могильников Красный Яр, Умна, Юрт-Акбалык, Могильницкого и Рёлки относится, как известно, примерно к одному времени — VII—X вв. Общность антропологического типа позволила объединить все эти черепа в одну серию, которая представлена 24 мужскими и 18 женскими черепами. По совокупности всех признаков черепов I тыс. н. э. они относятся к уральскому расовому типу. Далее было проведено сравнение этой серии с черепами современных селькупов, чулымцев и томско-чулымских тюрков. Выяснилась их большая близость. Однако конкретно черепа VII—X вв. ближе всего к селькупам, причем к более древнему (А) типу (всего среди селькупов выделяется три антропологических типа).

Изучение черепов VII—X вв. из могильников Среднего Приобья приводит к выводу, что «антропологический тип древнего населения второй половины I тыс. н. э. имеет большое сходство с населением более позднего времени. Особенно отчетливо оно проявляется при сравнении с селькупами XV—XVIII вв.» (Розов, Дремов, 1966, с. 131).

Сравнение материалов Рёлки и поздних могильников дает значительный комплекс совпадений. Полного тождества по всем признакам нет и это естественно, так как поздние могильники и Рёлка фиксируют разный социально-экономический степень этногенетических изменений.
уровень развития населения Среднего Приобья и различную

Во второй половине I тыс. будущая селькупская общность только начинает формироваться. К XVII в. она уже сложилась, хотя и не представляла единого монолитного целого, а делилась на несколько этнографических групп (Долгих, 1960; Пелих, 1972). Кроме того, после функционирования Рёлки произошли крупные политические события, повлиявшие на особенности этнических процессов: с IX в. — начало интенсивной тюркизации, в XVI в. — русская колонизация.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обилие информации, которую дает могильник Рёлка, ставит его в ряд важнейших исторических источников для изучения этнокультурных и экономико-социальных особенностей населения Западной Сибири середины I тыс. н. э. Систематизированный и надежно датированный материал могильника явился эталонным для синхронизации и выявления среднеобских памятников рёлкинского типа. В результате выяснилось, что они составляют одну культурную общность, в которой на данном этапе исследования четко проступают два локальных варианта — Нарымский и Томский. Особенности регионов ярко отражает керамика I и II типов. Томскому Приобью характерна посуда, украшенная простым гребенчатым орнаментом, Нарымскому — фигурно-штамповым. Из-за недостатка материала точные границы этой общности определить пока невозможно. По данным могильника трудно установить и хронологические рамки культуры. Памятник существовал в VI—VIII вв., но вряд ли он фиксировал весь период культуры.

Материалы могильника указывают на глубокие связи рёлкинской культуры с предшествующими, начиная с эпохи бронзы. Ярким свидетельством преемственности является сохранение архаичных кулайских черт в керамике, художественном литье и особенностях ритуальных действий. В дальнейшем ряд рёлкинских традиций в погребальном обряде и керамике продолжает сохраняться в поздних археологических памятниках, оставленных селькупами XVI—VII вв.

Разнокомпонентность рёлкинской культуры, выразившаяся в многообразии керамики и погребальных обрядов, сложилась исторически. Отчасти различные традиции были унаследованы от кулайцев, кроме того, прилив новых культурных влияний шел и во времена рёлкинцев. К числу

пришлых элементов, по-видимому, следует отнести валиковую керамику (III тип), истоки которой уходят в Восточную Сибирь.

Среднее Приобье раннего средневековья не было отсталым в культурном отношении районом. Здесь продолжали развиваться традиционные формы хозяйства — охота, рыболовство, скотоводство. Дальнейшее развитие получает художественное бронзовое литье и обработка железа, ставшие специализированным производством. Развитие экономики, сложные общественно-политические процессы в соседнем кочевом мире вели к подтачиванию древних родовых устоев. У рёлкинцев наметилась тенденция к выделению из среды общинников особо почитаемой категории людей — воинов.

По материалам погребального обряда удается получить ценные сведения о древнем мировоззрении рёлкинцев, в частности, о их религиозных представлениях. Своеобразное понятие о смерти как акте переселения в иной мир, анимистические представления, выразившиеся в создании разнообразных вместилищ душ умершего, жертвоприношения, культы — все это источники для истории религии западносибирских народов.

Объем работы, да и задачи ее не позволили остановиться подробно на вопросах этнических взаимодействий культур раннего средневековья в Приобье. Вне поля зрения осталась детальная разработка проблем, связанных с историей культового литья. Эти и другие сюжеты, возникающие при знакомстве с могильником Рёлка, должны стать предметом самостоятельного исследования.

ПРИЛОЖЕНИЯ

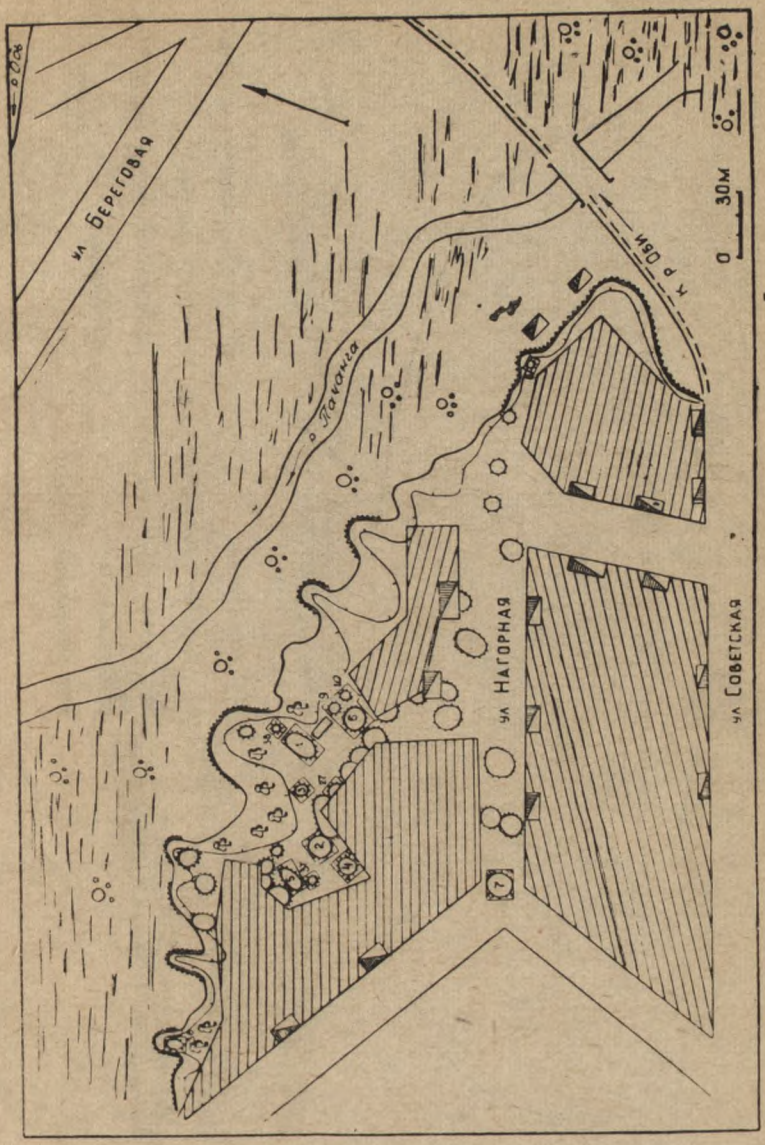


Рис. 1. План могильника Рёлки

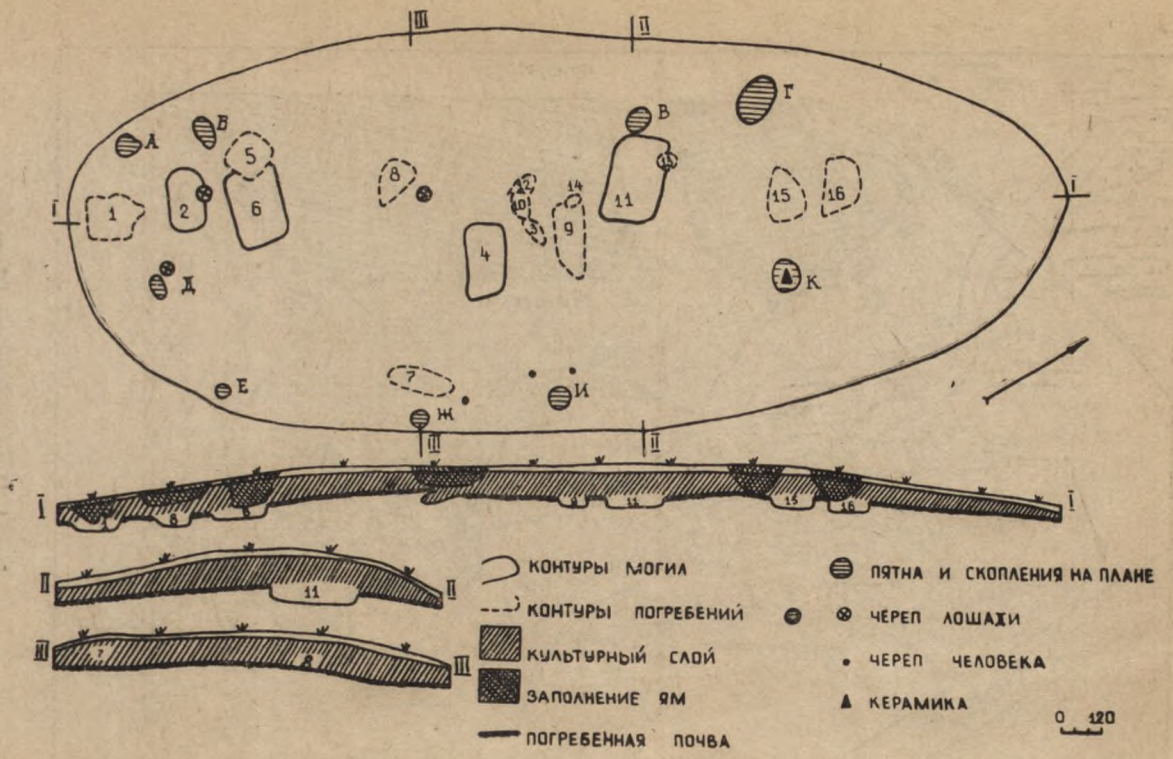


Рис. 2. План кургана 1

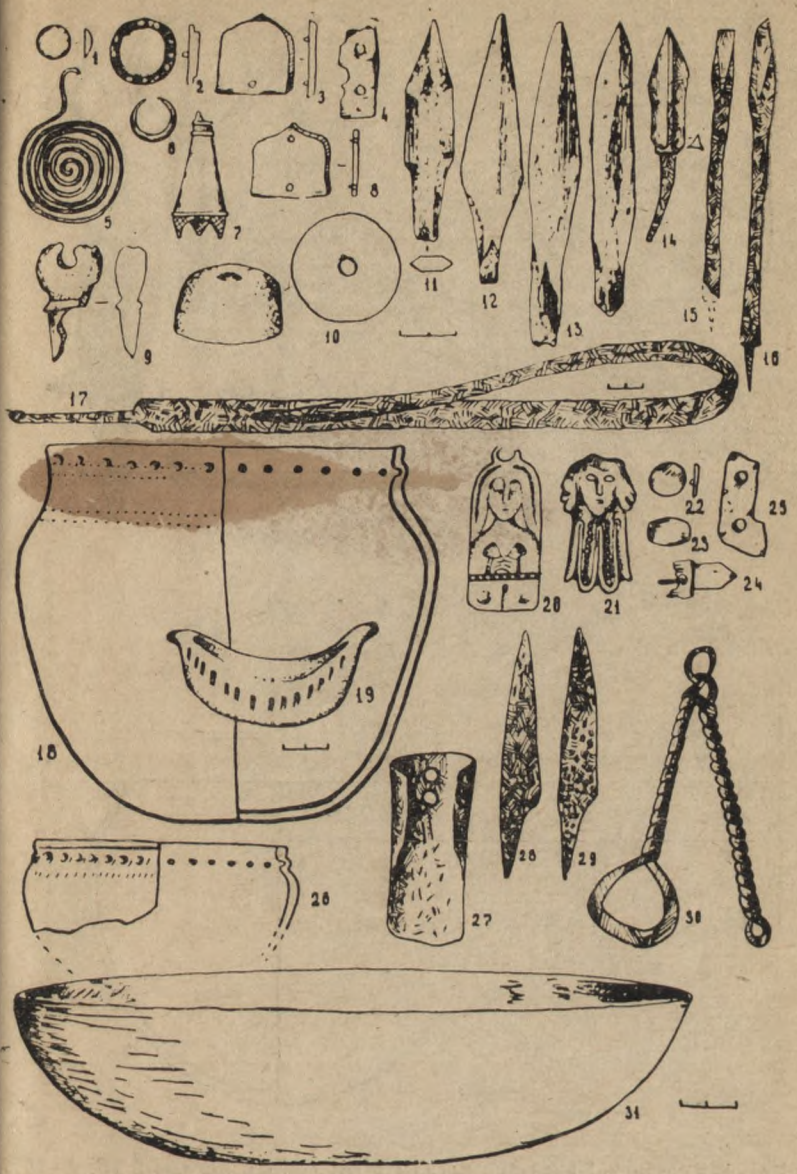


Рис. 3. Курган 1. Инвентарь насыпи (*1—17*) и скоплений *В* (*20—31*) *Г* (*18—19*). *1—8, 20—25, 31* — бронза; *9—13* — кость; *14—17, 27—30* — железо; *18, 19, 26* — глина

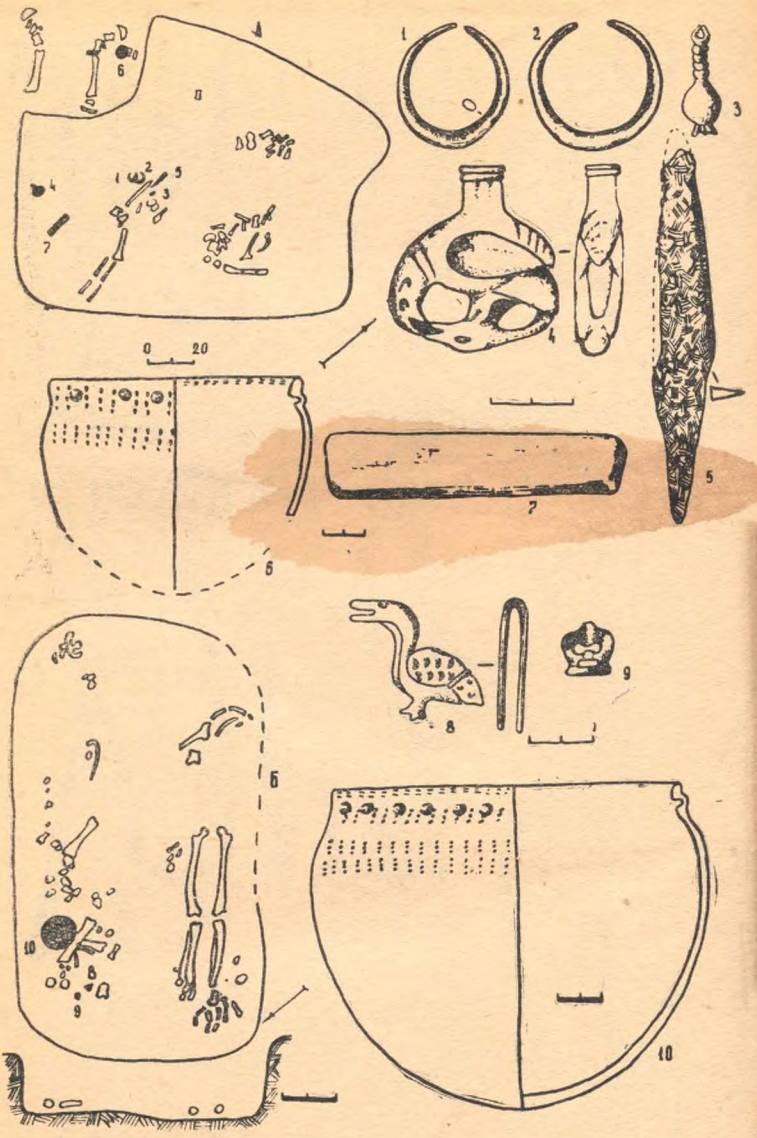


Рис. 4. Курган 1. Инвентарь могилы 1 (*А, 1—7*) и могилы 2 (*Б, 8—10*). *1—4, 8—9* — бронза; *5* — железо; *6, 10* — глина; *7* — камень

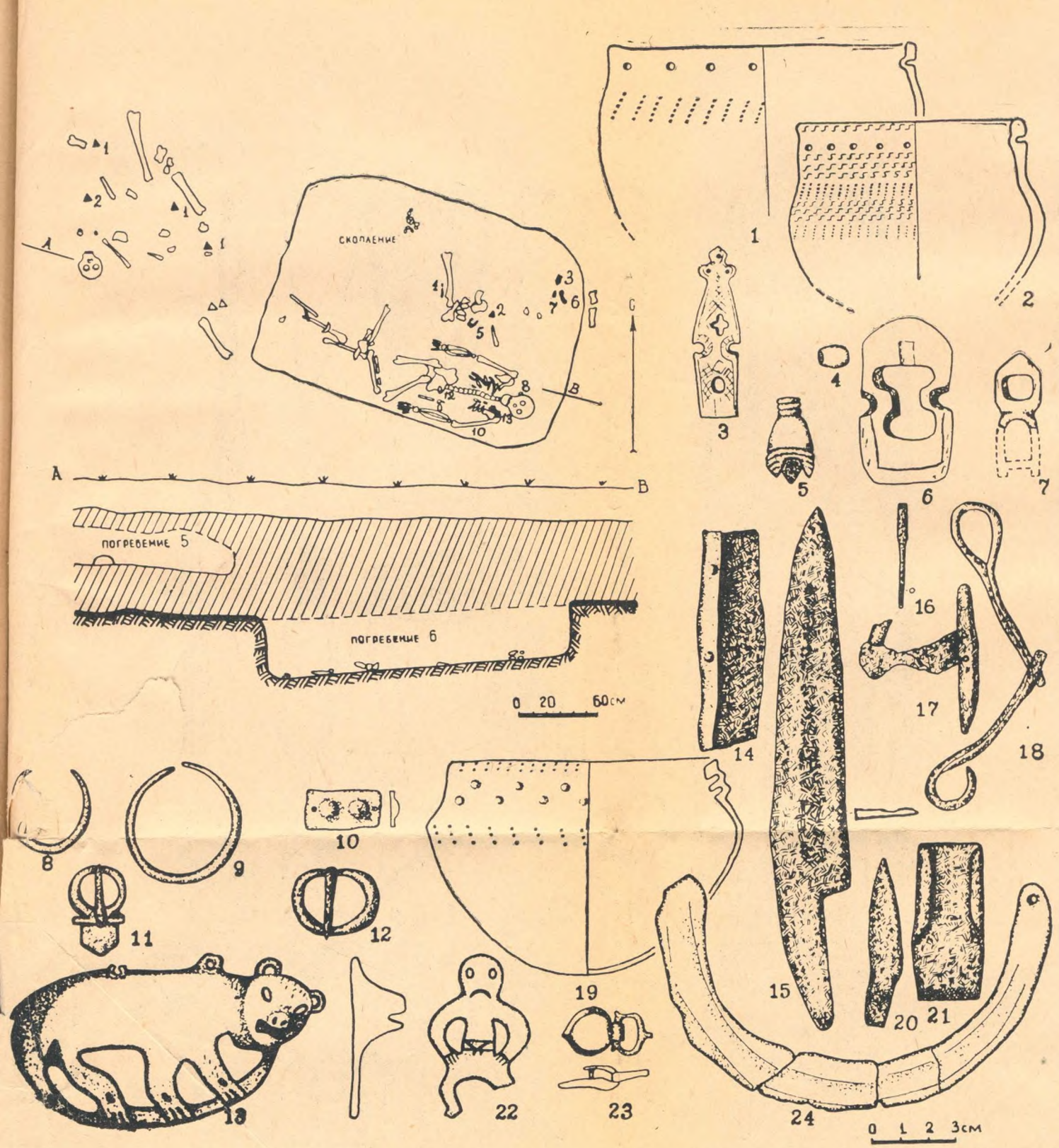


Рис. 5. Курган 1. План и инвентарь могилы 5 *(1—7)*, могилы 6 *(8—13)* и скопления *(14—24)*. *1, 2, 19,* — глина; *3, 6, 7* — кость; *4, 5, 8—11, 13,*

Рис. 6. Курган 1. Инвентарь могилы 7. *1, 4—9, 14* — железо; *2, 3, 11, 12, 15—21, 24—26* — бронза; *10, 13* — стекло; *22, 23* — глина

Рис. 7. Курган 1. План и инвентарь могилы 4 *(А, 1—5)*, могилы 17 *(Б, 6, 7)*, могилы 8 *(В, 8—12)*, могилы 9 *(13—15)* и могилы 10 *(16—20)*. *1* — кость; *2, 3, 6—12, 14—17* — бронза; *4, 5, 19, 20* — глина; *11—18* — железо; *13* — камень

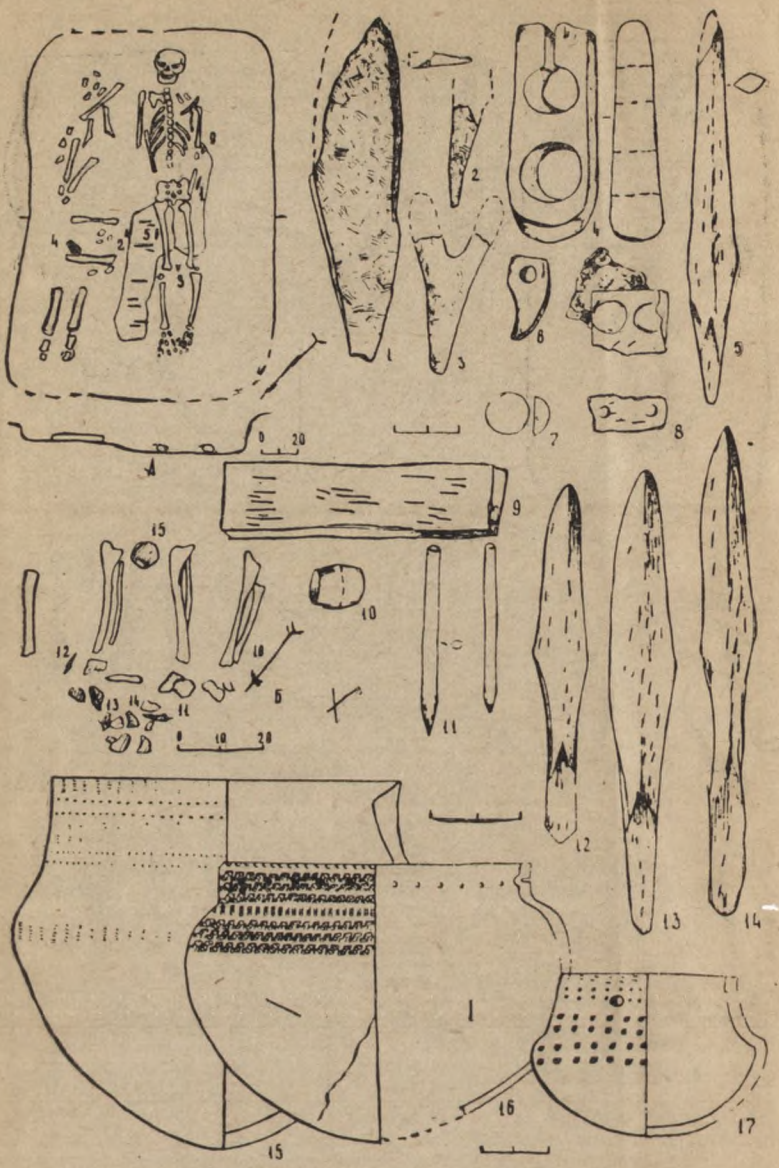


Рис. 8. Курган 1. План и инвентарь могилы 11 *(А, 1—9)*, могилы 13 *(Б, 10—15)*, могилы 14 *(17)* и могилы 16 *(16)*. *1—3* — железо; *4—6*, *11—14* — кость; *7—10* — бронза; *15—17* — глина

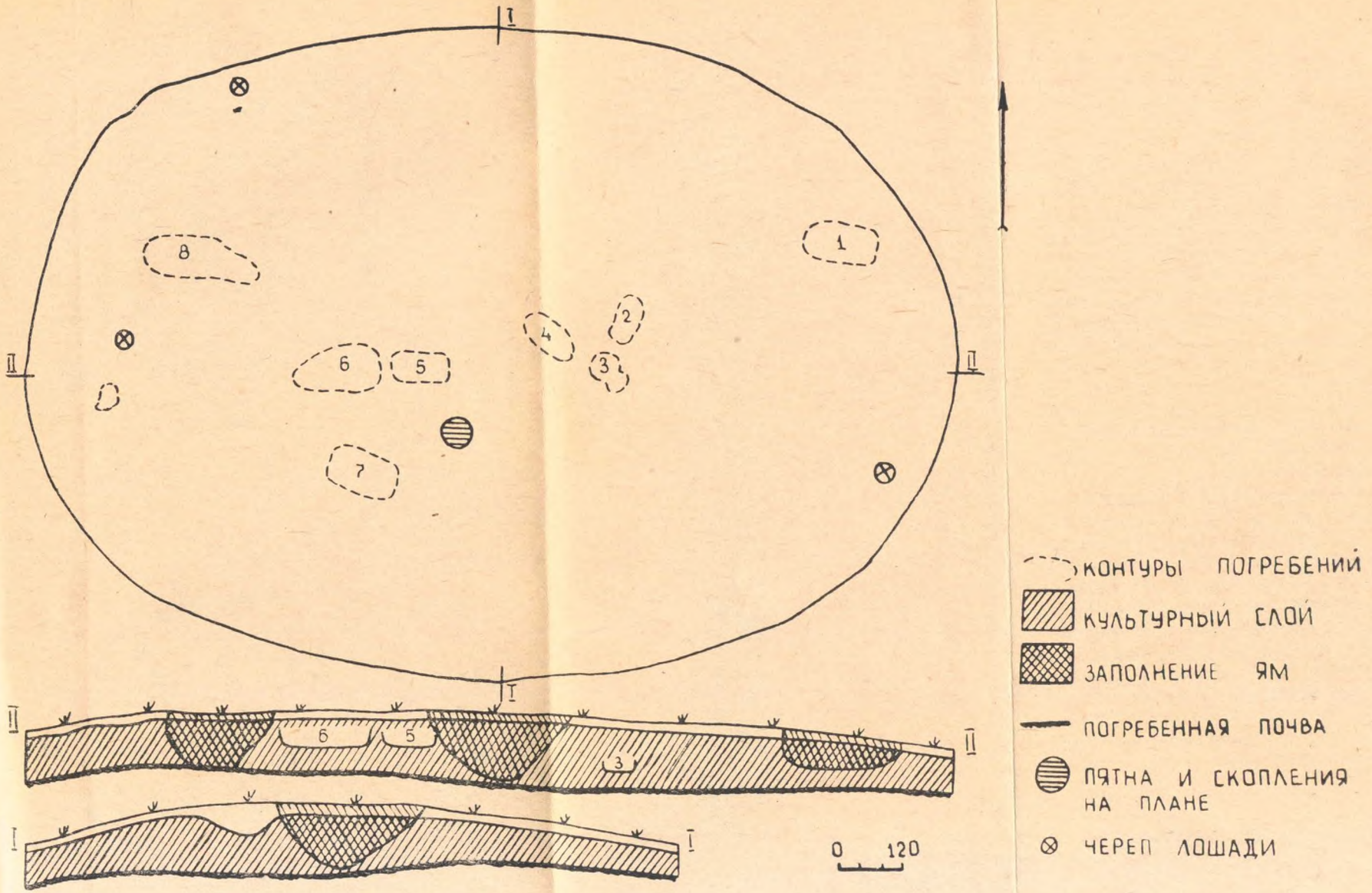


Рис. 9. План кургана 2

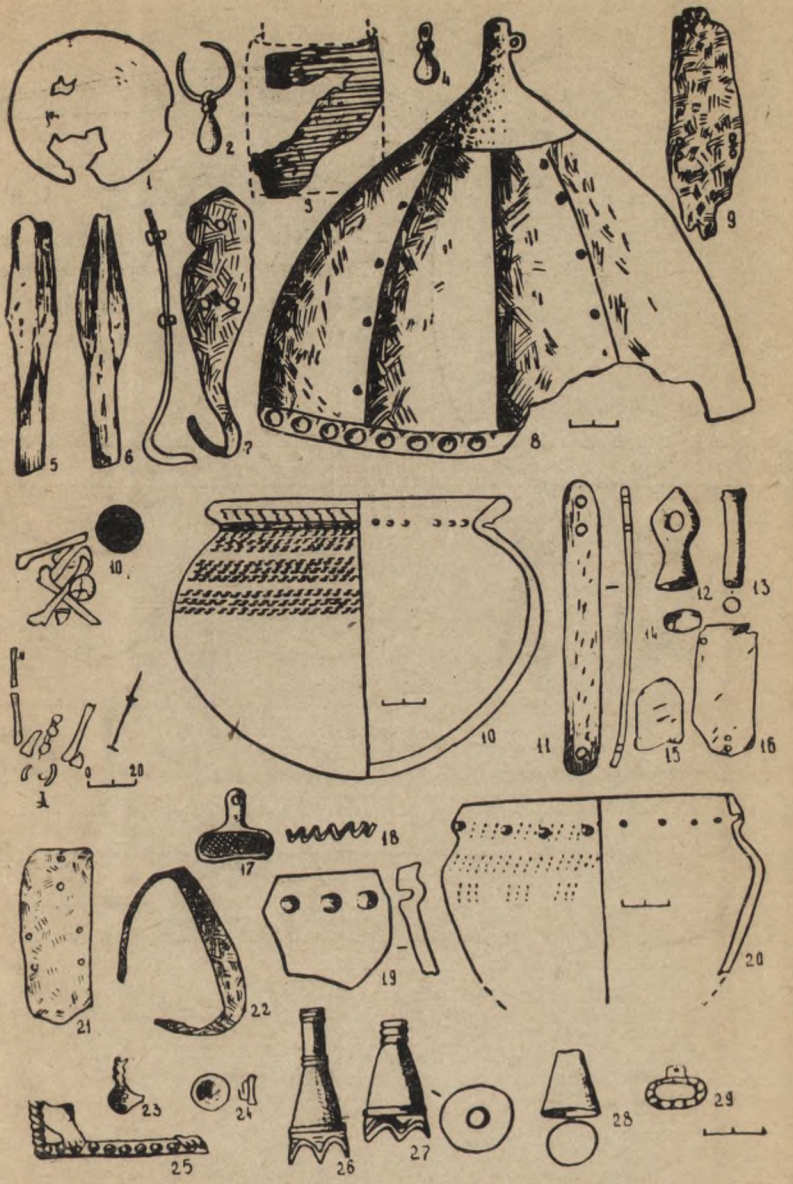


Рис. 10. Курган 2. Инвентарь насыпи (*1—9*), могилы 1 (*A, 10*), могилы 3 (*17, 18*), могилы 4 (*11—16*), могилы 5 (19), могилы 7 (*20*), могилы 8 (*21—29*). *1, 2, 4, 12—18, 23—29* — бронза; *3, 7—19, 21, 22* — железо; *5, 6, 11* — кость; *10, 19, 20* — глина

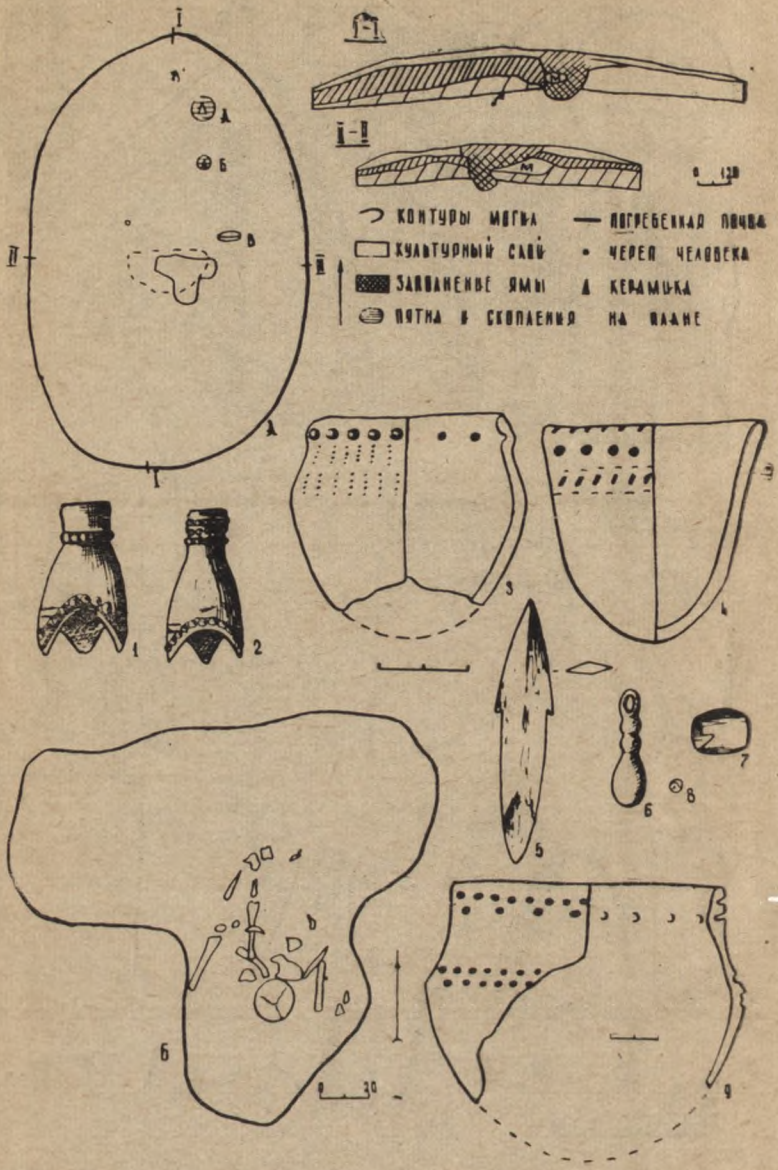


Рис. 11. Курган 3. План и разрезы кургана (*А*), инвентарь насыпи (*1—4*) и могилы (*Б, 5—9*). *1, 2, 6, 7* — бронза; *3, 4, 9* — глина; *5* — кость; *8* — стекло

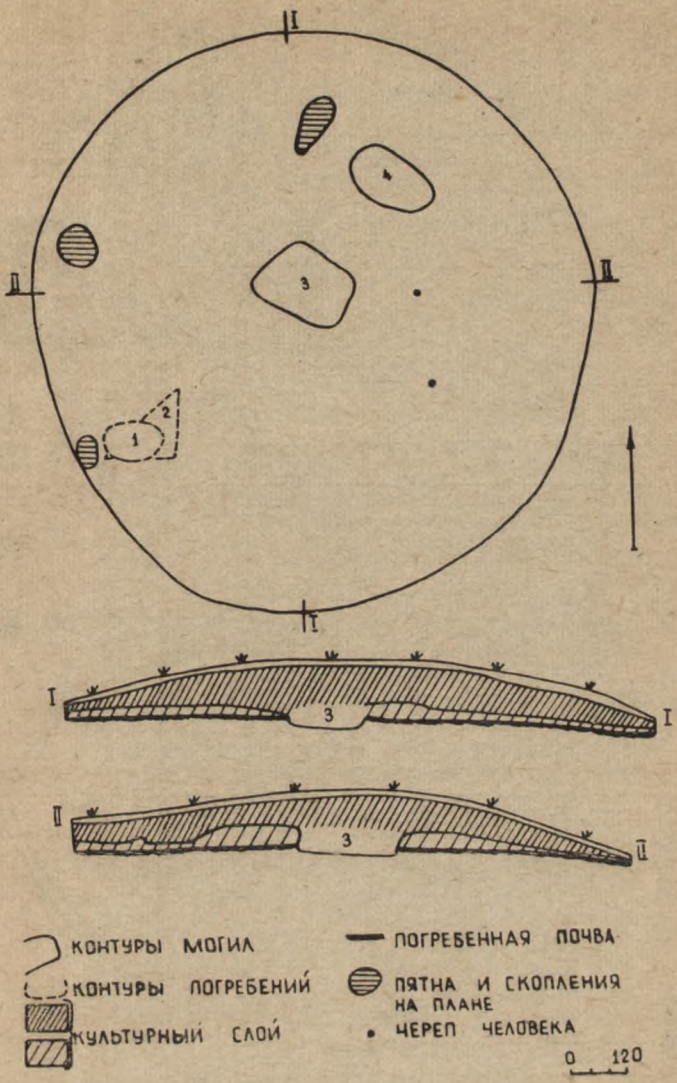


Рис. 12. План кургана 4

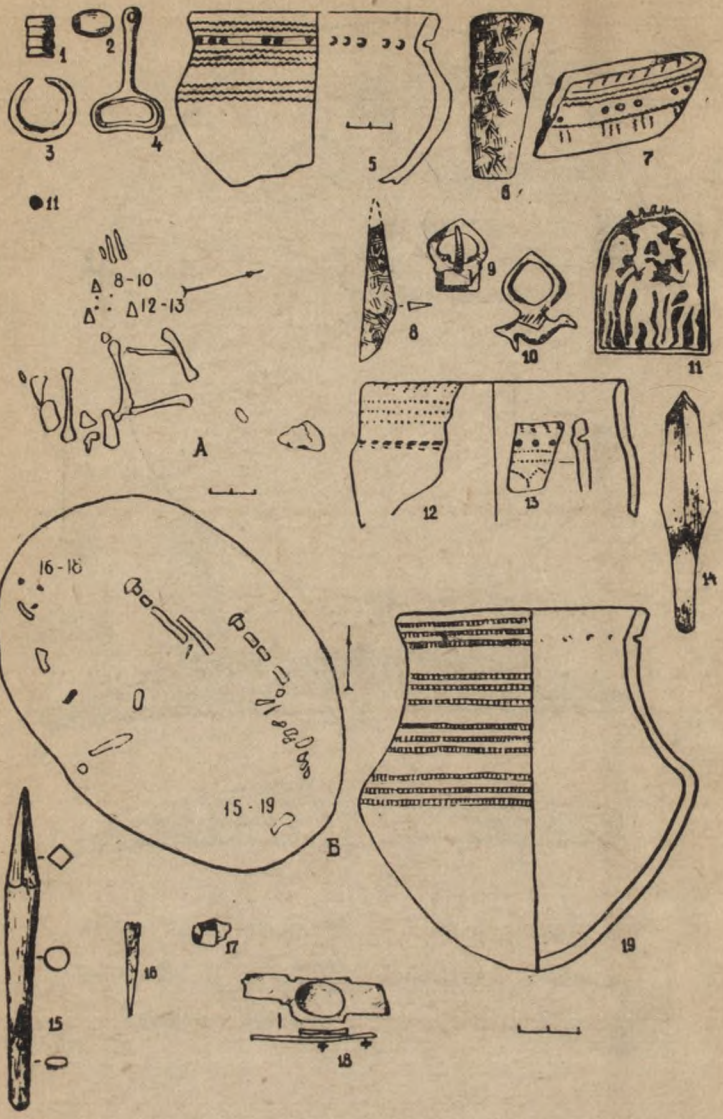


Рис. 13. Курган 4. Инвентарь насыпи *(1—4)*, кострища *(5—6)*, скопления *(7)*, могилы 2 *(8—13)*, могилы 3 *(14)*, могилы 4 *(Б, 15, 19)*. *1—4, 9—11, 17, 18* — бронза; *5, 7, 12, 13, 19* — глина; *6, 8, 16* — железо; 14, 15 — кость

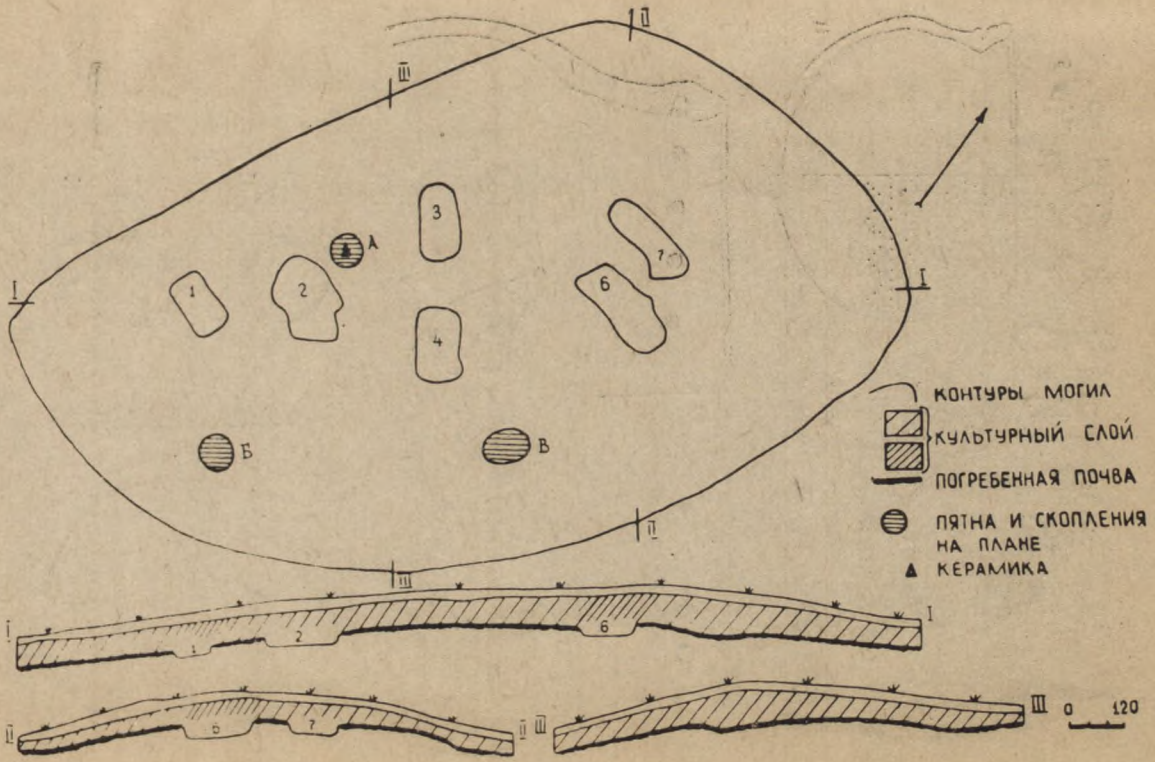


Рис. 14. План кургана 5

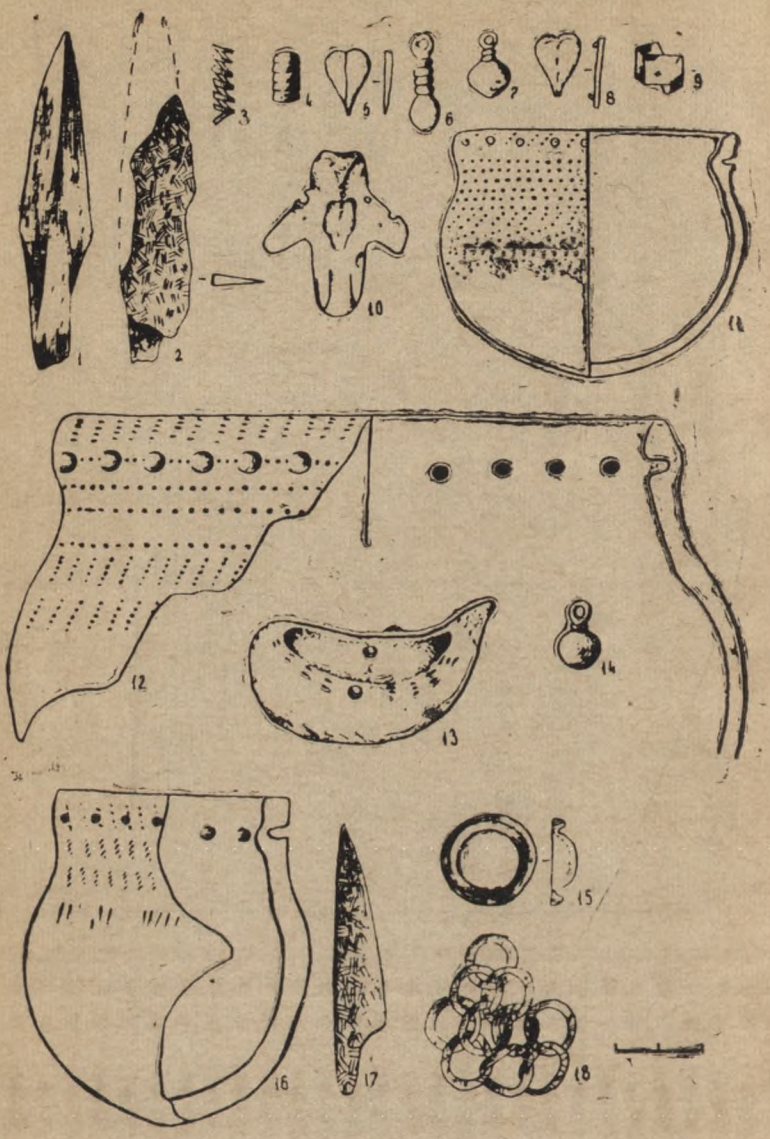


Рис. 15. Курган 5. Инвентарь насыпи *(1—9)*, скопления *А (12—14)*, скопления *Б(10, 11)*, скопления *В (15—18)*. *1* — кость; *2, 17* — железо; *3—10, 14, 15* — бронза, *11—13, 16* — глина

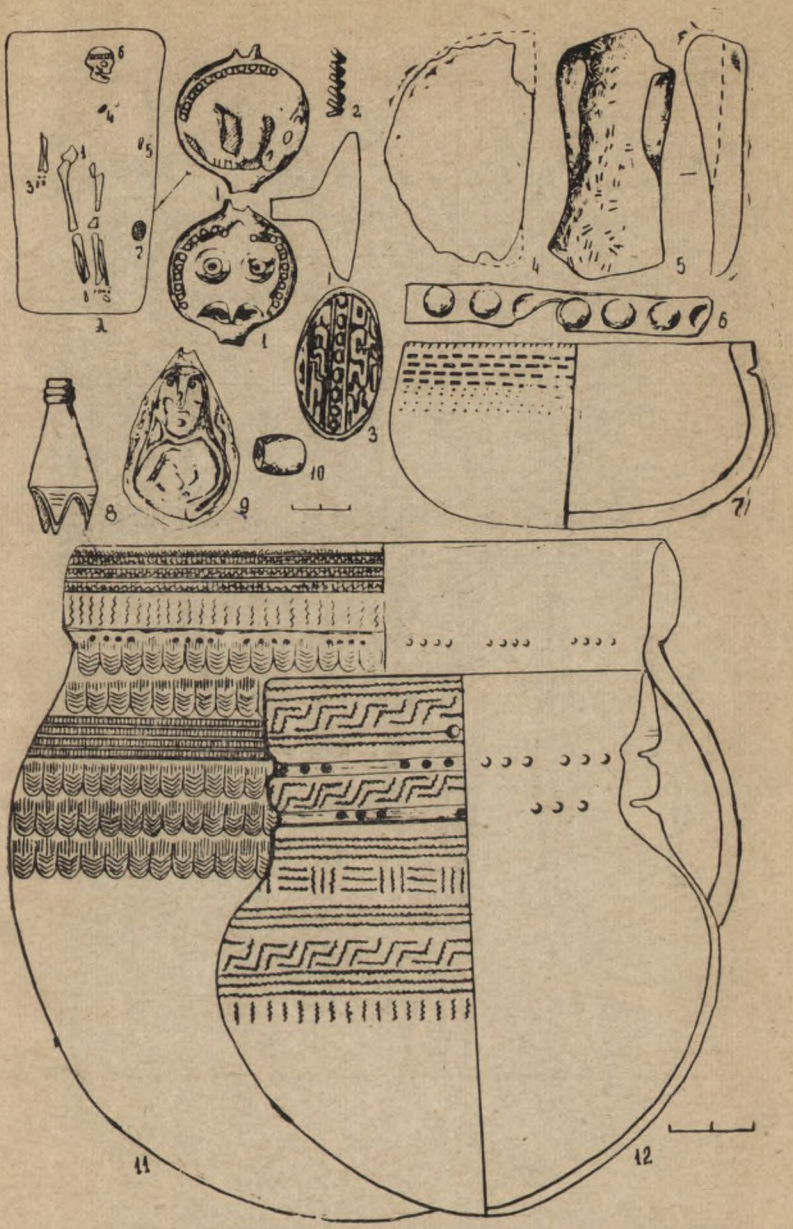


Рис. 16. Курган 5. План и инвентарь могилы 1 *(А, 1—7)*, могилы 2 *(8—12)*. *1—4, 6, 8—10* — бронза; *5* — железо; *7, 11, 12* — глина

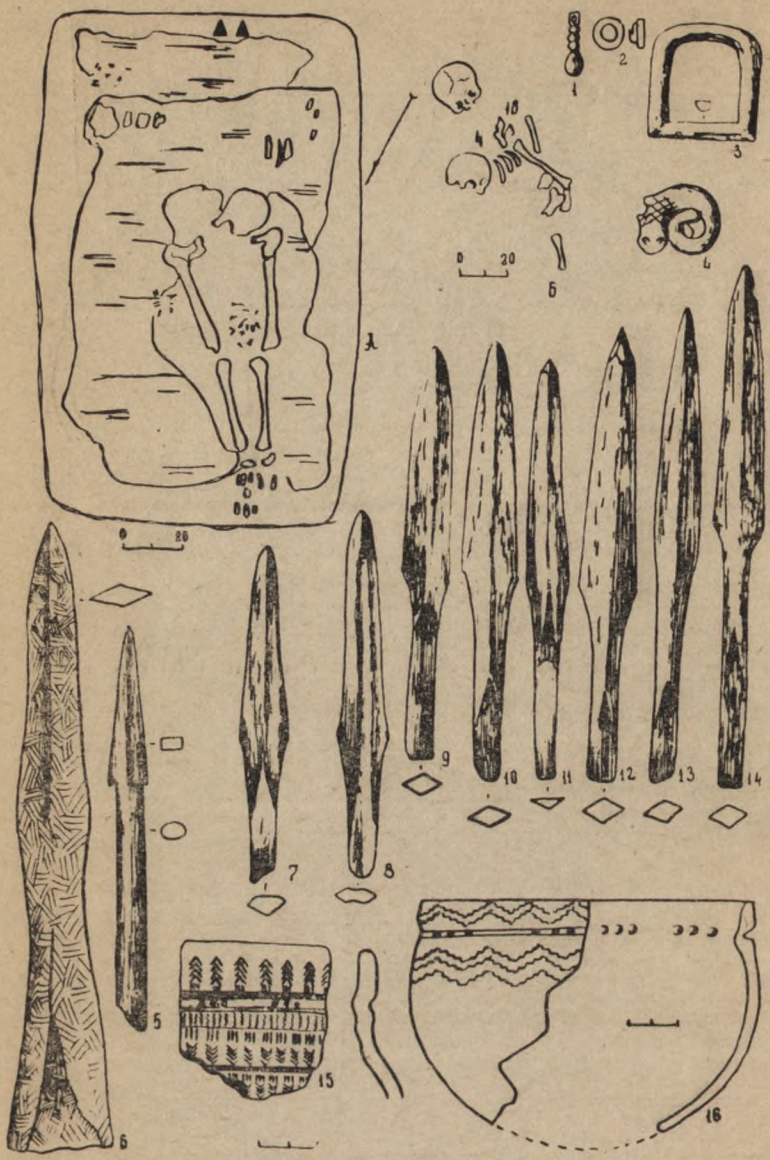


Рис. 17. Курган 5. План и инвентарь могилы 3*(А, 3)*, могилы 4 *(6—14)*; могилы 5 *(Б, 4, 16)*, могилы 6 (2, 5, 15), могилы 7 *(3)*. *1—4* — бронза; *5* — железо, *6—14* — кость; *15—16* — глина

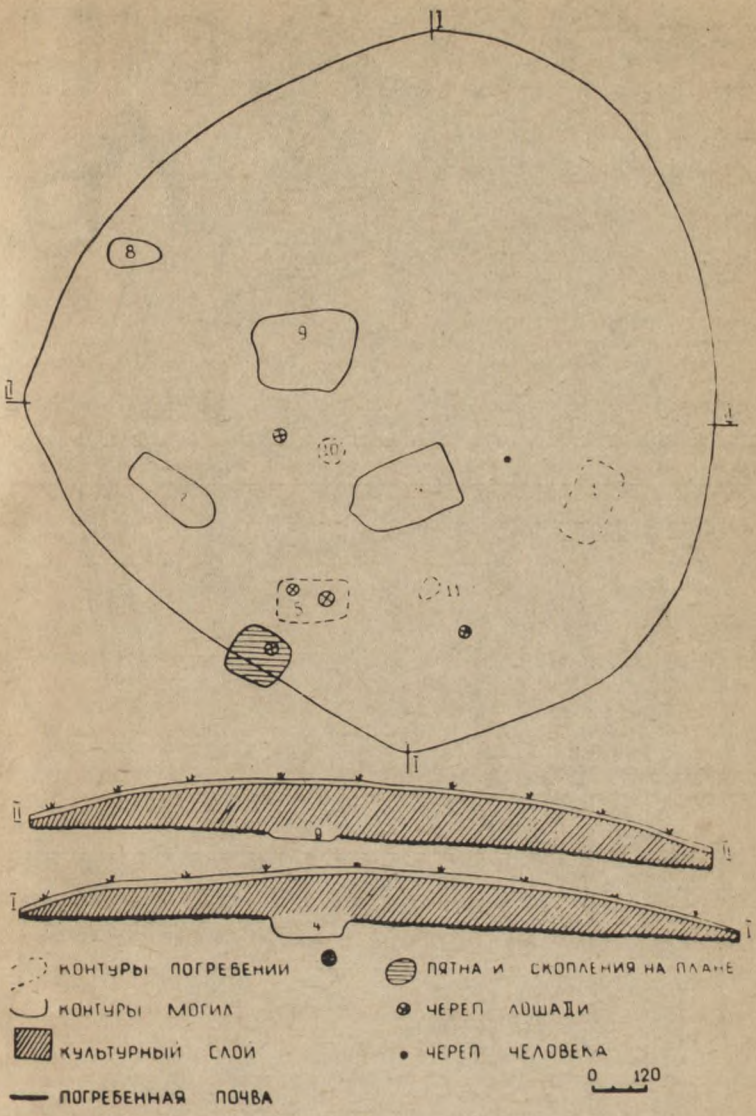


Рис. 18. План кургана 6

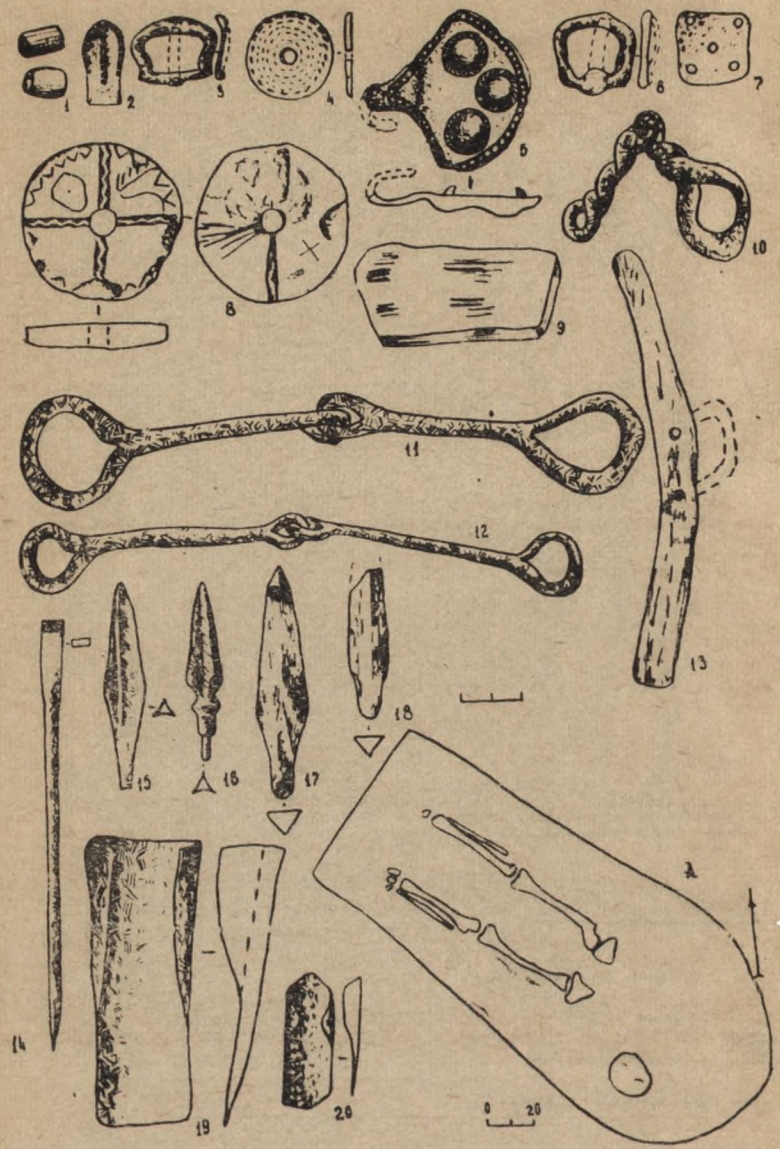


Рис. 19. Курган 6. Инвентарь насыпи *(1—20)* и план могилы 7 *(А)*. *1—5* — бронза; *6, 7, 10—12, 14—16, 19, 20* — железо; *8, 9* — камень; *13, 17, 18* — кость

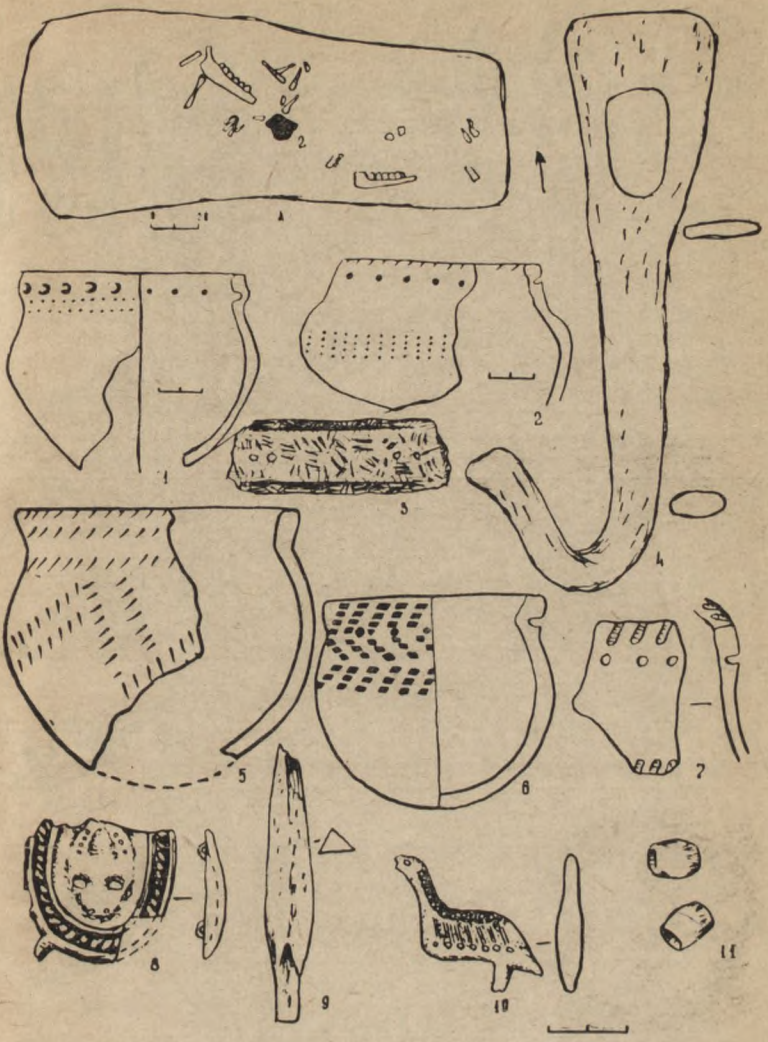


Рис. 20. Курган 6. Инвентарь могилы 1*(1)*, могилы 4 *(4)*, могилы 5 *(А, 2, 3)*, могилы 8 *(5—8)*, могилы 9 *(9—11)*. *1, 2, 5—7* — глина; *3* — железо; *4, 9* — кость; *8, 10, 11* — бронза

Рис. 21. Курган 6. Инвентарь могилы 10 *(1—14)* и могилы *11 (15—18)*. *1—8, 10, 12, 13, 15, 18* — бронза; *9, 11, 14, 16, 17* — железо

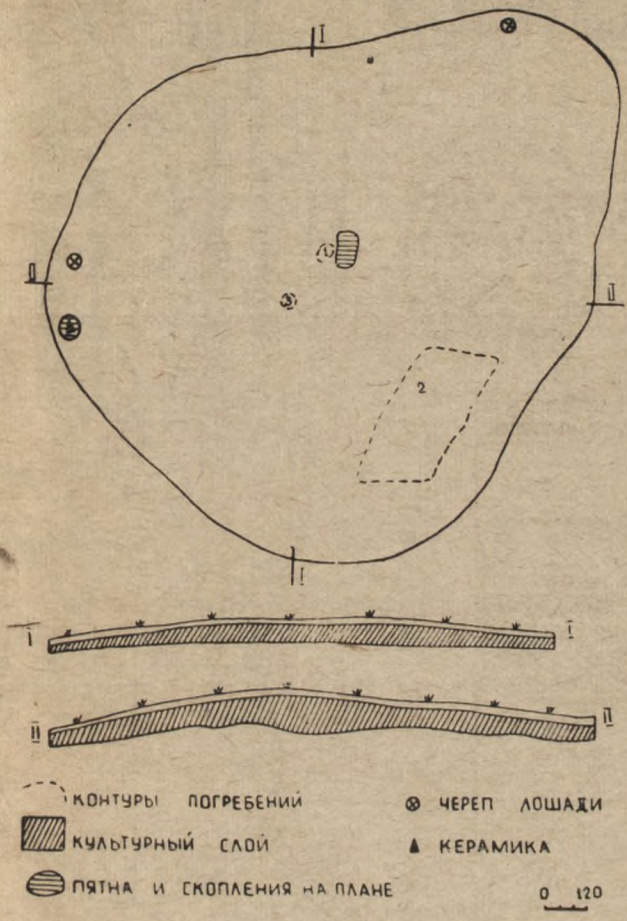


Рис. 22. План кургана 7

11*.

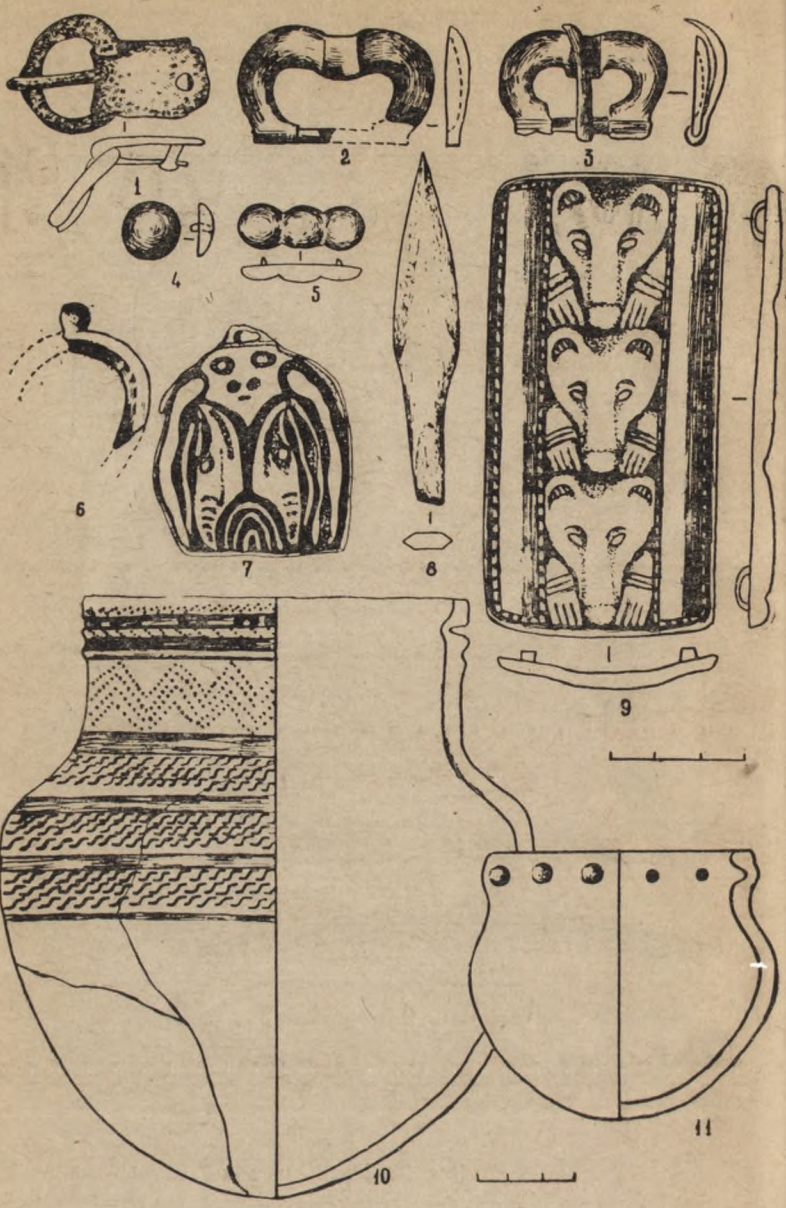


Рис. 23. Курган 7. Инвентарь насыпи (*1—5*), могилы 2 (*8, 11*), могилы 3 (*6, 7, 9, 10*). *1* — железо; *2—7, 9* — бронза; *8* — кость; *10, 11* — глина

Рис 24. Курган 7. Инвентарь могилы 1. *1—9, 14—20, 25* — железо; *10—13, 21—27* — бронза

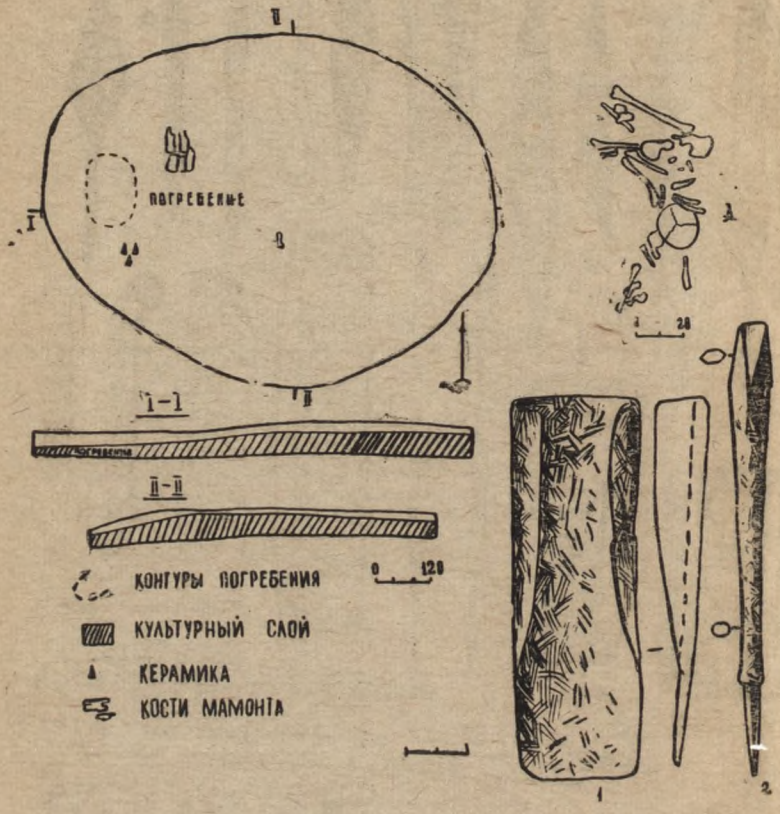


Рис. 25. Курган 8. План кургана *(А)*, могилы *(Б)* и инвентарь насыпи *(1, 2)*

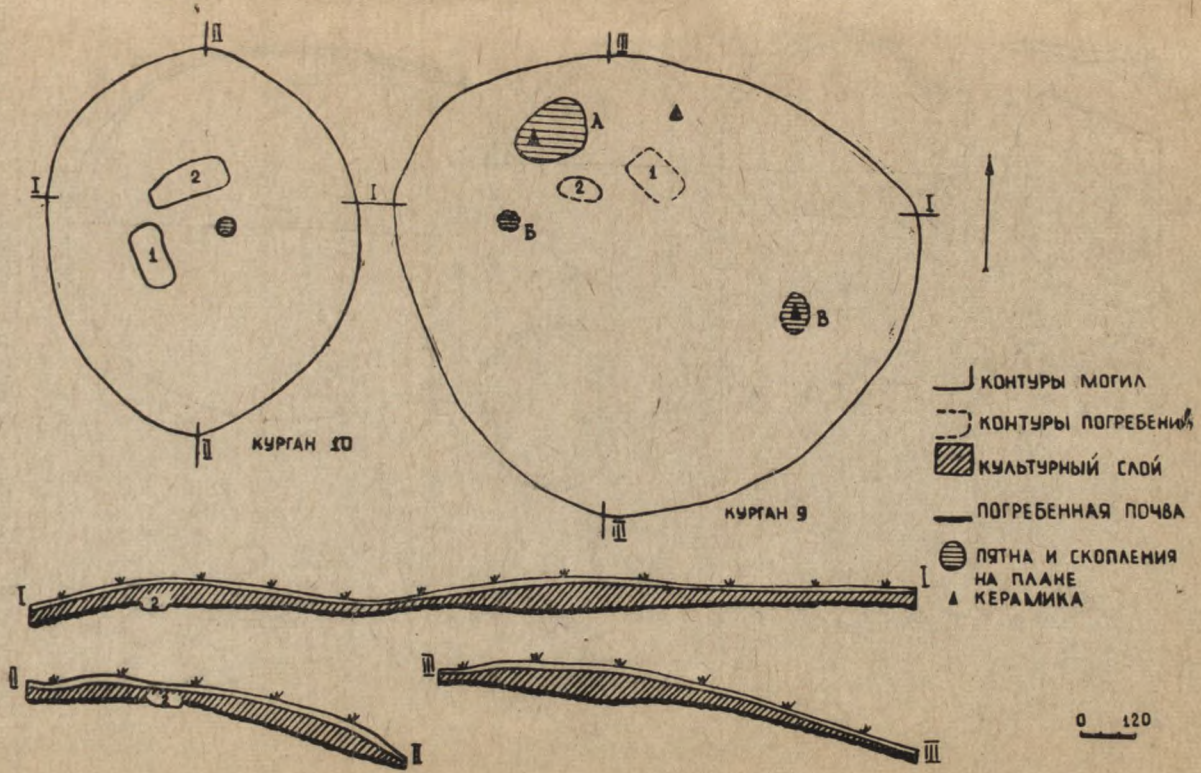


Рис. 26. Планы курганов 9 и 10

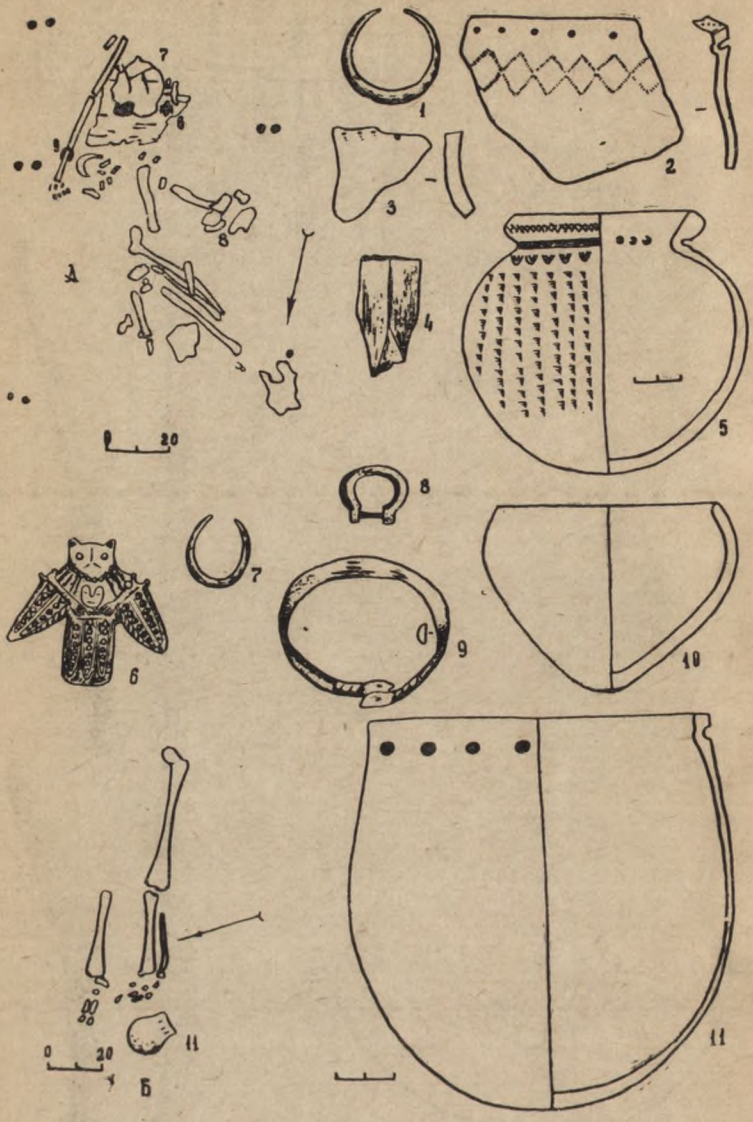


Рис. 27. Курган 9. Инвентарь насыпи *(1)*, кострища *А (2, 3)*, кострища *В (4, 5)*, могилы 1 *(А, 6—10)*, могилы 2 *(Б, 11)*. *1, 6—9* — бронза; *2, 3, 5, 10, 11* — глина; *4* — кость

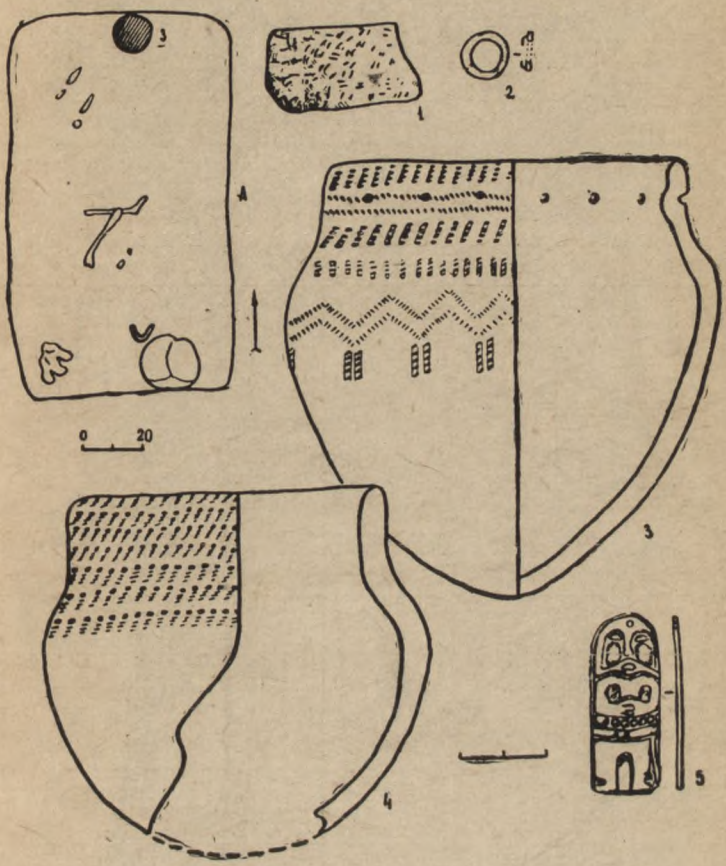


Рис. 28. Курган 10. План и инвентарь могилы 1 *(А, 1—3)* и кострища *(4—5)*. *1* — железо; *2, 5* — бронза; *3, 4* — глина

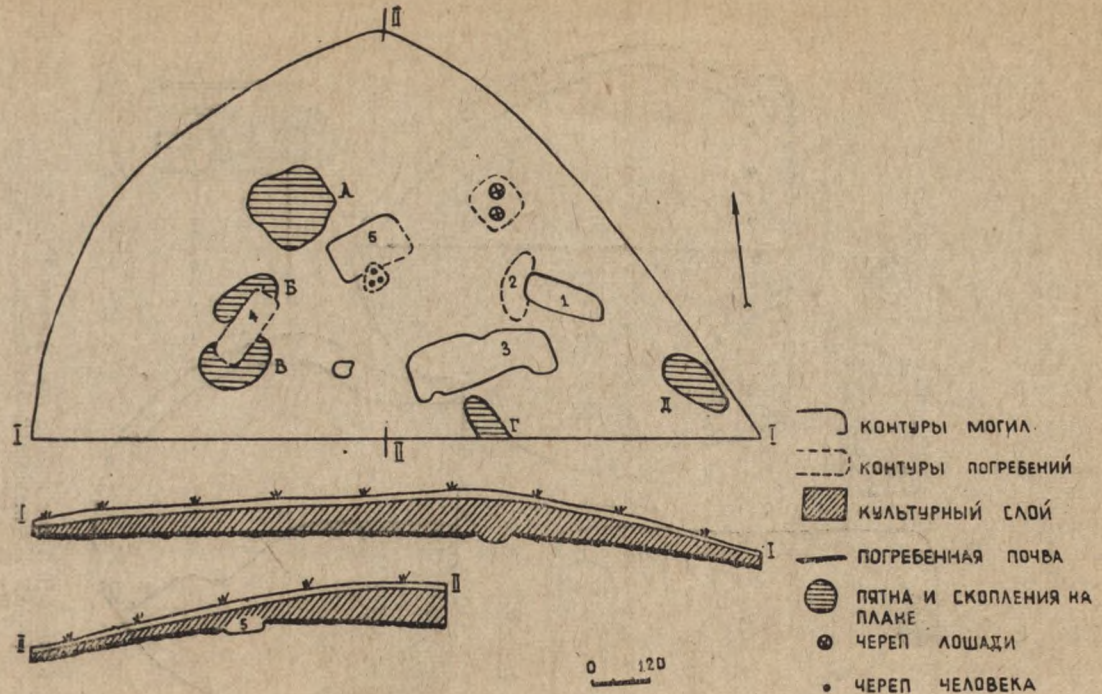


Рис. 29. План кургана 27

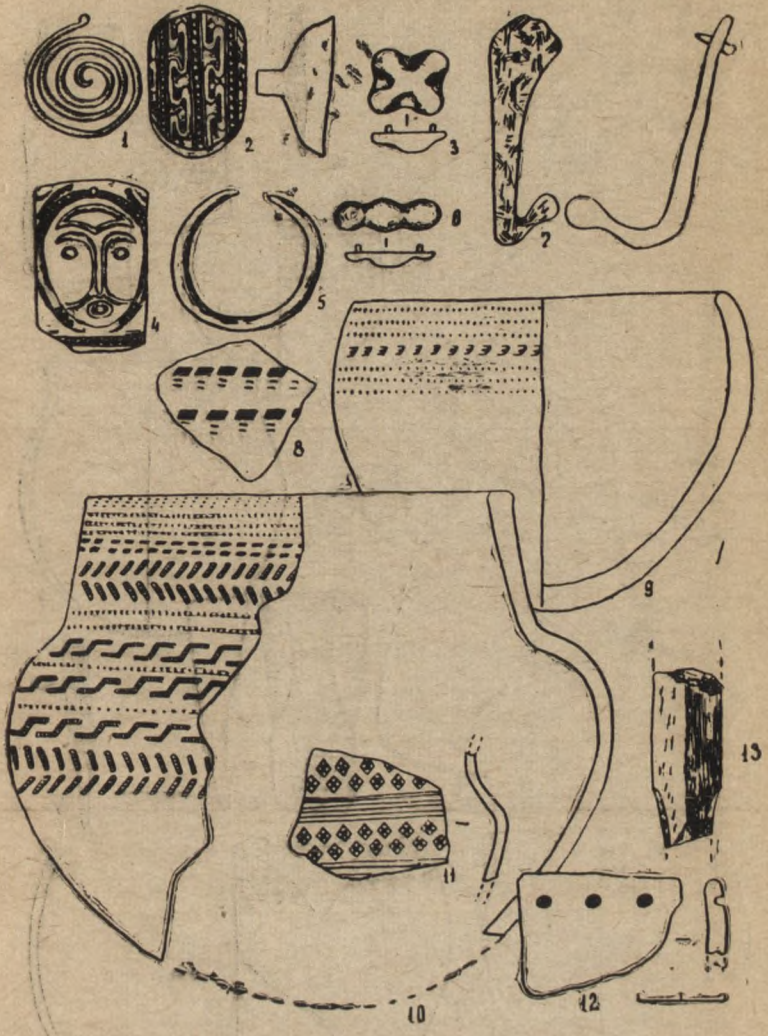


Рис. 30. Курган 27. Инвентарь насыпи (*1—3, 7*), кострища *А* (*4—6, 8, 9*), скопления (*10—13*). *1—6* — бронза; *7* — железо; *8—12* — глина; *13* — кость

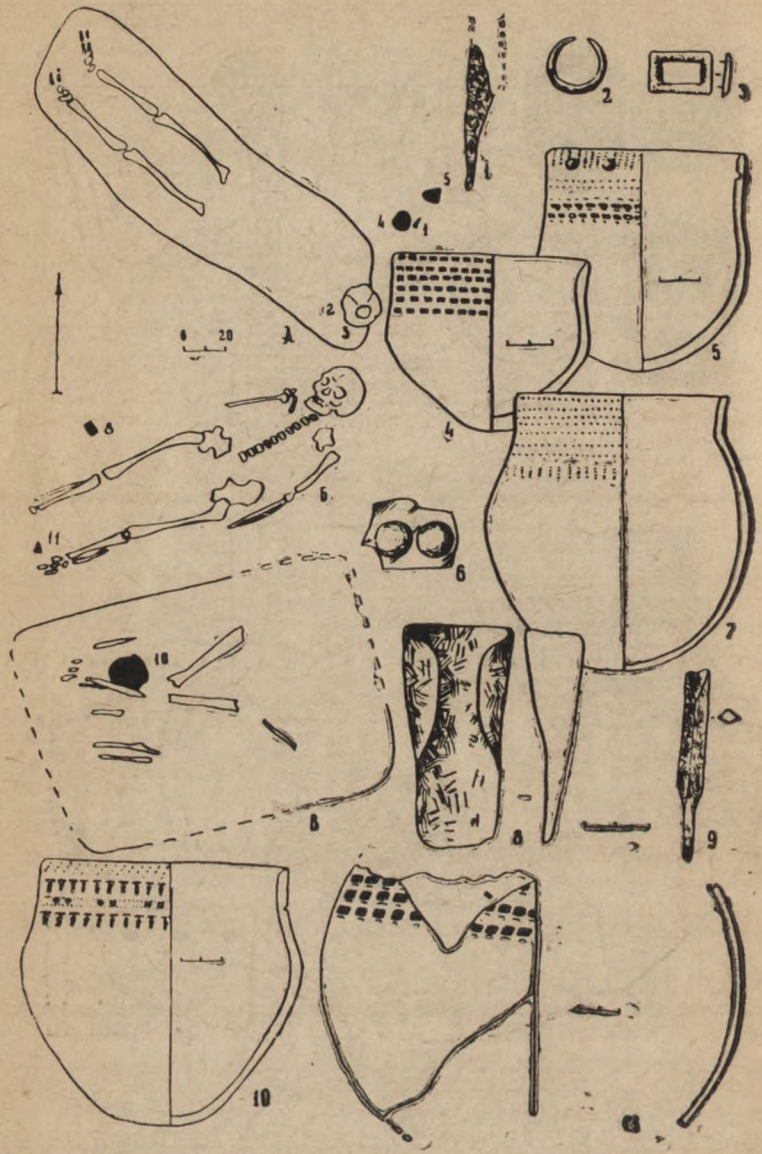


Рис. 31. Курган 27. План и инвентарь могилы 1 *(А, 1—5)*, могилы 3 *(6, 7, 9)*, могилы 4 *(Б, 8, 11)* могилы 5 *(В, 10)*. *1, 8, 9* — железо; *2, 3, 6* — бронза; *4, 5, 7, 10, 11* — глина

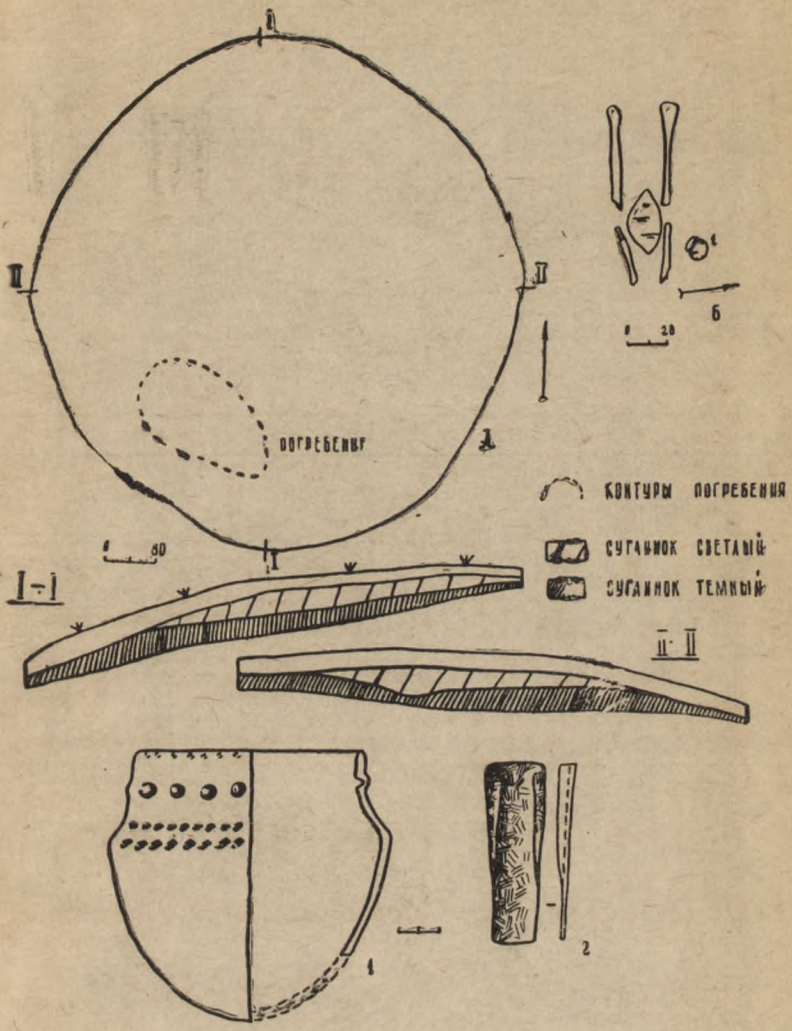


Рис. 32. Курган 38. План кургана *(А)*, могилы *(Б)* и инвентарь *(1,2)*. *1* — глина; *2* — железо

Рис. 33. Поясные наборы из могильника Рёлки. *1—26* — бронза; *27—30* — железо

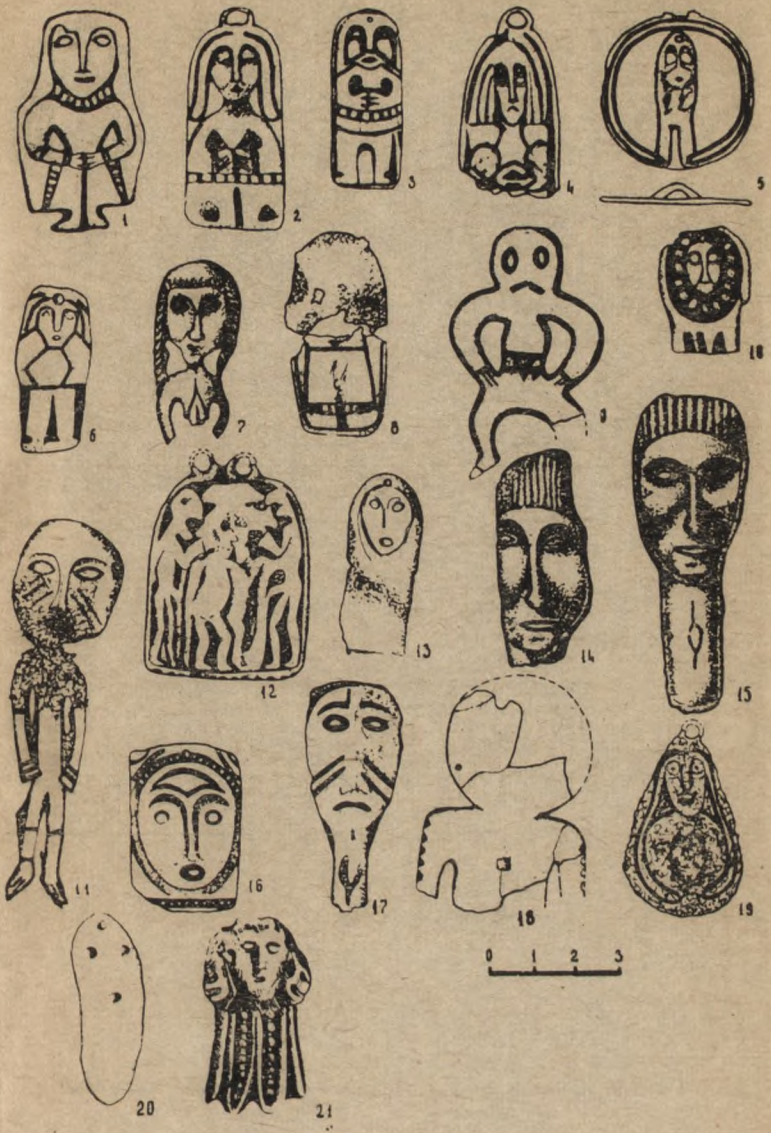


Рис. 34. Антропоморфные изображения из могильника Рёлки

Рис. 35. Зооморфные изображения из могильника Рёлки

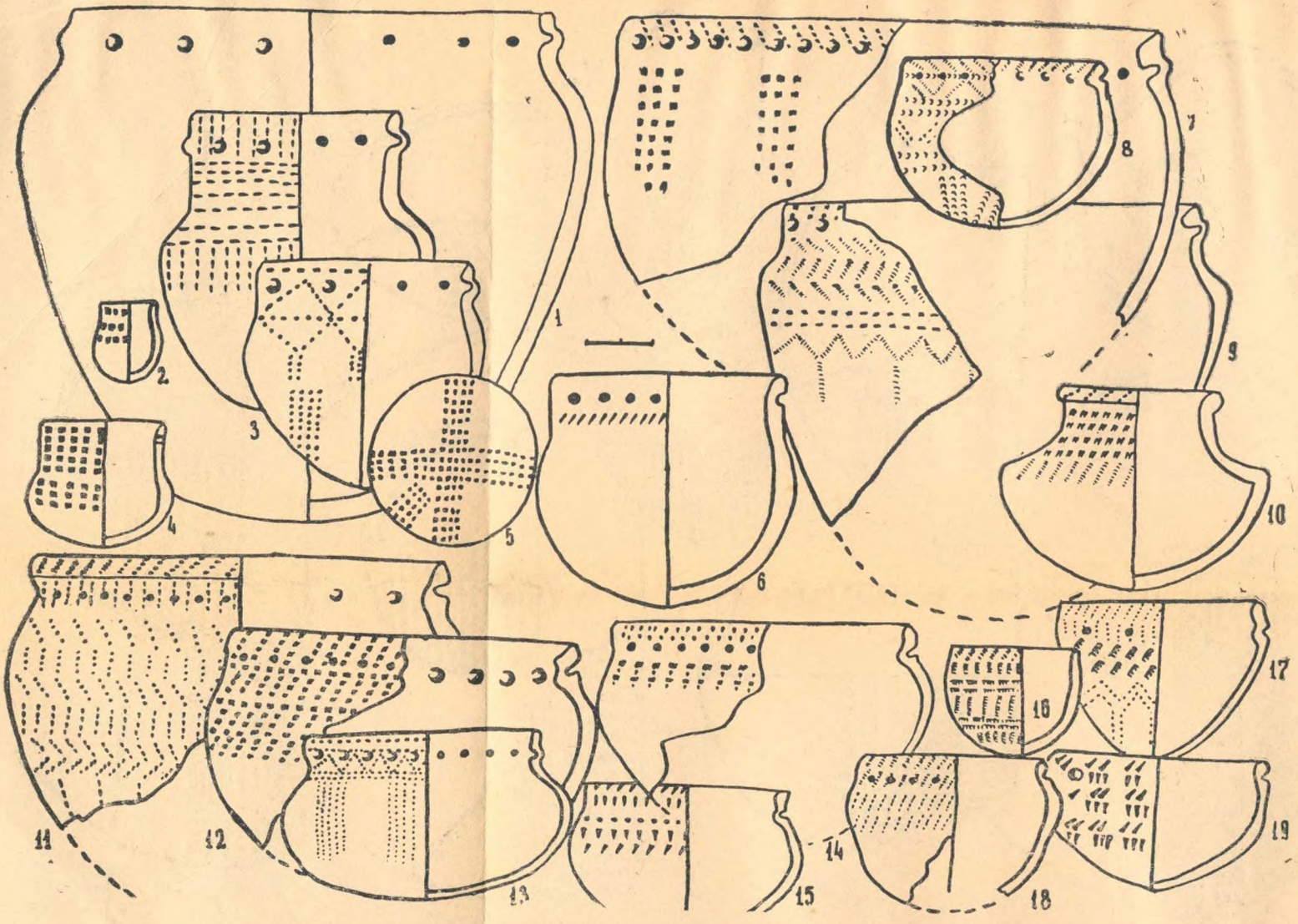


Рис. 36. Керамика I типа

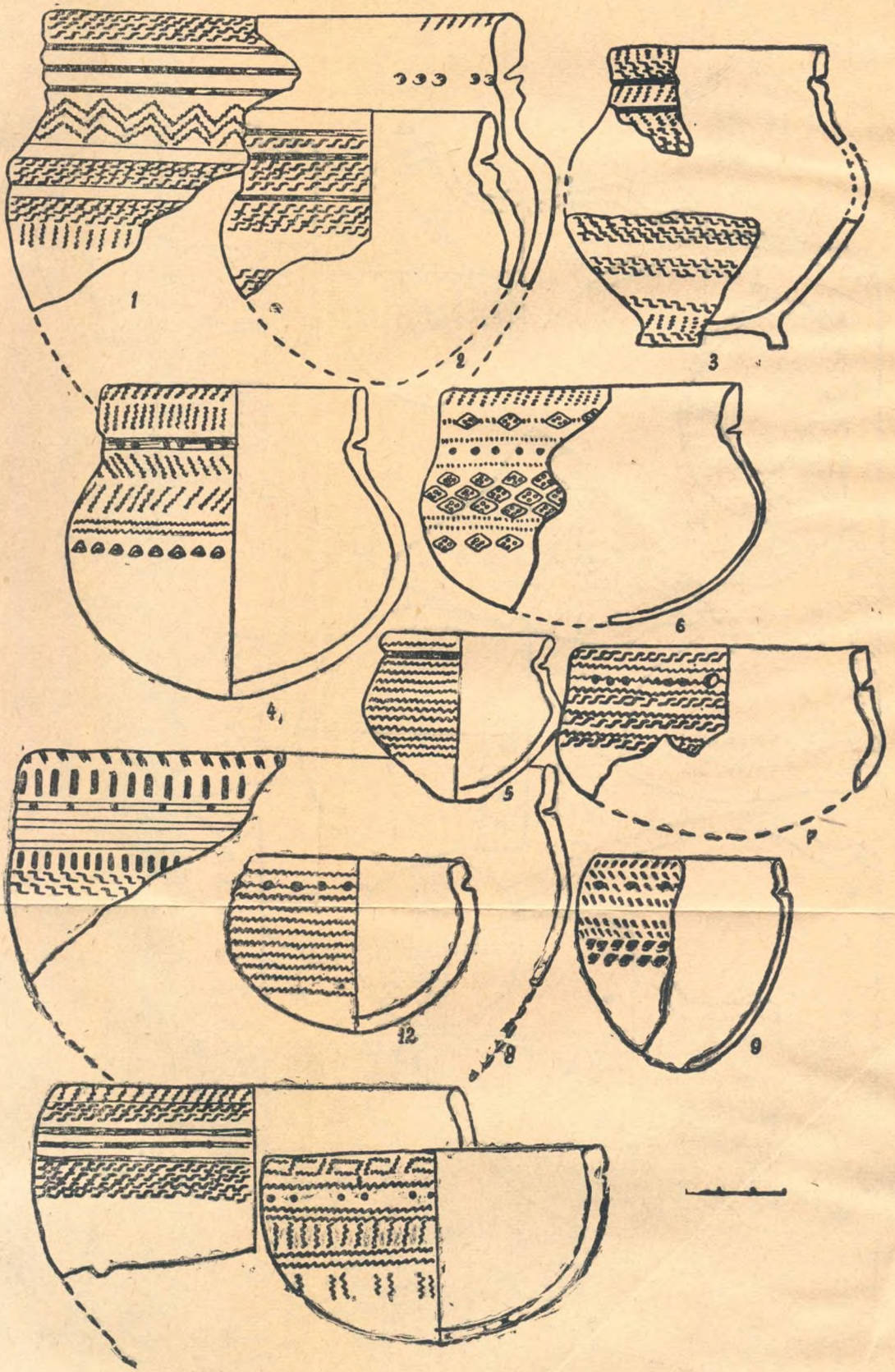


Рис. 37. Керамика II типа

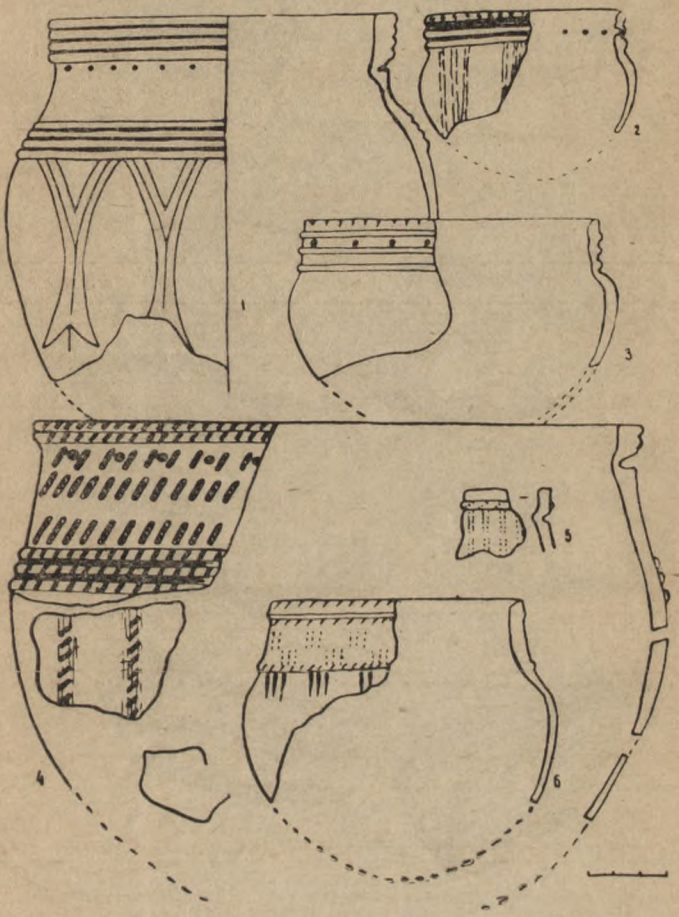


Рис. 38. Керамика III типа

Рис. 39. Ладьевидные сосуды

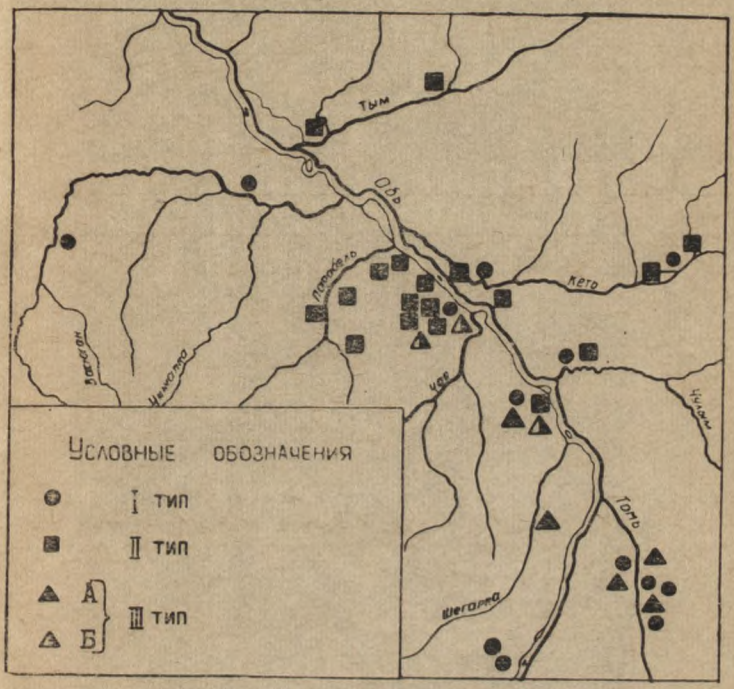


Рис. 40 Распространение типов керамики в Среднем Приобье

Рис. 41. Курган 1, могила 6

Рис. 42. Курган 2, могила 1

Рис. 43. Курган 5, могила 1

Рис. 44. Инвентарь могильника Рёлки

ЛИТЕРАТУРА

Алексеенко Е. А. 1969. Кеты. М.

Амброз А. К. 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Часть I. — СА, № 2.

Амброз А. К. 1971 а. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Часть 2. — СА, № 3.

Анучин В. И. 1914. Шаманство енисейских остяков. — СМАЭ, т. 2.

Анучин Д. Н. 1890. Сани, ладья и кони как принадлежности похоронного обряда. — Из XIV тома «Древностей». М.

Арсланова Ф. Х. 1968. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII—XII вв.). — В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата.

Арсланова Ф. Х. 1969. Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане. — В кн.: Культуры древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата.

Арциховский А. В. 1946. Русское оружие X—XIII вв. — Доклады и сообщения исторического факультета МГУ, вып.4. М.

Балинт Ч. 1972. Погребения с конями у венгров в IX—X вв. — В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М.

Беккер Э. Г. 1968. Селькупские топонимы Западной Сибири. Автореф. на соиск. учен. степени канд. фил. наук. Томск.

Бояршинова З. Я. 1950. Население Томского уезда в первой половине XVII века. — «Труды ТГУ, серия историко-филологическая», т. 112.

Вайнштейн С. И. 1961. Тувинцы-тоджинцы. М.

Вайнштейн С. И. 1966. Памятники второй половины I тыс. в Западной Туве. — «Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции», т. 2. М. — Л.

Вдовин И. С. 1971. Жертвенные места коряков и их историко-этнографическое значение. — В кн.: Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX— начале XX вв. Л.

Викторова Л. Л. 1974. Ранние формы религии киданей. — В кн.: Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск.

Воробьев М. В. 1963. К вопросу определения старинных китайских монет «кайюань тунбао». — Эпиграфика Востока, вып. 4. М.

Воронина Р. Ф. 1971. О погребальном обряде Крюково-Кужновского могильника. — КСИА вып. 128.

Гаврилова А. А. 1964. Могилы поздних кочевников у г. Суханихи на Енисее. — СА, № 2.
Гаврилова А. А. 1965. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.—Л.
Генинг В. Ф. 1959. Очерки этнических культур Прикамья в эпоху железа. — «Труды Казанского филиала АН СССР», т. 2. Казань.
Генинг В. Ф. 1964. Деменковский могильник — памятник ломоватовской культуры. — ВАУ, вып. 6. Свердловск.
Генинг В. Ф. 1972. Южное Приуралье в III-VII вв. н. э. (проблема этноса и его происхождения). — В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М.
Генинг В. Ф. 1973. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок. — СА, № 1.
Городцов В. А. 1937. Подчеремский клад. — СА, II.
Грач А. Д. 1960. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге. — «Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции», т. 1. М.—Л.
Грачева Г. Н. 1971. Погребальные сооружения ненцев устья Оби. — СМАЭ, т. 27. Л.
Грибова Л. С. 1975. Пермский звериный стиль. (Проблемы семантики). М.
Гриневич К. Э. 1974. Опыт классификации и датировки басандайской керамики. — В кн.: Басандайка. Томск.
Грязнов М. П. 1956. История древних племен Верхней Оби. — МИА, № 48.
Гумилев Л. П. 1949. Статуэтки воинов из Туюк-Мазара. — СМАЭ, т. 12. М.—Л.
Даркевич В. П. 1976. Художественный металл Востока VIII—XIII вв. М.
Деопик В. В. 1959. Классификация бус Северного Кавказа. — СА, № 3.
Деопик В. В. 1961. Классификация бус Юго-Восточной Европы. V—IX вв. — СА, № 3.
Деревянко Е. И. 1974. О погребальном обряде мохэских племен (на примере Троицкого могильника). — В кн.: Известия лаборатории археологических исследований, вып. 5. Кемерово.
Деревянко Е. И. 1975. К вопросу о вооружении мохэского воина. — В кн.: Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск.
Добрякова А. Ф. 1901. Остяки. М.
Долгих Б. О. 1961. О похоронном обряде кетов. — СА, № 3.
Дульзон А. П. 1947. Дневник раскопок курганного могильника на Басандайке. — В кн.: Басандайка. Томск.
Дульзон А. П. 1955. Остяцкие могильники XVI—XVII вв. у с. Молчаново на Оби. — «Учен. зап. ТГПИ», т. 13.
Дульзон А. П. 1956. Археологические памятники Томской области. — «Труды ТОКМ», т. 5.
Евтюхова Л. А. 1948. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан.
Записки Русского археологического общества. 1899, т. 11, вып. 1—2, новая серия.
Земцов А. А. 1973. Рельеф и четвертичные отложения Чаинского Приобья. — «Вопросы географии Сибири», вып. 7. Томск.

Иванов С. В. 1949. Мамонт в искусстве народов Сибири.— СМАЭ, т. 9.

Иванов С. В. 1957. К семантике изображений на старинных бурятских овгонах.— СМАЭ, т. 17.

Иванов С. В. 1954. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX вв. М.—Л.

Иванов С. В. 1963. Орнамент народов Сибири как исторический источник. — ТИЭ, новая серия, т. 81, М. — Л.

История Тувы. 1961, т. 1.

Калинина Л. И. 1959. О некоторых вопросах топонимики левобережья средней Оби. — «Учен. зап. ТГПИ», т. 18.

Калинина Л. И. 1961. Ареалы распространения хантыйских топонимов в Западной Сибири. — «Учен. зап. ТГПИ», т. 19, вып. 2.

Каприелов А. А. 1974. Этнографическое объяснение археологического материала Западной Сибири V—X вв. н. э. (изображения лося медведя, бобра). — «Известия лаборатории археологических исследований», вып. 5. Кемерово.

Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. — В кн.: Свод археологических источников, вып. Е1-36. М.

Кирпичников А. Н. 1971. Древнерусское оружие, т. 3. — В кн.: Свод археологических источников, вып. Е1—36. Л.

Кирпичников А. Н. 1973. Снаряжение всадника верхового коня на Руси IX—XIII вв. — В кн.: Свод археологических источников, вып. Е1-36. Л.

Кирюшин Ю. Ф. 1976. Поселение Тух-Эмтор IV — памятник Васюганского Приобья. — В кн.: Из истории Сибири, вып. 19. Томск.

Киселев С. В. 1951. Древняя история южной Сибири. М.

Ковалевская В. Б. 1969. К вопросу о «поломской культуре». — В кн.: Древности Восточной Европы. М.

Ковалевская В. Б. Башкирия и евразийские степи IV—IX вв. (по материалам поясных наборов). — В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М.

Колчин Б. А. 1953. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. — МИА, № 32.

Комарова М. П. 1952. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири. — МИА, № 24.

Косарев М. Ф. 1969. Некоторые вопросы этнической истории Обь-Иртышья по археологическим материалам.— В кн.: Происхождение аборигенов Сибири. Томск.

Косарев М. Ф. 1972. Некоторые вопросы этнической истории Западной Сибири в эпоху бронзы. — СА, № 2.

Косарев М. Ф. 1974. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.

Костров Н. 1972. Нарымский край. Томск.

Кочешков Н. В. 1966. Монгольская орнаментика и ее характерные особенности. — «Зап. Географического общества СССР, отделение этнографии», вып. 4.

Кулемзин В. М., Лукина Н. В. 1973. Легенды и сказки хантов. Томск.

Кутафьев П. И. 1938. Отчет об археологических исследованиях по Нарымскому округу за 1938 год, т. 2, Колпашево. Рукопись (Архив МАЭС, № 116).

Кызласов Л. Р. 1960. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М.

Кызласов Л. Р. 1964. Этапы средневековой Тувы. — «Вестник МГУ серия 9, история», вып. 4.

Кызласов Л. Р. 1969. История Тувы в средние века. М.

Ленц Э. Ю. 1902. Предметы вооружения и конского убора, найденные близ с. Демьяновки Мелитопольского уезда. — «Известия Археологической комиссии», вып. 2. СПб.

Литвинский Б. А. 1965. Среднеазиатские железные наконечники стрел. — СА, № 2.

Лубо-Лесниченко Е. И. 1973. Привозные зеркала Минусинской котловины. М.

Лукина Н. В. 1966. Средства передвижения нарымских селькупов. — «Учен. зап. ТГУ», № 60.

Лукина Н. В. 1972. Об этнических связях васюганско-ваховских хантов. — В кн.: Материалы по этнографии Сибири. Томск.

Мажитов Н. А. 1968. Бахмутинская культура. М.

Маршак Б. И. 1971. Согдийское серебро. М.

Маршак Б. И. Материалы по среднеазиатской торевтике. — СА, № 1.

Матющенко В. И., Старцева Л. М. 1970. Еловский курганный могильник 1 эпохи железа. — «Вопросы истории Сибири», вып. 5, Томск.

Матющенко В. И. 1974. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Неолит и бронзовый век. Части 1 и 4. Еловско-ирменская культура — В кн.: Из истории Сибири, вып. 12. Томск.

Медведев А. Ф. 1959. К истории пластинчатого доспеха на Руси. — СА, № 2.

Медведев А. Ф. 1966. Ручное метательное оружие. — В кн.: Свод археологических источников, вып. Е1-36. Л.

Медведев В. Е. 1975. Материалы раскопок могильника у с. Надеждинского. — В кн.: История и культура Востока Азии, т. 3. Новосибирск.

Мерперт Н. Я. 1951. О генезисе салтовской культуры. КСИИМК, 36.

Могильников В. А. 1964. Васюганский клад. — СА, № 2.

Могильников В. А. 1964а. Население южной части лесной полосы Западной Сибири в конце I — начале II тыс. н. э. — Автореф. на соиск. учен. степени канд. истор. наук. М.

Могильников В. А. 1968. Елыкаевская коллекция Томского университета. — СА, № 1.

Могильников В. А. 1969. К вопросу о самоедской принадлежности культур эпохи железа Среднего Приобья. — В кн.: Происхождение аборигенов Сибири. Томск.

Могильников В. А. 1973. Археологическая разведка на севере Омской области. — КСИА, вып. 136.

Могильников В. А. 1976. К проблеме тюркизации населения Притомья. — В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск.

Мошинская В. И. 1952. О некоторых каменных скульптурах Прииртышья. — КСИИМК, 43.

Мошинская В. И. 1965. Археологические памятники Севера Западной Сибири. — В кн.: Свод археологических источников, вып. Д3-8. Л.

Мягков И. М. 1929. Древности Нарымского края. — «Труды Томского краевого музея», т. 2. Томск.

Новицкий Гр. 1884. Краткое описание о народе остяцком, сочиненное в 1715 г. СПб.

Нурмуханбетов Б. 1969. Новые данные по археологии тюркского времени Южного Казахстана. — В кн.: Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата.

Отчет Археологической комиссии за 1896 г. 1898. СПб.

Окладников А. П. 1948. Древние шаманские изображения Восточной Сибири. — СА, X.

Павленок Л. А. 1967. О погребальном обряде Молчановского могильника (VI—VIII вв.). — «Вопросы истории Сибири», вып. 3. Томск.

Патканов С. К. 1891. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. СПб.

Пелих Г. И. 1963. Элементы переднеазиатской культуры у нарымских селькупов. — «Труды ТГУ», т. 171.

Пелих Г. И. 1964. К истории селькупского шаманства. — «Труды ТГУ, серия историческая», т. 167.

Пелих Г. И. 1972. Происхождение селькупов. Томск.

Плетнева Л. М. 1973. Курганный могильник у д. Могильники. — В кн.: Из истории Сибири, вып. 5. Томск.

Плетнева Л. М. 1976. Тоянов городок (по раскопкам М. П. Грязнова в 1924 г.). — В кн.: Из истории Сибири, вып. 19. Томск.

Плетнева С. А. 1961. О некоторых погребальных обычаях аланских племен Подонья. — В кн.: Исследования по археологии СССР. Сборник в честь профессора М. И. Артамонова. Л.

Плетнева С. А. 1967. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М.

Посредников В. А. 1969. Археологические памятники на р. Вах. — В кн.: Из истории Сибири, вып. 2. Томск.

Посредников В. А. 1976. Некоторые элементы религии еловского населения. — В кн.: Из истории Сибири, вып. 19. Томск.

Прокофьева Е. Д. 1949. Мамонт по представлениям селькупов. — СМАЭ, т. 11. М.—Л.

Прокофьева Е. Д. 1949а. Костюм селькупского шамана. — СМАЭ, т. 11. М.—Л.

Прокофьева Е. Д. 1950. Орнаменты селькупов. — КСИЭ, X.

Прокофьева Е. Д. 1952. К вопросу о социальной организации селькупов. — ТИЭ, XVIII.

Прокофьева Е. Д. 1961. Представление селькупских шаманов о мире. — СМАЭ, т. 20.

Прыткова Н. Ф. 1949. Жертвенное покрывало казымских хантов. — СМАЭ, XI.

Прыткова Н. Ф. 1953. Одежда хантов. — СМАЭ, XV. М.—Л.

Розов Н. С., Дремов В. А. 1966. Материалы по антропологии Среднего Приобья VII—X вв. н. э. — СЭ, № 5.

Рыбаков Б. А. 1948. Ремесло Древней Руси. М.

Савельев Н. А., Генералов А. Г., Волокитин А. В., Смирнова О. А. 1976. Керамические комплексы многослойного археологического памятника Казачка. — Тезисы докладов научно-теоретической конференции Иркутского государственного университета. Иркутск.

Самоквасов Д. Л. 1908. Могилы русской земли. М.

Саханев В. В. 1914. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг. — «Известия Археологиечской комиссии», вып. 56. СПб.

Симченко Ю. В. 1965. Тамги народов Сибири XVII в. М.

Синяев В. С. 1950. Материалы к археологической карте Нижнего Чулыма. — СА, XIII.

Смирнов А. П. 1952. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. — МИА, № 28.

Смирнов А. П. 1957. Железный век Башкирии. — МИА, № 58.

Смирнов К. Ф. 1959. Курганы у сел Иловатова и Политотдельского Сталинградской области. — МИА, № 60.

Соколова З. П. 1971. Пережитки религиозных верований у обских угров. — СМАЭ, т. 27.

Сорокин С. А. 1956. О датировке и толковании Кенкольского могильника. — КСИИМК, вып. 64.

Спицын А. А. 1901. Гляденовское кострище. — ЗРАО, т. 13, вып. 1, новая серия. СПб.

Спицын А. А. 1906. Шаманские изображения. — ЗРАО, т. 8, вып. 1. СПб.

Талицкая И. А. 1952. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы. — МИА, № 27.

Троицкая Т. Н. 1963. К вопросу о культе медведя в Приобье. — «Известия СА АН СССР, серия общественных наук», вып. 3. Новосибирск, с. 60—65.

Троицкая Т. Н. 1971. К вопросу о взаимосвязях населения Новосибирского Приобья с уральскими племенами в эпоху раннего железа. — В кн.: Археология и этнография Башкирии, т. 4. Уфа.

Троицкая Т. Н. 1973. Пояса из погребений Новосибирского Приобья II—IV вв. н. э. — КСИА, вып. 136. М.

Федосеева С. А. 1968. Культуры Верхнего Вилюя М.

Флореску Ф. Б. 1962. Лепная жгутовая керамика из долины реки Муреш. — СЭ, № 1.

Халикова Е. А., Халиков А. Х., Казаков Е. П. 1967. Танкеевский могильник и его место среди археологических памятников Прикамья.— V Уральское археологическое совещание. (Тезисы докладов и сообщений). Сыктывкар.

Халикова Е. А. 1972. Погребальный обряд Танкеевского могильника и его венгерские параллели. — В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М.

Халикова Е. А. 1976. Больше-Тиганский могильник. — СА, № 2.

Хомич А. В. 1966 Ненцы. М.—Л.

Чагаева А. С. 1968. Мурлинское городище и его датировка. — Материалы научной конференции молодых ученых Томска, т. 2.

Чагаева А. С. 1970. О хронологии памятников Чувашского мыса. — В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск.

Чарнолусский В. В. 1962. «Ящер» пермского звериного стиля. — ТИЭ, т. 78.

Чернецов В. Н. 1948. Орнамент ленточного типа у обских угров. — СА, № 1.

Чернецов В. Н. 1953. Усть-полуйское время в Приобье. — МИА, № 35.

Чернецов В. Н. 1957. Нижнее Приобье в I тыс. н. э. — МИА, № 58.

Чернецов В. Н. 1959 Представление о душе у обских угров. — ТИЭ, новая серия, т. L1.

Чернецов В. П. 1969. Опыт выделения этнокультурных ареалов в Северо-Восточной Европе и Северной Азии. — В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск.

Чиндина Л. А. 1970. О некоторых хронологических особенностях среднеобской керамики в I тыс. н. э. — В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск.

Чиндина Л. А. 1970а. Керамика могильника Рёлки на средней Оби.— СА, № 1.

Чиндина Л. А. 1971. Древние личины из Васюганья. — СА, № 4.

Чиндина Л. А. 1973. Культурные особенности среднеобской керамики эпохи железа— В кн.: Из истории Сибири, вып. 7. Томск.

Чиндина Л. А. 1973а. О кулайской культуре. — В кн.: Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.

Чиндина Л. А. 1974. Могильник Рёлка. — «Вопросы истории Сибири» ,вып. 8. Томск.

Чиндина Л. А. 1975. О погребальном обряде поздних могильников Нарымского Приобья. — В кн.: Из истории Сибири, вып. 16. Томск.

Чиндина Л. А. 1976. О возможности реконструкции социальной организации Нарымского Приобья в раннем средневековье. — В кн.: Из истории Сибири, вып. 21. Томск.

Чиндина Л. А., Балакин Ю. В. 1976. Поселения Круглое озеро I и II. — В кн.: Из истории Сибири, вып. 19. Томск.

Шмидт А. В. 1927. К вопросу о происхождении пермского звериного стиля. — СМАЭ, т. 6.

Щапова Ю. Л. 1956. Стеклянные бусы древнего Новгорода. — МИА, № 55.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВАУ — Вопросы археологии Урала

ГИМ — Государственный исторический музей

ЗРАО — Записки Русского археологического общества

ИА АН СССР — Институт археологии АН СССР

ИАК — Известия археологической комиссии

КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР

КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР

МАЭС — Музей археологии и этнографии Сибири Томского университета

МГУ — Московский государственный университет

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР

ОАК — Отчет археологической комиссии

ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ

СА — Советская археология

СМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР

СЭ — Советская этнография

ТГПИ — Томский государственный педагогический институт

ТГУ — Томский государственный университет

ТИЭ — Труды института этнографии

ТОКМ — Томский областной краеведческий музей

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава I. Описание могильника 7

Глава II. Инвентарь могильника 25

Орудия труда и бытовые предметы 25
Оружие 27
Конское убранство 3
Принадлежности одежды и украшения 3
Антропоморфные и зооморфные изображения 41

Глава III. Типология рёлкинской керамики 52

Глава IV. Хронология 68

Глава V. Погребальный обряд 80

Глава VI. Культурные особенности могильника 107

Хозяйство 118
Общество 11
Некоторые особенности этнокультурных связей 130

Заключение 141
Приложения 14
Литература 184
Список сокращений 191

Людмила Александровна ЧИНДИНА

МОГИЛЬНИК РЕЛКА НА СРЕДНЕЙ ОБИ

Редактор **В. А. Малаховская**
Технический редактор **Р. М. Подгорбунская**
Корректор **Г. Г. Иванова**

К302264 Сдано в набор 13/VI-77 г. Подписано к печати 24/XII-77 г. Формат 60×84 1/16; бум. типографская № 3; п. л. 13+4 вкл.; уч.-изд. л.10; усл. п. л. 12,5.
Заказ 6194. Тираж 500 экз. Цена 1 руб. 50 коп.

Издательство ТГУ. Томск, 29, ул. Никитина, 17.
Типография издательства «Красное Знамя», ул. Советская, 47